

ISSN 0131-6117

РУСС-

R U S S I A N

СЛОВА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2024

ЯНВАРЬ –
ФЕВРАЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: **М. А. Пузина**

Зав. отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волконка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2024

ISSN 0131-6117

Russian
R U S S K A Y A
Speech
R E C H'

MOSCOW, 2024

**JANUARY-
FEBRUARY**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Znadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *В. В. Глебкин, Е. А. Евчук.* Экспериментальное исследование ситуации лексического выбора (на материале конструкций «открывать бутылку» и «откупоривать бутылку»)
- 21..... *С. В. Князев.* *А у нас тут меньше якают* (безударный вокализм двух соседних тамбовских говоров)
- 33..... *Е. Н. Никитина.* Как рождается обобщенно-личное высказывание?
- 49..... *М. Г. Соколова.* «Фреш или не фреш?»
(Лингвистическое портретирование слова *фреш* в современном публицистическом дискурсе)

Из истории русского языка

- 60..... *А. С. Глаголева.* Бишь: баять или быть?
О происхождении одной частицы
- 70..... *Н. В. Николенкова.* Первый этап формирования русской научной терминологии: предшественники М. В. Ломоносова

Язык художественной литературы

- 82..... *И. А. Киселева, К. А. Поташова, А. С. Ермакова.* Лексико-семантическая репрезентация образа Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова
- 98..... *Е. В. Шарпова.* Метафоры звука в романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов»
- 107..... *М. И. Шутан.* Период в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»

Наука в лицах

- 124..... Памяти Александра Анатольевича Соколянского

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... Vladimir V. Glebkin, Elizaveta A. Evchuk. Experimental Study of Lexical Choice Situation (on the Material of the Constructions *otkryvat'* butylku 'open a bottle' and *otkuporivat'* butylku 'uncork a bottle')
- 21..... Sergey V. Knyazev. *There's Less Jakan'je Here* (Unstressed Vowel Systems of Two Neighbouring Tambov Dialects)
- 33..... Elena N. Nikitina. How is a Generically Personal Statement Born?
- 49..... Marina G. Sokolova. "Fresh or not Fresh?" (Linguistic Portraying of the Word *Фреш* (Fresh) in Modern Journalistic Discourse)

From the History of the Russian Language

- 60..... Anastasiya S. Glagoleva. Bish': Bayat' or Byt'? About the Origin of One Particle
- 70..... Natalia V. Nikolenkova. The First Stage of Russian Scientific Terminology Formation: The Predecessors of M. V. Lomonosov

The Language of Fiction

- 82..... Irina A. Kiseleva, Ksenia A. Potashova, Alyona S. Ermakova. Lexic-semantic Representation of the Image of the Caucasus in the Works of M. Yu. Lermontov
- 98..... Ekaterina V. Sharapova. Sound Metaphors in Vera Bogdanova's novel *The Season of Poisoned Fruit*
- 107..... Mstislav I. Shutan. Period in L. N. Tolstoy's Novel "War and Peace"

Science and Persons

- 124..... In memory of Alexander Anatolyevich Sokolyansky

Экспериментальное исследование ситуации лексического выбора (на материале конструкций «открывать бутылку» и «откупоривать бутылку»)

Владимир Владиславович Глебкин¹, Елизавета Александровна Евчук²,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации; Школа №1514 (Россия, Москва)¹, независимый исследователь (Россия, Москва)²,
gleb1514@gmail.com¹, liza.evchuk@gmail.com²

DOI: 10.31857/S0131611724010015

АННОТАЦИЯ: Лексическая конкуренция между отдельными словами и конструкциями и внеязыковые факторы, влияющие на лексический выбор, остаются на сегодняшний день одной из наименее разработанных областей в рамках ономаσιологического подхода к лексической семантике. В предшествующих работах одного из авторов такая конкуренция исследована на примере конструкций *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*. Описанное в данной статье экспериментальное исследование проверяет и дополняет выводы, сделанные в этих работах на материале анализа корпусов. В ходе исследования участники вставляли наиболее уместные, с их точки зрения, слова вместо пропусков во взятых из Национального корпуса русского языка предложениях, в которых на месте этих пропусков стоял глагол *откупоривать*. Результаты исследования подтвердили сделанные ранее утверждения о связи глагола *откупоривать* с «литературным» форматом употребления и глагола

открывать — с «непосредственным» форматом. Также результаты экспериментов дают основания связать конструкцию *открывать бутылку* с действием «быстрой» когнитивной системы, активирующей поверхностные связи между лексическими единицами, а конструкцию *откупоривать бутылку* — с действием «медленной» системы, создающей ментальную репрезентацию описанной в предложении ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономаσιологический подход, лексическая конкуренция, лексический выбор, «литературный» и «непосредственный» форматы, «быстрая» и «медленная» когнитивные системы, *открывать бутылку*, *откупоривать бутылку*

для цитирования: Глебкин В. В., Евчук Е. А. Экспериментальное исследование ситуации лексического выбора (на материале конструкции «открывать бутылку» и «откупоривать бутылку») // Русская речь. 2024. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611724010015.

Issues of Modern Russian Language

Experimental Study of Lexical Choice Situation (on the Material of the Constructions *otkryvat' butylku* 'open a bottle' and *otkuporivat' butylku* 'uncork a bottle')

Vladimir V. Glebkin¹, Elizaveta A. Evchuk², Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; School №1514 (Russia, Moscow)¹, an independent researcher (Russia, Moscow)², gleb1514@gmail.com¹, liza.evchuk@gmail.com²

ABSTRACT: Lexical competition between lexical units and extralinguistic factors influencing lexical choice have remained one of the fundamental problems within the scope of the onomasiological approach to lexical semantics as

of yet. In previous studies of one of the authors, such competition was explored with an example of the constructions *otkryvat' butylku* 'open a bottle' and *otkuponivat' butylku* 'uncork a bottle'. The experimental study reported in this article provides some evidence in favor of the results obtained in the previous research based on a corpus analysis. In this study, the participants filled the most appropriate, in their opinion, words in the gaps in the sentences taken from the Russian National Corpus, which previously contained the verb *otkuponivat'* 'uncork'. The results of the study confirmed earlier observations that the verb *otkuponivat'* correlates with the "literary" context of use and the verb *otkryvat'* with the "everyday" context. In addition, the results of the experiments pave the way for the correlation between the construction *otkryvat' butylku* and the action of a "fast" cognitive system that activates surface connections between lexical units, and the correlation between the construction *otkuponivat' butylku* and the action of a "slow" system that creates a mental representation of the situation designated in the sentence.

KEYWORDS: onomasiological approach, lexical competition, lexical choice, "literary" and "everyday" contexts, "fast" and "slow" cognitive systems, *otkryvat' butylku*, *otkuponivat' butylku*

FOR CITATION: Glebkin V. V., Evchuk E. A. Experimental Study of Lexical Choice Situation (on the Material of the Constructions *otkryvat' butylku* 'open a bottle' and *otkuponivat' butylku* 'uncork a bottle'). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0131611724010015.

1. Введение. Ономасиологические исследования являются важной составляющей лексической семантики последних десятилетий и имеют прочные основания в предшествующей традиции. Так, список работ по ономасиологии по 2009 г. включительно, представленный на платформе *Onomasiology Online* (<https://www1.ku.de/SLF/EngluVglSW/OnOn.htm>), включает более 2500 пунктов (характеристику базовых подходов к ономасиологии и ключевых проблем в этой области см., напр., в [Geeraerts 2010: 23–30, 41, 96–100]; в работах [Geeraerts et. al. 1994: 56–75; Štekauer 1998; Grzega 2004; Geeraerts 2018: 62–98] представлены образцы различных типов исследований в указанных рамках). При этом в ономасиологии существует целый ряд значимых методологических проблем, остающихся за рамками пристального обсуждения. Это касается, в частности,

исследований лексической конкуренции между словами и конструкциями и анализа социокультурных факторов, определяющих лексический выбор. В статьях [Глебкин 2021; Glebkin 2023] отмеченные методологические проблемы обсуждаются на материале лексической конкуренции между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*. Описанное в данной статье исследование опирается на указанные работы, поэтому имеет смысл начать с краткого резюмирования их результатов. Эти результаты могут быть выражены в виде следующих тезисов:

- Процесс открывания бутылок почти не был представлен в письменном русском языке XVIII в., а в текстах XIX в., за редкими исключениями, выражался конструкциями *откупоривать бутылку* и *раскупоривать бутылку*. Конструкция *открывать бутылку* отсутствовала в общем языке XIX в., но встречалась в социолекте низших городских слоев, а также в техническом языке, связанном с прикладными науками.
- В XX в. конструкция *открывать бутылку* входит в общий язык и вступает в лексическую конкуренцию с конструкцией *откупоривать бутылку*, опережая ее по частотности где-то к началу 1980-х. Внеязыковыми факторами, повлиявшими на это, стали заметное возрастание типов бутылок и способов их открывания, а также социокультурные процессы, вызванные Октябрьской революцией (вытеснение потомственной интеллигенции бывшими рабочими и крестьянами в качестве основной социальной группы, порождающей тексты, и противостоящая этому установка на «культурность», сформулированная в 1930-е гг., которая предполагала, в частности, следование языковым традициям классической русской литературы).
- Лексический выбор между конструкциями *откупоривать бутылку* и *открывать бутылку* в литературном языке второй половины XX — начала XXI вв. в значительной степени определяется тем, какую из двух моделей описания процесса открывания избирали авторы: непосредственную, опирающуюся на современный им повседневный опыт (в этом случае доминирует глагол *открывать*), или «литературную», берущую за основу традицию представления этого процесса в классической литературе (в этом случае имеет преимущество глагол *откупоривать*).

Два описанных в статье эксперимента проверяли сделанное на основании анализа корпусных данных утверждение о вытеснении конструкции *откупоривать бутылку* конструкцией *открывать бутылку* в современном русском языке и анализировали, как соотносятся опирающийся на языковую интуицию лексический выбор и рациональное объяснение участниками этого выбора.

2. **Эксперимент 1. Метод.** Участников эксперимента просили вставить наиболее уместные, с их точки зрения, слова вместо пропусков в восьми предложениях. Все предложения были взяты из Национального корпуса русского языка. В четырех предложениях использовалась конструкция *откупоривать бутылку* (например, *Велихов как «настоящий мужчина» откупорил¹ бутылку вина, вообще вел себя непринужденно и почти по-свойски и в то же время тактично и даже, как мне показалось, с некоторым пиететом*), оставшиеся предложения носили характер «филлеров» (например, *Ирина решила проверить туалет и **нашла** в сливном бочке бутылку водки*). Полностью опросный лист приведен в приложении к статье.

Опрос проводился в онлайн-формате на платформе *Google Forms*. Опросный лист заполнил 121 участник. Двадцать семь анкет были исключены из анализа, так как некоторые предложения, составленные авторами, противоречили нормам русского языка (это означало, что авторы не поняли задание). В итоге для последующей обработки и анализа были отображены 94 анкеты (49 мужчин, 45 женщин, средний возраст — $34,2 \pm 13,0$ лет; 34 участника с высшим гуманитарным образованием, 35 — с высшим образованием иного типа, 25 — без высшего образования).

При обработке анкет слова, которыми заполнялись пропуски в контрольных предложениях, заносились в таблицу Excel, что позволяло провести их статистический анализ.

Результаты и обсуждение. Лексический выбор участников оказался заметно шире, чем выбор между *открывать* и *откупоривать*. Мы приведем несколько вариантов по каждому из контрольных предложений для иллюстрации (эти варианты указаны в скобках после исходного предложения из корпуса).

- (1) *Велихов как «настоящий мужчина» откупоривал бутылку вина, вообще вёл себя непринуждённо и почти по-свойски и в то же время тактично и даже, как мне показалось, с некоторым пиететом* (брал, доставал, выпивал, употребил).
- (2) — *Ну ладно, — сказал Андрей, застёгивая зелёное пальто. — Пойду вскрывать консервы и откупоривать бутылки. Будь здоров, Саша, я ещё забегу попозже* (стеклянные, жестяные, праздничные, винные, наполнять).
- (3) *В ужасе, почти в безумии, он лихорадочно откупоривает бутылку вермута, пьёт* (достает, вскрыл, перекидывая из рук в руки).
- (4) *Малянов тупо смотрел, как он с необыкновенной ловкостью ставляет на столе рюмки, тонкими ломтиками нарезает лимон, откупоривает бутылку* (достает, протирает).

¹ Выделенные жирным шрифтом слова в опросном листе были заменены пропусками.

При этом количественно выбор глаголов *открывать* и *откупоривать* заметно превосходил остальные варианты. Результаты по отдельным предложениям и суммарные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Статистика по выбору глаголов *открывать*, *откупоривать* и других форм (в % от общего количества вхождений для каждой строки)

Table 1. Statistics on the choice of verbs “открывать” (to open), “откупоривать” (to uncork), and other forms (as a percentage of the total number of occurrences for each row)

	Открывать	Откупоривать	Иное
(1)	36,2	38,3	25,5
(2)	40,4	31,9	27,7
(3)	39,4	34	26,6
(4)	46,8	50	3,2
Сумма	40,7	38,6	20,7

Как видно, полученные данные подтверждают исходный тезис о вытеснении конструкции *откупоривать бутылку* конструкцией *открывать бутылку* в современном русском языке — даже в случаях, когда в оригинальном предложении использован глагол *откупоривать*, участники эксперимента употребляли *открывать* и *откупоривать* с примерно одинаковой частотой. В целом, эта картина сохраняется и для отдельных групп участников (как видно из табл. 2 и табл. 3, респонденты с высшим гуманитарным образованием и более возрастные респонденты чаще используют глагол *откупоривать*, чем другие группы, кроме этого, респонденты с высшим образованием реже прибегают к иным, отличающимся от *открывать* и *откупоривать* вариантам, чем респонденты без высшего образования, но все эти результаты не являются статистически значимыми (χ^2 (4, N = 374) = 6,46; p = 0,17 для групп, различающихся по уровню и типу образования, и χ^2 (4, N = 376) = 7,38; p = 0,12 для групп, различающихся по возрасту) и требуют проверки на больших выборках).

Обобщая, можно сказать, что Эксперимент 1 в целом подтвердил сделанные на основании анализа корпусов наблюдения, но он оставил непроясненным целый ряд вопросов, требовавших отдельного исследования. Прежде всего, требовало прояснения, какие факторы определяют выбор той или иной конструкции участниками. Кроме того, хотелось добиться большей гомогенности в условиях эксперимента (непонятно было, какое время тратили участники, заполняя опросный лист, прибегали ли они к посторонней помощи и т. д.). Для уточнения результатов Эксперимента 1 авторами был проведен Эксперимент 2.

Таблица 2. Статистика по выбору глаголов *открывать*, *откупоривать* и других форм в зависимости от уровня и типа образования (в % от общего количества вхождений для каждой строки)

Table 2. Statistics on the choice of verbs “открывать” (to open), “откупоривать” (to uncork), and other forms depending on the level and type of education (as a percentage of the total number of occurrences for each row)

	Открывать	Откупоривать	Иное
Среднее	38,4	34,3	27,3
Высшее гуманитарное	38	44,8	17,2
Высшее, не гуманитарное	45,7	36,4	17,9

Таблица 3. Статистика по выбору глаголов *открывать*, *откупоривать* и других форм в зависимости от возраста (в годах) (в % от общего количества вхождений для каждой строки)

Table 3. Statistics on the choice of verbs “открывать” (to open), “откупоривать” (to uncork), and other forms depending on age (in years) (as a percentage of the total number of occurrences for each row)

	Открывать	Откупоривать	Иное
16–23	38	34	28
24–45	40,1	36,5	23,4
46–60	39,3	47,6	12

3. Эксперимент 2. Метод. В Эксперименте 2 использовался тот же опросный лист, что и в предыдущем эксперименте, но теперь опрос каждого участника проводился индивидуально в процессе непосредственной коммуникации. После заполнения участником опросного листа экспериментатор просил его кратко пояснить разницу между значением глаголов *открывать* и *откупоривать* в контексте открывания бутылки. Ответы записывались на диктофон. Время заполнения опросных листов участниками занимало в среднем 3–4 минуты.

В исследовании приняли участие 68 человек. Восемнадцать опросных листов было исключено из анализа, так как ряд предложений, составленных авторами, противоречил нормам русского языка. В итоге рабочая выборка составила 50 человек (29 мужчин, 21 женщина, средний возраст — $39,7 \pm 14,9$ лет; 11 участников имели высшее гуманитарное образование, 21 — высшее образование иного типа, 13 — не имели высшего образования и в 5 анкетах образование не было указано).

Результаты. Результаты по отдельным предложениям и суммарные результаты приведены в Таблице 4. Как можно заметить, в сравнении с предыдущим экспериментом (Таблица 1) резко возрастает выбор отличных от *открывать* и *откупоривать* вариантов и заметно сокращается использование глагола *откупоривать*. Это различие обладает большой статистической значимостью для предложений (1), (3) и (4) (χ^2 (2, N = 144) = 15,2 для (1); χ^2 (2, N = 144) = 24,86 для (3); χ^2 (2, N = 144) = 26,89 для (4); во всех случаях $p < 0,001$) и близко к статистически значимому для предложения (2) (χ^2 (2, N = 144) = 5,8; $p = 0,055$).

Таблица 4. Статистика по выбору глаголов *открывать*, *откупоривать* и других форм (в % от общего количества вхождений для каждой строки)

Table 4. Statistics on the choice of verbs “открывать” (to open), “откупоривать” (to uncork), and other forms depending on age (in years) (as a percentage of the total number of occurrences for each row)

	Открывать	Откупоривать	Иное
(1)	30	14	56
(2)	24	30	46
(3)	44	0	56
(4)	46	22	32
Сумма	36	16,5	47,5

Обратимся теперь к объяснениям различий между употреблением глаголов *открывать* и *откупоривать*, предложенным респондентами. К первой группе объяснений можно отнести различия в кинетических схемах процесса открывания и используемых для этого средствах (19 ответов)². В этой группе выделяются две подгруппы, обозначаемые словами *пробка* (12 ответов) и *штопор* (11 ответов). Примеры (5) и (6) иллюстрируют первую подгруппу, пример (7) — вторую, пример (8) относится к обеим подгруппам.

- (5) «Откупоривание» имеет отношение только к бутылке с пробкой. Я могу открыть любой напиток, но не любой могу откупорить. (муж., 42 года, высшее гуманитарное)
- (6) «Откупорил», наверное, даже больше бы подошло к предложению (1)³, просто я забыла это слово. «Откупорить» применяется именно

² Респондент в процессе ответа мог указывать на несколько факторов, относящихся к различным группам.

³ Заполняя опросный лист, участница эксперимента использовала слово «открыть».

к бутылке с пробкой. Пробка — это принципиальный момент. (жен., 21 год, полное среднее)

- (7) Я считаю, что открыть бутылку можно легким способом, то есть ты можешь ее открыть довольно легко. Если откупорить, то с помощью какого-то предмета, такого как штопор, когда она достаточно хорошо закрыта и нужен какой-то предмет. (жен., 19 лет, среднее специальное)
- (8) Откупоривать бутылку — вытаскивать пробку, а открывать можно, например, пиво. Руками. И должен быть прибор для откупоривания пробки. Но в целом, можно и руками. (муж., 30 лет, высшее гуманитарное)

Вторая группа (8 ответов) подчеркивает литературный характер слова *откупоривать* и его неупотребимость в современном повседневном языке. Примеры (9) и (10) иллюстрируют такую трактовку.

- (9) «Откупорить» — это нечто более старинное, более красочное, литературное, но в современной речи, я бы сказала, устаревшее. (жен., 47 лет, среднее специальное)⁴
- (10) Ну, «откупорить» по-книжному, что ли. Так уже давно не говорят. (муж., 51 год, высшее техническое)

С этой группой в определенной степени коррелируют и три ответа ((11), (12) и (13)), делающие акцент на фонетических особенностях произнесения *открывать* и *откупоривать*.

- (11) Неудобно произносить «откупориваешь»... «Открыть» как-то понятнее. (муж., 71 год, высшее гуманитарное)
- (12) «Откупорить» — это что-то неловкое, мне кажется синонимичное со «сковыривать», «открыть» более аккуратно, что ли, не знаю. (жен., 34 года, высшее техническое)
- (13) Честно говоря, всегда путал «откУпорить» или «откупОрить», стараюсь этого слова избегать. Думаю, «откупорить» уже не употребляется. (муж., 24 год, среднее специальное)

Третья группа ответов не выделяет никаких различий между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*, отмечая лишь, что глагол *открывать* имеет более широкий спектр употребления и, в отличие от *откупорить*, может применяться не только к открыванию бутылок (7 ответов; см. пример (14)).

⁴ Образование не было указано в данной анкете.

- (14) *«Открыть» — это более широкое понятие. Это также означает открыть что-то новое, что-то неизвестное. Например, «открыть секрет» или «открыть новое место». «Откупорить» можно только бутылку.* (муж., 47 лет, высшее медицинское)

Четвертая группа респондентов просто утверждает, что никаких значимых различий между значением глаголов *открывать* и *откупоривать* нет (7 ответов; см. пример (15)).

- (15) *«Открывать» и «откупоривать» — это одно и то же.* (муж., 40 лет, среднее специальное)

Также следует обратить внимание на две единичные интерпретации, характеризующие спектр возможных трактовок.

- (16) *Там же пробки разные. Для меня «откупорить» — там, где свинчивается нарезная пробка. Хотя «откупорить», наверное, подходит для обычной пробки. Не знаю. Я всегда открывал и никогда не откупоривал бутылки.* (муж., 60 лет, высшее гуманитарное)
- (17) *«Открыть» — это результат открывания, откупоривание — это процесс.* (муж., 58 лет, высшее экономическое)

Отдельно следует остановиться на корреляции между лексическим выбором участников и их интерпретациями. Понимая, что все выводы в данном контексте носят гипотетический характер, нам хотелось бы отметить, что шесть участников, относящихся к первой группе, не использовали глагол *откупоривать* ни в одном из предложений, и использовали глагол *открывать* по крайней мере в одном из контрольных предложений, описывающих ситуацию, где наличие пробки и штопора кажется почти очевидным (теоретически их отсутствие можно допустить, но это требует отдельного обоснования и рационального осмысления ситуации, на которое у респондентов не было времени).

Обсуждение. Результаты эксперимента 2 интересны несколькими особенностями, требующими комментария.

1. Заметное расхождение между результатами Эксперимента 1 и Эксперимента 2, представленное в таблицах 1 и 4, связано, вероятно, с временем, затраченным на поиск корректного варианта. Для участников интернет-опроса это время не было ограничено, тогда как заполняющие бумажную версию опроса в присутствии экспериментатора участники были вынуждены отвечать быстро, воспроизводя первые приходящие в их голову варианты. С этим связан и гораздо более высокий процент фоновых версий, и резкое уменьшение

процента вхождений глагола *откупоривать*. Последний факт говорит о том, что глагол *откупоривать*, в отличие от глагола *открывать*, относится к глаголам «второго ряда», которые редко актуализируются в ситуации быстрого лексического выбора и для актуализации которых требуется большее время и большая осознанность. Об этом непосредственно свидетельствует, в частности, комментарий (6): его автор прямо подчеркивает, что глагол *откупоривать* лучше подходит к ситуации, но сразу не приходит в голову.

- 1.1. Дополнительный свет на ситуацию проливает анализ предложения (2) — единственного предложения, в котором *откупоривать* опережает *открывать* по частотности в Эксперименте 2 и для которого различие между экспериментами 1 и 2 не является статистически значимым. Можно предположить, что здесь использование глагола *открывать* блокируется предшествующим словосочетанием *вскрывать консервы* и стремлением респондента избежать стилистически избыточного повторения, что ведет к поиску синонимов и актуализации глагола *откупоривать*, наиболее близкого к *открывать* в данном контексте.
2. Сделанное в п. 1 наблюдение подтверждается и отмеченным выше расхождением между объяснением участников и их лексическим выбором: размышляя над различием в значениях глаголов, они выделяют факторы, следование которым не соотносится с их собственными решениями в ситуации быстрого выбора, опирающегося на языковую интуицию.
3. Анализируя предложенные объяснения, можно видеть, что примерно половина участников либо не находит различий между концептуальными структурами, соответствующими конструкциям *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*, либо предлагает явно не релевантные объяснения существующих различий. Из другой половины около 2/3 выделяет в качестве таких различий особенности самого процесса открывания, выражаемые словами *пробка* и *штопор*, а еще треть обращает внимание на различия между литературным и повседневным форматами употребления⁵.

⁵ Интересно сравнить эти данные с толкованиями словарей. Так, в Большом академическом словаре русского языка **ОТКУПОРИВАТЬ** трактуется как 'Открыть, вытащив пробку из отверстия чего-л.', в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова для глагола **ОТКУПОРИТЬ** предлагается толкование 'Выдернуть пробку, затычку; открыть закупоренное'. Как видно, ключевой особенностью в этих толкованиях оказывается пробка, литературный характер глагола *откупоривать* никак не обозначается.

4. Общее обсуждение. Работы по когнитивной психологии и когнитивной лингвистике последних десятилетий выделяют в человеке две когнитивные системы, отвечающие, среди прочего, за производство и понимание речи и текста (напр., [Barsalou et al. 2008; Kahneman 2013; Sauer 2018]). В контексте данной статьи важно подчеркнуть: полученные экспериментальные данные дают основания утверждать, что одна из этих систем, характеризующаяся как «быстрая» и работающая на бессознательном уровне, актуализирует поверхностные ассоциации между словами (фонетическая близость, устойчивые таксономические и синтагматические связи), тогда как «медленная» система создает ментальную репрезентацию описанной в предложении ситуации и предполагает в большей или меньшей степени осознанное отношение к тексту. В этих рамках конструкция *открывать бутылку* может быть отнесена к устойчивым синтагмам, активируемым «быстрой» системой, тогда как конструкция *откупоривать бутылку* в контексте описанного эксперимента связана с работой «медленной» системы и предполагает бóльшую осознанность. Фрагмент (6) и отсылки к «литературному» характеру *откупоривать* в интерпретациях являются свидетельством этого.

С выделением двух систем связан и важный методологический аспект, проявившийся в Эксперименте 2. Явное расхождение между критериями, определившими лексический выбор, и предложенной интерпретацией лексических различий показывает, что при исследовании когнитивных механизмов, стоящих за лексическими решениями, нужно с осторожностью относиться к свидетельствам информантов и не переносить эти свидетельства на реальные действия без дополнительной проверки.

Еще одним важным аспектом является сопоставление результатов анализа корпусов, представленных в [Глебкин 2021; Glebkin 2023], и экспериментальных данных. Особенно интересно обращение к интерпретациям участников. Участники выделяют два доминантных механизма, стоящих за лексическим выбором: особенности самого процесса открывания и контекст употребления (непосредственный или литературный). В целом это хорошо соотносится с результатом анализа корпусов: в тех текстах, где понятно, что процесс открывания не представляет собой извлечения пробки из бутылки, в современном литературном языке за редчайшими исключениями используется глагол *открывать*, а там, где из контекста очевидно, что извлекается пробка, выбор в значительной степени определяется тем, к какому формату (литературному или непосредственному) отсылает автор.

Литература

- Глебкин В. В. Открывание бутылок как предмет лингвокультурного анализа // Русский язык в научном освещении. № 1 (41), 2021. С. 64–86. Glebkin V. V. [Opening bottles as a subject of linguistic and sociocultural analysis]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, no. 1 (41), pp. 64–86. (In Russ.)
- Barsalou L., Santos A., Simmons K., Wilson Ch. Language and simulation in conceptual processing // *Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition* / ed. by M. de Vega, M. Arthur, A. Glenberg and A. Graesser. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008, pp. 245–283.
- Geeraerts D. *Theories of lexical semantics*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. 341 p.
- Geeraerts D. *Ten lectures on cognitive sociolinguistics*. Leiden; Boston: Brill, 2018. 330 p.
- Geeraerts D., Grondelaers S., Bakema P. *The structure of lexical variation: meaning, naming, and context*. Berlin; New York: M. de Gruyter, 1994. 221 p.
- Glebkin V. An onomasiological competition: a view from sociocultural perspective // *Review of cognitive linguistics*. 2023. V. 21, Iss. 2, pp. 331–350.
- Grzega J. *Bezeichnungswandel: Wie, Warum, Wozu? Ein Beitrag zur englischen und allgemeinen Onomasiologie*. Heidelberg: Winter, 2004. 337 p.
- Kahneman D. *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013. 499 p.
- Sauer H. *Moral thinking, fast and slow*. New York: Routledge, 2018. 118 p.
- Štekauer P. *An Onomasiological Theory of Word-Formation in English*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1998. 192 p.

Приложение

Опросный лист для эксперимента

Уважаемый респондент!

Мы будем искренне признательны Вам за помощь в проведении социолингвистического исследования.

Пожалуйста, укажите Ваши

Пол («М» или «Ж»):

Возраст:

Образование: общее среднее (учусь в 10–11 кл.), полное среднее (учусь в институте), высшее техническое (бакалавриат, магистратура, специалитет), высшее гуманитарное (бакалавриат, магистратура, специалитет), высшее (экономика, финансы) (бакалавриат, магистратура, специалитет):

Вставьте, пожалуйста, наиболее уместные, с Вашей точки зрения, слова вместо пропусков в приведенных ниже фрагментах (слова могут повторяться):

1. Как только попутчик узнавал, что перед ним сидит иностранец, тут же из портфеля (чемодана, сумки et cetera) _____ бутылка и начиналась демонстрация этических стереотипов в форме состязания в питье.
2. Велихов как «настоящий мужчина» _____ бутылку вина, вообще вел себя непринужденно и почти по-свойски и в то же время тактично и даже, как мне показалось, с некоторым пиететом.
3. После _____ первой бутылки вынимаем шланг и, подняв его вверх, меняем бутылку на порожнюю.
4. — Ну ладно, — сказал Андрей, застегивая зеленое пальто.
— Пойду вскрывать консервы и _____ бутылки. Будь здоров, Саша, я еще забегу попозже.
5. Некоторые фанаты пытались _____ бутылками огромный экран, установленный на площади.
6. В ужасе, почти в безумии, он лихорадочно _____ бутылку вермута, пьет.
7. Ирина решила проверить туалет и _____ в сливном бочке бутылку водки.
8. Малянов тупо смотрел, как он с необыкновенной ловкостью расставляет на столе рюмки, тонкими ломтиками нарезает лимон, _____ бутылку.

А у нас тут меньше якают **(безударный вокализм** **двух соседних** **тамбовских говоров)**

Сергей Владимирович Князев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), svknia@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611724010023

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу системы безударного вокализма после мягких согласных двух соседних южнорусских говоров Старо-юрьевского района Тамбовской области (Рязанская группа говоров). Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о том, что 1) говоры двух соседних деревень, расположенные на расстоянии 5 км друг от друга, характеризуются разными типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья — новоселковским и ореховским; 2) различий в этом отношении между носителями мужского и женского пола не наблюдается; 3) носители говора хорошо осознают достаточно тонкие различия между своим говором и говором соседней деревни. При этом полученные нами результаты позволяют утверждать, что строгая категориальная («фонологическая») граница в произношении безударных гласных после мягких согласных может отсутствовать, проанализированные говоры характеризуются градуальным переходом от произношения одного предупредного гласного в позиции после мягких согласных ([и]) к произношению другого ([а]) в зависимости от типа ударного гласного (перед ударными гласными, не находящимися на границах континуума собственной длительности *е, ё, о* и в меньшей степени *ь*). В то же время перед гласными, представляющими собой крайние точки этого долготного континуума (*и, ы, у, а* и примыкающего к ним *о*),

вариативность отсутствует. Таким образом, в системе безударного вокализма имеют место как полностью стабильные, так и вариативные участки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские диалекты, безударный вокализм, аканье, ассимилятивно-диссимилятивное яканье

для цитирования: Князев С. В. *А у нас тут меньше якают* (безударный вокализм двух соседних тамбовских говоров) // Русская речь. 2024. № 1. С. 21–32. DOI: 10.31857/S0131611724010023.

Issues of Modern Russian Language

There's Less Jakan'je Here (Unstressed Vowel Systems of Two Neighbouring Tambov Dialects)

Sergey V. Knyazev, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), svknia@gmail.com

ABSTRACT: The paper deals with the unstressed vowels systems after palatalized consonants in two neighbouring Southern Russian dialects from Staroyuryev district, Tambov region (Ryazan' group). The results obtained show that 1) the two dialects located at a distance of 5 kilometers from each other are characterized by different types of the assimilative-dissimilative jakan'je: novoselkovsky and orekhovskiy; 2) there are no distinctions in this regard in male in female idiolects; 3) dialectal speakers are quite aware of those subtle differences in their speech. Meanwhile, the obtained data lead us to the conclusion that there exists a gradual transitional distinction among various "types" of assimilative-dissimilative jakan'je in South-Eastern Russian dialects rather than a strict categorial ("phonological") boundary between them since the dialects in question show a gradual transition from prestressed [i] to [a] after palatalized consonants before stressed mid-open

and mid-close vowels while there is no variability detected in the position before low and high vowels. Thus, in the system of unstressed vocalism there are both completely stable and variable components.

KEYWORDS: Russian dialects, unstressed vowels, akan'je, assimilative-dissimilative jakan'je

FOR CITATION: Knyazev S. V. *There's Less Jakan'je Here* (Unstressed Vowel Systems of Two Neighbouring Tambov Dialects). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 1. Pp. 21–32. DOI: 10.31857/S0131611724010023.

1.1. Материал и цели исследования

В ходе создания диалектного корпуса говора села Поповка Староюрьевского района Тамбовской области нам встретилось такое высказывание одной из деревенских жительниц: «У них, кстати, разговор похож, а вот если коренная женщина-то, у ней совершенно другой разговор, да. Поэтому вы новоюрьевских отдельно спрашивайте, а поповских отдельно. Потому что здесь у нас и акают, у нас меньше вот якают, понимаете? А у них вот больше, а у нас в Поповке меньше, у нас только акают». Речь шла о том, что некоторых из жительниц Поповки, по мнению этого информанта, нельзя считать «коренными», поскольку хоть они и живут в Поповке уже несколько десятков лет, выйдя замуж за местного жителя, но родились в селе Новоюрьево, расположенном в пяти километрах от Поповки. Более того, похоже, что «коренные» поповцы ощущают говоры Поповки и Новоюрьева как не вполне идентичные, отличающиеся характером яканья. Это высказывание диалектоносителя послужило исходной точкой для сопоставительного анализа типов яканья в этих соседних населенных пунктах. Кроме того, нас заинтересовал и вопрос о том, можно ли полагаться на суждения носителей диалекта о своем и очень близком ему чужом говорах.

Материалом исследования служили диалектные записи, сделанные в 1992 г. С. В. Князевым, А. Н. Левиной и Е. В. Щигель, общей протяженностью чуть более четырех часов.

В качестве **информантов** выступали

- две женщины, родившиеся в 1913 и 1914 годах в Новоюрьево и вышедшие замуж в Поповку, а также
- две женщины, родившиеся в 1918 и 1927 годах, и один мужчина 1912 года рождения, всю жизнь прожившие в Поповке.

1.2. Аканье и яканье в русском языке

Безударный вокализм русских говоров очень разнообразен, особенно в отношении произношения гласных первого предударного (предшествующего ударному) слога.

В первую очередь различаются говоры окающие и акающие. В акающих все гласные кроме *и* (*ы*) и *у* в первом предударном слоге совпадают, в окающих совпадают не все (или даже все различаются) [Аванесов 1949: 62].

В акающих говорах в позиции после мягкого согласного эти гласные, например в словах *несла*, *река*, *рябой*, могут

- 1) всегда совпадать в звуке [и] (как, например, в литературном языке), этот тип вокализма называется *иканьем*;
- 2) всегда совпадать в звуке [е], это *еканье*;
- 3) всегда или только в некоторых позициях совпадать в звуке [а]¹, это *яканье*.

Типов яканья очень и очень много. Дело в том, что выбор того или иного гласного в первом предударном слоге после мягкого согласного при яканье может зависеть от

- твердости/мягкости согласного в начале ударного слога,
- типа ударного гласного,
- его этимологии,
- комбинации этих признаков.

Если в первом предударном слоге после мягкого согласного на месте всех гласных кроме *и* (*ы*) и *у* всегда произносится [а], яканье называется *сильным*.

Если произношение предударного гласного зависит от следующего согласного (чаще всего перед твердым произносится [а], а перед мягким [и]), то яканье называется *умеренным*.

1.3. Диссимилятивное яканье

Если произношение предударного гласного зависит от ударного, то между ними наблюдается диссимиляция (расподобление), которая изначально основана на отношениях по длительности: чем дольше ударный гласный, тем короче предударный [Брок 1916: 57–59]; [Князев 2000: 84–92]. Такие типы яканья называются *диссимилятивными*. Самыми краткими

¹ В остальных безударных позициях они тоже совпадают, но в другом звуке — это может быть, например, [и] или [е].

из полных² гласных являются [и] ([ы]) и [у], самым долгим — [а]; промежуточную позицию занимают [е] и [о].

В некоторых русских говорах по-разному влияют на произношение предударного гласного исходное *e*, которое сохранилось без изменений, и то *e*, которое в истории русского языка изменилось в [о] в позиции перед твердым согласным и на конце слова. В современном русском языке этот последний гласный может обозначаться буквой *ě* (*клѣн*, *принѣс*), так же будем поступать далее и мы.

Наконец, в некоторых диалектах до сих пор сохранились существовавшие в древнерусском языке особые гласные — [ê] и [ô], при произношении которых язык поднимается несколько выше, чем при артикуляции [е] и [о], но не так высоко, как при [и] и [у]³. Эти гласные ведут себя как более долгие, чем [и], [ы], [у], но более краткие, чем [е] и [о]. В древнерусском языке гласный [ê] обозначался буквой *ѣ*, [ô] — иногда буквой *ѡ*; так будем поступать далее и мы.

Итак, для целей нашего описания важно различать такие гласные под ударением:

- *и* (*ы*), *у* (*селѣть*, *к селѣ*),
- *ѣ* (*в селѣ*),
- *ѡ* (*селѡ*),
- *е* (*население*),
- *о* (*селом*),
- *ě* (*населѣнный*),
- *а* (*из села*).

Традиционно считается, что разные типы диссимилятивного яканья

- совпадают друг с другом в том, что перед самыми краткими ударными гласными *и* (*ы*), *у* всегда произносится долгий предударный [а] (к с[’а]лу, с[’а]лѣть), а перед самым долгим ударным *а* всегда произносится краткий предударный [и]⁴ (*из с[’и]ла*);
- отличаются друг от друга тем, что произносится перед ударными *ѣ*, *ѡ*, *е*, *о*, *ě*, см. табл. 1.

² То есть не редуцированных.

³ На их месте, особенно под фразовым ударением, могут произноситься и дифтонги [ие] и [уо] соответственно.

⁴ Или близкие ему [е], [э]. Знаком э обозначается самый краткий, «нейтральный», «редуцированный» гласный, который в литературном языке произносится, например, в заударном слого слова *хохот*. Язык при его произнесении не смещается из нейтрального положения (или смещается в минимальной степени).

Таблица 1. Разновидности диссимлятивного яканья

Красным шрифтом выделены долгие гласные, синим — краткие, фиолетовым — промежуточные, которые могут выступать в роли как долгих, так и кратких

Table 1. Types of dissimilative jakan'je

Red — long vowels, blue — short vowels, violet — intermediate vowels which may function as short or as long ones

дон-ское	дмитри-евское	архаи-ческое	суджан-ское	мосаль-ское	щигров-ское	жизд-ринское	ударный		
а	а	а	а	а	а	а	и	ы	у
и	и	а	и	и	а	а	ъ		
и	а	а	а	а	а	а			о
и	и	и	и	и	и	а	е		
и	и	и	а	а	а	а			о
и	и	и	и	а	и	а		ё	
и	и	и	и	и	и	и		а	

В действительности вариативность произношения безударных гласных в диссимлятивных типах довольно высока. Кроме того, существуют модели, где, по-видимому, нет явной линии, строго разграничивающей произношение предударных гласных в зависимости от ударного. Так, в говоре села *Свишни (Честный Пахарь)* Долгоруковского района Липецкой области⁵ гласный первого предударного слога после твердых согласных тем дольше ([э] < [э̞] < [а̞] < [а]), чем короче гласный ударного слога ([а] > [е], [о] > [ê], [ô] > [и], [ы], [у]) [Князев, Шаульский 2007]. После мягких согласных наблюдается несколько более сложная картина, связанная с влиянием на качество предударного гласного твердости/мягкости последующего согласного: перед гласными верхнего подъема⁶ произносится преимущественно [а], верхне-среднего — [е], среднего — [и], нижнего — [э] (см. табл. 2).

Наконец, существуют и более сложные модели, в которых с диссимлятивным принципом (расподобление гласных ударного и первого предударного слогов по длительности) сосуществует ассимилятивный: самый краткий из всех предударных, который находится перед ударным [а], полностью уподобляется ударному и изменяется в [а]. Таких — ассимилятивно-диссимлятивных — типов выделяется четыре [Кузнецов 1973: 60–62] (см. табл. 3), они распространены на юго-востоке европейской части России, в том числе и в Тамбовской области.

⁵ Записи сделаны в 1991 г. С. В. Князевым и Е. В. Щигель.

⁶ Подъем — это признак, характеризующий положения языка по вертикальной оси при произношении гласных.

Таблица 2. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в говоре села Свишни (верхний индекс – количество соответствующих примеров в процентах от общего числа примеров в данной позиции; выделены преобладающие в данной позиции гласные)

Table 2. Vowels in the first prestressed syllable after soft consonants in Svishni (superscript – number of tokens (% of total number in this position), bold – predominant vowel)

1-й предударный				ударный		
а ⁶⁵	е ³⁵			и	ы	у
а ⁵	е ⁸¹	и ¹⁴		ъ		о
	е ¹⁶	и ⁴²	э ⁴²	е		о
	е ²⁷	и ²¹	э ⁵²		а	

Таблица 3. Разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Table 3. Types of assimilative-dissimilative jakan'je

кидусовское	култуковское	новосёлковское	ореховское	ударный		
а	а	а	а	и	ы	у
и	и	а	а	ъ		
а	а	а	а			о
и	и	и	и	е		
а	а	а	а			о
и	а	и	а		ё	
а	а	а	а		а	

2. Результаты анализа

2.1. На первом этапе анализа тамбовского говора было определено процентное распределение всех безударных гласных, участвующих в формировании яканья, для всех «коренных» информантов Поповки и для информантов, родившихся в Новоурьеве. Таких гласных в тамбовском говоре три – [а], [е] и [и]. Результаты приведены на рис. 1. Они свидетельствуют о том, что информанты, родившиеся в Новоурьеве, действительно несколько чаще произносят [а], чем «коренные» жители Поповки – 79% против 66% всех случаев.

Эти данные не являются, однако, максимально надежными, поскольку в речи того или иного информанта могло встретиться больше или меньше слов, в которых закономерно произношение [а] (или другого гласного).

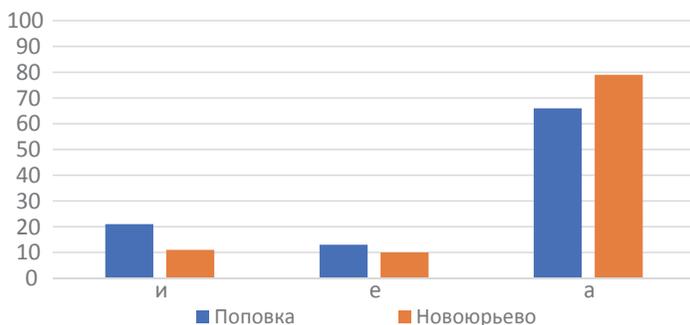

Рис. 1. Процентное соотношение безударных гласных после мягких согласных в Поповке и Новоюрьево (все позиции, все примеры, все информанты)

Fig. 1. Percentage ratio of unstressed vowels after soft consonants in Popovka and Novoyurjevo (all positions, all dictors)

2.2. На втором этапе анализа полученные нами данные были структурированы следующим образом:

- во-первых, для «поповцев» анализ проводился отдельно для двух информантов женщин и одного информанта мужчины, поскольку известно, что собственно диалектные черты лучше сохраняются в речи женщин — в частности потому, что они больше времени обычно проводят у себя на родине⁷;
- во-вторых, все полученные данные были распределены по позициям — в зависимости от ударного гласного.

Результаты приведены ниже в табл. 4⁸.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что

- 1) в позициях перед ударными гласными *и, ы, у, ѿ, а* в обоих говорах практически безальтернативно произносится [а], исключения очень редки и могут объясняться влиянием литературного языка;
- 2) в позиции перед *е* встречаются только краткие гласные [и] и [е]; таким образом, в обоих говорах безударный вокализм после мягких согласных — ассимилятивно-диссимилятивное яканье;

⁷ Например, не служат в армии, реже уезжают в города на заработки и т. п. В нашем случае это тоже верно: информант мужчина участвовал в войне 1941–1945 гг.

⁸ Отметим, что гласный [е] в тамбовских говорах, по-видимому, функционально относится к тому же классу, что и [и] (кратких гласных), то есть [и] и [е] противопоставлены долговому [а], а различие между [и] и [е] может быть обусловлено твердостью/мягкостью следующего согласного.

Таблица 4. Вокализм первого преударного слога после мягких согласных в Поповке и Новоурьеве – информанты женщины (верхний индекс – количество соответствующих примеров в процентах от общего числа примеров в данной позиции); полужирным шрифтом выделены преобладающие в данной позиции гласные, зеленым – ударный гласный, в позиции перед которым произношение гласных в сопоставляемых говорах различается

Table 4. Vowels in the first prestressed syllable after soft consonants in Popovka and Novoyurjevo, female dictors (superscript – number of tokens (% of total number in this position), bold – predominant vowel, green – stressed vowel, showing the difference in the realization of prestressed vowels)

Поповка жен. п/у			ударный			Новоурьеве жен. п/у		
и ²	е ²	а ⁹⁶	и	ы	у			а ¹⁰⁰
и ³	е ²⁴	а ⁷³	ь					е ¹⁷ а ⁸³
		а ¹⁰⁰			о			а ¹⁰⁰
и ⁹⁴	е ⁶		е				и ⁸⁸	е ¹²
и ¹⁰	е ²⁴	а ⁶⁶			о			е ²⁷ а ⁷³
и ³¹	е ³⁸	а ³¹		ё			и ⁷	е ²⁷ а ⁶⁶
и ¹	е ¹²	а ⁸⁷		а				е ⁹ а ⁹¹

- 3) в позиции перед *ь* и *о* ситуация не столь стабильна, но в обоих говорах наблюдается явное преобладание долгого [а];
- 4) наконец, в позиции перед *ё*⁹ между говорами действительно наблюдается явное различие: в произношении новоурьевцев преобладает [а], у «коренных» поповцев – [и] и [е].

2.3. Анализ системы безударного вокализма информанта мужчины (см. табл. 5) демонстрирует полную ее идентичность с системой коренных жительниц Поповки:

- 1) перед *и*, *ы*, *у*, *о*, *ь* произносится только [а];
- 2) в позиции перед *а* и *о* ситуация не столь стабильна, но явно преобладает [а];
- 3) перед *е* встречаются только краткие гласные [и] и [е];
- 4) перед *ё* значительно чаще произносится [и], чем [а].

⁹ Например, в словах *ребёнок*, *вперёд*, *телёнок*, *привезёт*, *вперёд*, *бельё*, *лепёшку*, *ребёнок*, *крещёные*, *серёдку*, *зелёное*, *четвёрке*, *берёт*, *ребёнка*, *семьёй*, *верёвки*, *не пчёлы*, *весёлая*, *зелёная*, *испекёт*, *четвёрки*, *пятёрками*, *деверьёв*, *верёвочке*, *денёчков*, *пенёк*, *слеплёны*, *Берёзовым*, *Берёзово*, *денёк*, *девчонке*, *девчонку*, *ребёнку*, *пелёночки*, *селёдка*, *берёт*, *плетёт*, *напрядёт*, *принесёшь*, *берёза*, *девчонке*, *верёвка*, *наберёте*, *телёночек*, *принесёт*, *соберёт*, *подерётся*.

Таблица 5. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных информанта мужчины КИС1912, с. Поповка (верхний индекс – количество соответствующих примеров в процентах от общего числа примеров в данной позиции); выделены преобладающие в данной позиции гласные

Table 5. Vowels in the first prestressed syllable after soft consonants in Popovka, male dactor (superscript – number of tokens (% of total number in this position), bold – predominant vowel

Поповка муж. п/у	ударный		
a ¹⁰⁰	и	ы	у
a ¹⁰⁰	ѣ		
a ¹⁰⁰			о
и ⁸⁹ e ¹¹	е		
и ²⁹ a ⁷¹			о
и ⁶⁷ a ³³		ё	
e ¹⁹ a ⁸¹		а	

3. Обсуждение результатов и основные выводы

Итак, полученные нами данные свидетельствуют о том, что замечание коренной жительницы Поповки полностью соответствует действительности: не только в речи коренных поповцев безударное [а] после мягких согласных встречается в целом реже, чем в говоре информантов, родившихся в Новоюрьево (66% против 79% всех возможных случаев), но и распределение безударных гласных по фонетическим позициям не является в этих говорах идентичным: в Поповке [и] ([е]) преобладает над [а] в позициях перед ударными **е** и **ё**, в Новоюрьево — только перед ударным **е**. Таким образом, представленный в Поповке вариант ассимилятивно-диссимилятивного яканья можно было бы отнести к новосёлковскому типу, новоюрьевский — к ореховскому. Заслуживает при этом упоминания тот факт, что по данным Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) в Поповке зафиксирован как раз ореховский тип, свойственный новоюрьевскому говору (а само Новоюрьево не обследовалось)¹⁰.

Результаты нашего исследования могут свидетельствовать также о том, что на самом деле никаких строгих типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья (новосёлковского, ореховского, кидусовского, култуковского), возможно, и не существует вовсе — они просто являются разными лингвистическими моделями (той или иной степени точности) для описания реальной действительности, в которой не существует строгой

¹⁰ См. [Марченко и др. 2023].

категориальной («фонологической») границы в произношении безударных гласных после мягких согласных, а имеется градуальный переход от произношения одного гласного ([и]) к произношению другого ([а]) в зависимости от типа ударного — по крайней мере, в некоторых позициях (перед ударными гласными, не находящимися на границах континуума собственной длительности *е, ё, о* и в меньшей степени *ѣ*), то есть различия не выражены категориально, а носят характер статистической зависимости. В то же время перед гласными, представляющими собой крайние точки этого долготного континуума (*и, ѣ, у, а* и примыкающего к ним *о*), вариативность отсутствует. Таким образом, в системе вокализма имеют место как полностью стабильные, так и вариативные участки или, иными словами, в одной и той же диалектной системе сосуществуют как явные границы, так и градуальные переходы.

Этот вывод в некоторой степени подтверждается и собственно данными ДАРЯ, в соответствии с которыми в Поповке был зафиксирован ореховский тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья, в расположенной в 10 км на северо-восток от нее деревне Чурюково — новосёлковский, а в находящемся в 20 км на юго-западе от Поповки селе Нижняя Ярославка — уже кидусовский¹¹. Такое разнообразие категориально различных типов безударного вокализма в соседних селах представляется нам маловероятным.

Наконец, отметим в заключение, что наши данные не выявили различий между характером реализации безударных гласных после мягких согласных в мужской и женской речи носителей одного и того же говора.

Литература

- Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949. 333 с.
- Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. 128 с.
- Князев С. В. К вопросу о механизме возникновения аканья // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 75–101.
- Князев С. В., Шаульский Е. В. Генезис диссимилятивного аканья // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 209–224.
- Кузнецов П. С. Русская диалектология. М.: Просвещение, 1973. 279 с.
- Марченко И. А., Долгов О. Н., Азанова А. С., Замбрыцкая М. С., Заливина Е. А., Землянская С. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Чистякова Д. Г., Ронько Р. В. База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 11.10.2023).

¹¹ См. [Марченко и др. 2023].

References

- Avanesov P. I. *Oчерki russkoi dialektologii* [Outlines of Russian dialectology]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949. 333 p.
- Knyazev S. V. [Towards the question of how akan'je arised]. *Voprosy Yazykoznanija*, 2022, no. 1, pp. 7–39. (In Russ.)
- Knyazev S. V. Shaulsky E. V. [Genesis of the dissimilative akan'je]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, no. 1 (13), pp. 209–224. (In Russ.)
- Kuznetsov P. S. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973. 279 p.
- Marchenko I. A., Dolgov O. N., Azanova A. S., Zambrzhitskaya M. S., Zalivina E. A., Zemlyanskaya S. A., Mochulsky D. I., Tseytina E. I., Chistyakova D. G., Ron'ko R. V. *Baza dannykh dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* [Database of Russian Dialectological Atlas]. Available at: <https://da.ruslang.ru/> (accessed 11.10.2023).

Как рождается обобщенно-личное высказывание?

Елена Николаевна Никитина, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН (Россия, Москва), yelenon@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724010037

АННОТАЦИЯ: В статье на материале анализа письменных детских обобщающих высказываний (7–11 лет) решается вопрос о признаках, разграничивающих типизирующие и обобщенно-личные высказывания. Первые характеризуются обобщенностью времени и субъекта, вторые — обобщенностью времени, субъекта и включенностью говорящего в состав действующих лиц. Показано, что обобщенно-личное высказывание (например, пословица) имеет этическую ценность, поскольку строится на конфликте между двумя участниками ситуации и на включенности говорящего в состав обоих участников. Показано, что обобщенно-личное высказывание может быть сформулировано по отношению не только к человеку, но и к классу живой природы, соотносенному с человеком («братья наши меньшие», «живые существа» и др.). На примере детской речи обсуждаются отклонения в «процессе обобщения». Развитие навыков обобщения прослеживается в возрастной динамике. Обобщение живого существа / лица осуществляется следующими способами: незамещенные именные позиции при предикатах, обобщающие и указательные местоимения, полнознаменная лексика (категориально-обобщающие существительные, абсолютивные прилагательные), обороты с местоименно-соотносительной связью, идиомы. Развитие навыков обобщения с помощью лексики соотносится с владением синтаксическими техниками (сочинительные ряды, присоединительные предложения). Показана роль местоимений

и абсолютивных прилагательных в проявлении семантических категорий личности и одушевленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анализ текста, время, лицо, категоризация, одушевленность, семантическая категория личности, семантическая категория

для цитирования: Никитина Е. Н. Как рождается обобщенно-личное высказывание? // Русская речь. 2024. № 1. С. 33–48. DOI: 10.31857/S0131611724010037.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено в рамках научной программы Национального центра физики и математики, направление № 9 «Искусственный интеллект и большие данные в технических, промышленных, природных и социальных системах».

Issues of Modern Russian Language

How is a Generically Personal Statement Born?

Elena N. Nikitina, Federal Research Center “Informatics and Management” of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), yelenon@mail.ru

ABSTRACT: The paper analyzes generalizing statements written by children (7–11 years old) and explores features that distinguish typifying statements from generically personal ones. The former are characterized by generalization of time and subject of the sentence, the latter are specified not only by time and subject generalization, but also by the inclusive speaker. The paper proves the idea that generically personal statements (e. g. proverbs) acquire an ethical value because the speaker is potentially included in both participants of a personal conflict. Generically personal statements can be formulated not only in relation to a human being per se, but also to a class of living nature. This becomes possible if there is some correlation with human beings (“our smaller brethren”, “living creatures”, etc.). Based on the material of children’s essays, the paper examines deviations in the “process of generalization”, and traces generalization skills development as they are held in age dynamics. The ways of generalization of a living

being/person are: unsubstituted nominal positions, generalizing and demonstrative pronouns, full-nominal vocabulary (generic nouns, adjectives used without nouns), relative clauses, idiomatic designations. Generalization vocabulary skills of older children correlate with their mastery of syntactic techniques. The paper also discusses the role of pronouns and adjectives used without a noun, as manifestations of the covert category of person and a category of animacy.

KEYWORDS: text analysis, tense of verb, person of verb, categorization, animacy, covert category of person, covert category

FOR CITATION: Nikitina E. N. How is a Generically Personal Statement Born? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 1. Pp. 33–48. DOI: 10.31857/S0131611724010037.

ACKNOWLEDGEMENTS: This study was conducted within the framework of the scientific program of the National Center for Physics and Mathematics, section No. 9 “Artificial intelligence and big data in technical, industrial, natural and social systems”.

Вопрос о мыслительном процессе и приемах обобщения интересует и лингвистику, и психологию.

В психологии этот вопрос решается в связи с особенностями категоризации, разграничивающими норму и патологию. Известно, что категоризация как процесс «синтезирования, обобщения и отвлечения» (Б. В. Зейгарник) при определенных видах патопсихологии может быть нарушена: в экспериментах на конкретно-предметных понятиях было показано, что испытуемые могут затрудняться при объединении их в более общие классы. При этом затруднения бывают двух типов: а) снижение уровня обобщения, б) искажение процесса обобщения. Примером снижения уровня обобщения может служить выделение очень ограниченного круга предметов из предложенного в эксперименте ряда предметов. Чаще всего это пара предметов, например ключ и замок, перо и карандаш, которую участник эксперимента мотивирует объединением вокруг определенной, очень частной ситуации (открытие двери, письмо). Другой пример — это объединение пары и более предметов (ключ и замок, ложечка и яйцо, карандаш и бумага) вокруг конкретного сюжета и некоторой личности (пришел домой, открыл ключом замок, поел ложечкой яйцо, взял бумагу и карандаш и стал писать...). Искажение процесса

обобщения проявляется в случайном, произвольном характере обобщения предметов на основе желания личности: испытуемый «объединяет вилку, стол и лопату по принципу “твердости”; гриб, лошадь и карандаш он относит в одну группу по “принципу связи органического с неорганическим”» [Зейгарник 1986].

Оба типа нарушений связаны с недостаточным или избыточным абстрагированием. С точки зрения лингвистики «снижение уровня обобщения» обнаруживает невозможность отвлечения испытуемого от взаимной функциональной связанности предметов в рамках конкретного пространства-времени: он мысленно помещает классифицируемые предметы в ситуацию их конкретного использования. В этом состоит недостаточность абстрагирования. «Искажение процесса обобщения» является следствием избыточного или смещенного абстрагирования предметов — это отвлечение не только от связи предметов в конкретной ситуации взаимодействия человека с ними, но и в целом от их реальных свойств. Если снижение обобщения связано с тем, что испытуемый предстает «работом» конкретной пространственно-временной локализации (понятие Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева), то искажение проявляет «свободу» испытуемого от любых координат: в своем мышлении он неповторимым и непоследовательным образом связывает предметы.

Лингвистический механизм обобщения связан с лексикой (родовидовые отношения, конкретность/абстрактность значения) и грамматикой и лексикой (пространственно-временная типология ситуаций). На уровне лексики обеспечивается процесс категоризации предметов действительности в отвлечении от пространственно-временных координат. Разные степени пространственно-временного обобщения воплощаются в предложениях и текстах посредством лексических и грамматических средств: конкретное/абстрактное лексическое значение, конкретное имя / имя класса, число существительного, время глагола. Эти «формы речи», разнообразные по «способу восприятия и познания мира» (Г. А. Золотова), могут быть представлены в виде классификаций, упорядочивающих ментально-психические установки говорящего по отношению к сообщаемому, с помощью понятий «тип модуса», «пространственно-временная локализация», «тип текста», «коммуникативный регистр» [Арутюнова 1988; Булыгина, Шмелев 1997; Ильенко 1997; Золотова и др. 2004].

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев основываются на комбинации двух типов значений: конкретно-/неконкретно-референтный субъект и актуализованность/неактуализованность времени предиката. Пересечение этих двух пар признаков дает три варианта пространственно-временной локализованности в предложениях: *дети спят* (конкретные дети в момент

речи, эпизодический предикат), *дети ходят в школу* (конкретные дети в отвлечении от момента речи, гномический предикат), *дети любознательны* (все дети во все времена, гномический предикат). В этой классификации высшей степенью обобщенности является третье высказывание («все дети во все времена»), и оно принадлежит к тому же типу, что и высказывания *Лошади кушают овес и сено; Все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут*. Эти высказывания соединяют неконкретно-референтный субъект (класс субъектов) и гномический предикат («всегда») и являются общими суждениями.

Другой подход к общим суждениям предполагает, помимо референциальных характеристик субъекта и предиката, критерий обобщенного значения лица («все люди, и Я в том числе»), что определяется как включенность говорящего субъекта в состав субъектов действия (Г. А. Золотова). Критерию «включенности» удовлетворяют не все общие суждения, поэтому они делятся на истины, предъявляющие знания, в которых человек если и учтен, то представлен как объект науки о природе или обществе, и сентенции, в которых личность говорящего включена в состав действующих субъектов и которые потому приобретают характер житейской мудрости (к ним относятся и пословицы). Житейские мудрости выделяют человека из мира природы на основании этических правил и относятся к обобщенно-личным высказываниям. Ср.: *Все влюбленные клянутся исполнить больше, чем могут...* (сентенция, человек представлен как личность, «все люди, и Я в том числе») — *Лошади кушают овес, Жизнь — способ существования белковых тел* (истины, неличностный уровень обобщения).

Возникает вопрос: где пролегает граница между истинами и сентенциями, каковы признаки, проявляющие обобщенность лица и времени? Для ответа на этот вопрос исследовался материал детской речи в возрастных группах от 7 до 11 лет. Детям было предложено задание, побуждающее к формулированию общих суждений. Анализ детских высказываний, обнаруживающих явления «снижения» или «искажения» процесса обобщения, позволяет увидеть категориально-семантические механизмы, управляющие построением обобщенно-личных высказываний, в становлении.

Материалом для исследования послужили письменные высказывания учеников начальной школы, созданные в рамках выполнения творческого задания по изложению, всего 243 текста, из них 47 — 1-й класс (7–8 лет), 79 — 2-й класс (8–9 лет), 103 — 3-й класс (9–10 лет), 14 — 4-й класс (10–11 лет)¹. Для изложения детям был предложен повествовательный

¹ Благодарю учителя И. И. Китаеву, которая помогла организовать исследование, педагогический коллектив и учеников СОШ № 763 г. Москвы, принявших участие в исследовании.

текст о том, как человек помог птицам: у зябликов несколько птенцов выпало из гнезда, а рассказчик вернул их в гнездо и тем самым спас им жизнь. Изложение дополнялось творческим заданием: ученики должны были ответить на вопрос «Чему учит (нас) рассказ?». Вопрос настраивал детей на обобщение, формулирование этического суждения, поучения. Высказывания-ответы получились разного объема и разной степени обобщения исходной ситуации, представленной в сюжете.

1. Воспроизведение характеризуется конкретным временем-пространством. *Этот рассказ описывает, что весной птицы пели, что услышал крик зяблика, что птенцы вылупились*² (2, 8–9). По сути, автор предлагает еще одну версию изложения, сокращенную до одного предложения. В предикатной серии представлены видо-временные формы глагола с нарушением порядка событий (сначала зяблик забеспокоился, затем птенцы вылупились). Автор не только сохраняет конкретику времени: время и герои ограничены пространством-временем рассказа, но и заменяет «учит» на «описывает», который более соответствует чистому пересказу без обобщения. См. также пример: *Этот рассказ учит нас Он молодец он помог птенцам добраца до гнезда* (1, 7–8). Автор остается в пространстве-времени рассказа, однако здесь проявляются черты обобщения — автор выбирает рамочный глагол *учит* (сказуемое в главном предложении сложноподчиненного с придаточным изъяснительным) с этической окраской и сказуемые, которые не обозначают конкретных действий, а оценивают их: *помог и молодец*.

2. Типизирование исходной ситуации обобщает высказывание по линии времени, обобщается и получатель помощи — это не конкретное имя, а имя класса *птица, птицы*: *Здесь учит, что птиц нельзя оставлять на траве если вы оставите на траве, то птица умрет* (1, 7–8). Такое высказывание выражает волю говорящего: *нельзя оставлять...* — это предупреждение, поэтому местоимение *вы (если вы оставите на траве)* прочитывается в адресатном значении (к конкретному адресату речи или к любому, кто может прочитать текст), а предупреждающий говорящий не входит в состав тех, к кому обращается. По такому «грамматическому сценарию» строятся инструкции (говорящий передает свою волю адресату речи и мыслит себя отдельно от него, хотя правило справедливо и может быть распространено на любого): *Не стой под стрелой; Помидоры промывать в проточной воде; Купаться запрещено; Нарушители удаляются из бассейна; Надо, надо умыться по утрам и вечером* и т. п. См. примеры типизации из детских сочинений: *Он учит тем что лудие помочь птенцу. Если он выпал из гнезда; Я думаю что этот рассказ учит что нельзя уходить*

² Здесь и далее в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация. В скобках указаны класс и после запятой возраст автора.

от зябликов (2, 8–9); *Рассказ учит, что надо помогать животным* (2, 8–9). Обобщению времени способствует значение долженствования (*надо помочь, нельзя уходить*): время абсолютизируется и означает «всегда» или «никогда» («надо помогать всегда», «нельзя уходить никогда»). При этом парное к долженствованию значение возможности «может квантифицировать время» (А. Д. Шмелев): *На море мы вместо пляжа могли поехать на экскурсию*, т. е. может означать «иногда», «время от времени» («На море мы иногда вместо пляжа ехали на экскурсию»).

3. Отвлечение обобщает ситуацию по линии времени и лица (субъекта) и создает условия для осмысления включенности говорящего в состав участников излагаемой ситуации.

Рассмотрим пример: *Этот рассказ учит нас, точно когда ты видишь кому-то нужна помощь, то надо помочь* (1, 7–8). Высказывание *когда ты видишь кому-то нужна помощь, то надо помочь* — обобщенно-личное.

Для него, как и для типизирующих высказываний, характерно модальное осложнение *надо*, абсолютизирующее значение времени, это значение «всегда». В фразе *надо помочь* не заполнены позиции двух именных компонентов конструкции — во-первых, того, кто помогает, и, во-вторых, того, кто получает помощь, но оба участника ситуации предполагаются значением глагола *помочь* (кто? кому?) и производного существительного *помощь* (кого? кому?). В фразе *надо помочь* две незаполненные позиции: $\emptyset_{1\text{дат. субъект помощи}}$ *надо помочь* $\emptyset_{2\text{дат. получатель помощи}}$. Ср. с предложением, где позиции субъекта и получателя помощи заполнены: **Человеку/Любому/Нам надо помочь тому, кто просит/нуждается/слаб...**

В сложном предложении *когда* (1) *ты видишь* (2) **кому-то нужна помощь, то** (3) \emptyset_1 *надо помочь* \emptyset_2 незаполненная позиция \emptyset_2 получателя помощи в (3) осмысляется нами в связи с местоимением *кому-то* из (2). «Кому-то» означает любого человека, поэтому в состав тех, кто нуждается в помощи из (3), потенциально входят и адресат, и сам говорящий, т. е. получатель помощи обобщенно-личный. Незаполненная позиция субъекта помощи \emptyset_1 в (3) осмысляется в связи с любым человеком (поскольку содержанием предложения его состав не ограничен), поэтому адресат высказывания и говорящий также входят в состав тех, кто должен помогать. В нашем примере и *ты* в части (1) является не адресатным, а обобщенно-личным: автор рассуждает обо всех людях, включая говорящего и адресата. Само высказывание приобретает характер обобщенно-личный (для «чистого» обобщенно-личного высказывания следует убрать речевую рамку «рассказ учит»).

Обобщенно-личное значение приобретает высказывание, сообщающее о противостоянии двух личных субъектов (один из которых обычно соответствует подлежащему), даже если они названы иносказательно.

См.: *Пуганая ворона и куста боится; Баба с возу — кобыле легче; Назвался груздем — полезай в кузов; Все влюбленные обещают больше, чем могут выполнить; В чужой монастырь со своим уставом не ходят* и т. п. При этом говорящий включен в состав обеих субъектных сфер, и в этом источник этической значимости такого высказывания: говорящий сознает себя «вороной» (человеком, который испытывает страх) и тем, кто этот страх «вороне» внушает; говорящий отождествляет себя с тем, кто освобождается от ненужного груза, и с тем, кто этим грузом является; говорящий потенциально является и объектом, и субъектом охоты («груздем» и тем, кому принадлежит «кузов»); говорящий может оказаться тем, кто влюблен и обещает, и тем, в кого влюблены и кто верит этим обещаниям; представителем «монастыря», устанавливающего закон, и чужаком, входящим на территорию «монастыря», и т. п. Тем самым обобщенно-личность захватывает не только субъекта предложения (обычно подлежащее в Им. п.) но и его «противника», который обнаруживается в содержании высказывания. Вхождение говорящего в состав обеих субъектных сфер обязательно, и то же самое можно отнести к адресату высказывания в силу его принадлежности к роду человеческому. Если же противостояние двух личностей не предполагается содержанием обобщенно-личного высказывания, то речь идет о подчинении человека предписанному ему закону: *Всяк сверчок знай свой шесток; Человек смертен*. Если говорящий мыслится как автор закона, надстоящий над адресатом, то получаем высказывание императивное, выражающее волю говорящего по отношению к адресату: *Не прислоняться; По газону не ходить; Никогда и ничего не просите, и особенно у тех, кто сильнее вас! Сами предложат и сами все дадут!*³.

Детские высказывания показывают, что самый простой и самый ранний прием обобщения (с 1-го класса) — незаполненные позиции для обоих участников ситуации. Это позиции действующего лица / носителя качества и объекта, по отношению к которому производится действие или проявляется качество. Они обусловлены значением предикатного слова — глагола, существительного, прилагательного: *Этот рассказ учит помощи / помогать / доброте / быть добрым / быть отзывчивым / спасать / не оставлять / что надо помогать*. Первая позиция (субъекта, который должен помогать и быть добрым) не может быть выражена в конструкции с инфинитивом и отглагольным существительным, вторая позиция (получателя помощи) открыта для заполнения словом: *Этот рассказ \emptyset учит помогать \emptyset / помощи другим*. Местоимения со значением всеобщности, как и незаполненные позиции, следует отнести к наиболее про-

³ Благодаря Н. К. Ониненко, обратившую мое внимание на этот пример.

стым обобщающим приемам (встречаются в 1–2-м классах): *Надо быть добрым ко всем.*

По мере взросления (особенно в работах 4-го класса) незамещенность второй субъектной позиции, как и употребление обобщающих местоимений, теряет значение, появляется тенденция называть второго участника полнозначительными существительными и идиомами (*живые существа, маленькие жители природы, братья наши меньшие*) — в этом проявляется рост риторических умений авторов; см. также описательные местоименно-соотносительные обороты (*те, кому нужна помощь..., те, кто в этом нуждается..., другим, кто нуждается в помощи*). Риторический характер приобретает разрастание придаточно-определяющей части (*маленьким, которые не могут справиться без помощи других*), выбор плеонастических сочинительных рядов (*Этот рассказ учит помогать природе и ее жителям*). Поскольку риторическое «удлинение» сочетается с незаполненными именными позициями, можно признать его компенсационный характер: сокращение физического объема одного компонента конструкции выравнивается за счет увеличения другого. Может разрастаться не только имя участника ситуации, но и предикатная серия — вплоть до риторической триады: *Рассказ учит быть добрым и помогать тем, кому нужна помощь; Рассказ учит добротой, о том что надо делать добро и не ждать награды.*

Если незамещенная позиция получателя помощи ведет к обобщенно-личному осмыслению высказывания (*рассказ учит помогать*), то ситуация с заполнением этой позиции не так очевидна (*надо помочь зябликам/животным/всем/людям/слабым...*), см. табл. 1. Разные возрастные группы различаются по количеству категоризирующих слов, называющих второго участника: слов больше всего во 2–3-м классе, меньше всего — в 1-м и 4-м (помимо возрастных особенностей, здесь могло сказаться количество учеников, принявших участие в исследовании).

Семантическое «движение» от частного к общему и от «мира животных» к «миру людей» позволяет выделить группы имен и местоимений, называющих второго участника: (1) названия конкретных птиц и других животных (*зяблик, птичка, крокодил*); (2) обобщающие названия животных (*животные, птицы*); (3) слова, объединяющие животных и людей (*все, кто-то, маленькие, беспомощные*); (4) названия, объединяющие живую и неживую природу (*природа, животные и растения*); (5) слова со значением «только люди» (*друг другу, другие, люди, окружающие*).

Анализ этих групп слов полезен не только для онтолингвистики (области лингвистики, изучающей детскую речь), но и для грамматики в целом. Во-первых, местоименный материал (3 и 5) демонстрирует, что деление мира может проходить как по семантической категории одушевленности

(все, кто-то⁴), соединяющей людей с другими живыми существами, так и по семантической категории личности (*другие*), выделяющей человека из мира других существ. «Одушевленная» модель имеет морфологическую аналогию — это Вин. одушевленный; «личная» — синтаксическую, это неопределенно-личные предложения. Во-вторых, соединять человека с другими живыми существами (по модели семантической одушевленности) могут не только местоимения, но и абсолютивные прилагательные во мн. ч. (5): *Надо помогать слабым, беспомощным, маленьким* (означает и людям, и животным). Это дополняет традиционные представления о роли прилагательных в выражении скрытых категорий. В. В. Виноградов писал: «Субстантивированные прилагательные мужского рода <...> означают преимущественно лиц мужского пола: *рулевой, дежурный...*» [Виноградов 1947: 88], тем самым связывая категорию лица с мужским родом (социальная активность) и единственным числом (индивидуальность). В абсолютивном употреблении прилагательных во множественном числе в значении «все живые существа» можно видеть еще одно проявление связи между категориями количественности (множественность, дискретность) и одушевленности, которая, как известно, морфологизована в склонении всех одушевленных существительных во множественном числе (Вин. мн.).

Если искать тот категориальный класс второго участника, который выступает в качестве семантической границы, отделяющей обобщенно-личные высказывания от волеизъявительных, то она ярко проходит по тем классам, которые включают человека в состав природы («существо», «природа») либо называют класс животных в терминах, подразумевающих связь или родство с человеком («братья наши меньшие»). Имя «животные» в наивной картине мира не обнаруживает связи с человеком, поэтому высказывание *Рассказ учит помогать животным* не принадлежит, скорее всего, к обобщенно-личным.

Если второй, неактивный, участник ситуации может быть неличным (человек входит в состав более широкой общности живых существ), то первый участник, активный — обязательно личный, поскольку им может стать только тот, кто в состоянии прочесть или услышать сентенцию и следовать ее этическому содержанию.

Рассмотрим таблицу 1. В 1-м и 4-м классах слов, именующих второго участника, немного, больше всего их во 2–3-м классах. В 1-м классе небольшой лексический запас сочетается с «искажением» процесса обобщения по типу переноса на класс животных (что исключает людей):

⁴ В актуальном времени в условиях совпадения времени речи, действия и наблюдения возможности этих местоимений соединять все живые существа ограничены. См.: *Все сидели на лужайке* (только люди). Ср. также у А. М. Пешковского пассаж о вопросе, задаваемом о комаре на потолке: *Что сидит?* — но не *Кто сидит?*

Таблица 1. Названия получателя помощи
Table 1. Designations of aid receiver

1-й класс (7–8 лет)	2-й класс (8–9 лет)	3-й класс (9–10 лет)	4-й класс (10–11 лет)
<p>Птенчик Птенец Птицам Птицам, животным, насекомым Слабеньким зверькам, когда они в большой опасности Животным Природе Другим, зверям, птицам Детям Кому-то Всем Другим Маленьким Слабым и беззащитным Окружающим</p>	<p>О птенцах Птицам Даже к зверям Зверям, когда они в беде Надо даже крокодилу помогать и любым зверям птицам, животным и вообще всем жителям леса Животным Братьям нашим меньшим Природе и зверям Природе. Животным и растениям Природе и всем живым существам / дерево, человек, животное / зверям и людям Тем, кому нужна помощь / Тех, кто попал в беду / Тому кто попал в беду Окружающим / Тем, кто слабее тебя / Тем, кому нужно</p>	<p>Зяблякам Птенцам / Маленькому птенчику Птицам Животным Животным и птицам Животным, которые в беде Братьям нашим меньшим Братьям меньшим и просто другим людям Другим Маленьким/ Младшим Беспомощным Природе Природе, животным Природе, животным, птицам Людям и животным Не только к людям, но и к природе Живым существам Другим, животным/ Другим, природе / Ко всему на свете Другим</p>	<p>Животному миру Маленьким жителям природы Природе Природе и другим существам на планете и людям и животным диким и домашним и очень маленьким, например, птицам Природе и ее жителям Всем не в зависимости... Тем, кому нужна помощь / Тем, кто в этом нуждается / Тем, кто меньше тебя Другим, кто нуждается в помощи Маленьким, которые не могут справиться без помощи других / Маленьких / Меньшим</p>

Таблица 1. Окончание
 Table 1. Ending

1-й класс (7–8 лет)	2-й класс (8–9 лет)	3-й класс (9–10 лет)	4-й класс (10–11 лет)
	Всем, особенно тем, кто слабее и младше Всем слабым окружающим Детей/ маленьким Другим Другим людям людям Друг другу Окружающему миру	Всем Всем, даже маленьким / Всем, кто нуждается в помощи / Всем, кто нуждается в помощи / Всем. Будь то человек или птица Тем, кому нужна помощь / Тем, кто в беде / Тем, кто нуждается в помощи / Тем, кто слабее тебя / Кто просит о помощи / Кто слабей и меньше / Кому она нужна Кому-нибудь Друг другу Друг другу и окружающим Окружающим Людей	

*Этот рассказ учит нас тому что надо помогать **слабеньким зверькам** когда они в большой опасности; Надо помогать птицам, животным и насекомым.*

«Искажение» за счет переноса на «мир только людей» встречается в 1-м классе и более старшем возрасте (в нашем материале 1–3-й класс). Такая ментальная операция обусловлена, видимо, распространением авторами-детьми на рассказ приема интерпретации басен или сказок о животных; подобное «искажение» порождает обобщенно-личное высказывание, но соответствует смыслу интерпретируемого детьми текста не полностью.

Детские обобщающие высказывания прочитываются (учителем, лингвистом, исследующим высказывания) на фоне исходного текста-стимула и его героев, поэтому конкретно-предметные наименования в предложениях типа *Надо помогать зябликам/птичкам/птенчикам* (1, 7–8) не отрываются от сюжета и не приобретают значения личности, а сами высказывания не получают обобщенно-личного осмысления. Ср. обобщенно-личное значение и личную семантику имен, называющих животных: *Ранняя птичка носик прочищает, а поздняя глазки проридает*; о механизме прочтения неличных имен в личном значении в крылатых выражениях см. [Онипенко, Никитина 2006].

Исключение могло бы составить следующее высказывание, потенциально прочитываемое обобщенно-лично: *Надо даже крокодилу помогать*. В нем *крокодил* в соединении с усилительной частицей *даже* мог бы осмысляться в личном значении (ср.: *Доброе слово и кошке приятно*): во-первых, это имя не имеет связи с сюжетом, и, во-вторых, у него имеется вторичное значение, характеризующее неприятного человека (*Этот крокодил Зальцман сегодня не ответил, когда Мишка с ним поздоровался* (Нельская-Сидур)). Однако в нем имеется присоединительная часть: *Надо даже крокодилу помогать и любым зверям* (2, 8–9), что возвращает нас к прямому значению «крупное хищное пресмыкающееся» и ограничивает обобщающую семантику высказывания.

Вторые-третьи классы, судя по нарастанию словаря имен с родовым значением, представляют один и тот же период в овладении лексическими средствами. Однако применение этих средств отстает от расширения словаря: при порождении обобщающего высказывания проявляются категориальные колебания, нарушающие задание. К 4-му классу небольшой объем обобщающих слов отражает уверенный и точный выбор слова (это слова, соединяющие людей и животных, что соответствует смыслу рассказа). Более того, в работах 4-го класса идея исчерпывающе представить полноту мира (обозначить словом класс животных и класс людей) реализуется за счет использования парных лексических единиц, семантически

дополняющих друг друга (названия крупных классов живых существ, антонимы): *Этот рассказ учит тому, что мы и животные как едины. Этот рассказ учит тому что надо всем помогать не в зависимости от того что ты с ним знаком или нет, старый он или молодой. Нужно помогать природе и другим существам на планете и людям и животным диким и домашним.*

Употребление присоединительных предложений показывает, что с уверенностью пишущих на уровне установления родо-видовых отношений коррелирует владение синтаксической техникой «домысливания»: *Этот рассказ учит помогать природе и ее жителям, не обижать маленьких. Учит быть миролюбивым!*

Таблица 2. Степени обобщенности высказывания в возрастной динамике
Table 2. Degrees of statement generalization given in age dynamics

	Всего работ	Не обобщенно-личные	Воспроизведение	Типизирование	Не справились
1-й класс	47	11 (23,4%)	3 (27%)	8 (73%)	—
2-й класс	79	6 (7,5%)	1 (17%)	5 (83%)	2
3-й класс	103	7 (6,7%)	4 (57%)	3 (43%)	—
4-й класс	14	—	—	—	—

Таблица 2 показывает, как изменяется количество высказываний, которые нельзя отнести к обобщенно-личным, в возрастной динамике. Общий их объем уменьшается от 1-го класса к 4-му, составляя в 7–8 лет почти четверть работ и падая до нуля к возрасту 10–11 лет. Самое значительное их падение приходится на переход от 1-го класса ко 2-му — от 23% к 7%. При этом в возрастных группах, соответствующих 2-му и 3-му классу, количество такого рода работ остается почти на одном и том же уровне, что можно принять как свидетельство того, что эти возрасты составляют единый протяженный период в освоении приемов обобщения. Рост количества работ с воспроизведением (конкретное время-пространство) от 2-го класса к 3-му не поддается объяснению, а обращение к самим текстам показывает, что во 2-м и 3-м классе авторы могут семантически некорректно соединять рамочный глагол *учит* и пересказ текста: *Этот рассказ учит тому тошто автор спас птенца, как птенцы бежали к своему гнезду.* При этом авторы 3-го класса при пересказе часто заменяют глагол *учит* на *говорится*: *В этом рассказе говорится о доброте автора, который помог семье яблика,* что более корректно по отношению к содержанию высказывания и в чем можно видеть рост их речевых компетенций.

Выводы

Для обобщенно-личного высказывания в рамках сообщаемой им ситуации характерно противостояние двух участников, при этом обязательным условием обобщенно-личного осмысления является включенность говорящего и адресата в состав обоих участников ситуации. Тем самым высказывание приобретает характер сентенции, формулирующей этический закон.

Обобщенно-личное высказывание предполагает не только личный характер участников сообщаемой ситуации, но и, как вариант, включенность человека в более широкую общность — общность живых существ, в связи с которыми человек осмысляет себя в родстве с природой.

Местоимения и абсолютивные прилагательные могут проявлять семантические категории одушевленности и личности и служат своеобразной поддержкой данных категорий в морфологии (одушевленность, Вин. п.) и синтаксисе (личность, неопределенно-личные предложения).

Для онтолингвистики установлена последовательность усвоения родовых слов и приемов обобщения высказывания. Местоименное обобщение предшествует обобщению посредством гиперонимических имен. Субстантивную категоризацию опережает категоризация посредством абсолютивного употребления прилагательных, семантически более конкретная. В начальных классах границы предметно-личной категоризации не сформированы полностью, предстают в процессе становления: они колеблются между миром природы, миром людей, миром живой и неживой природы. К 4-му классу наблюдается владение сложно организованной описательной техникой категоризации и синтаксической техникой «домысливания».

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
- Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. — Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. 784 с.
- Зейгарник Б. В. Патопсихология. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательство Московского университета, 1986. 287 с.
- Золотова Г. А., Онилечко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 541 с.

- Ильенко С. Г. Три аспекта композиционно-стилистического анализа художественного текста как целостного образования // Художественный текст: аспекты сверхфразовой организации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. С. 5–19.
- Онипенко Н. К., Никитина Е. Н. Грамматика крылатых выражений // Русская словесность. 2006. № 4. С. 56–63.

References

- Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997. 576 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching of the word)]. Moscow – Leningrad, State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1947. 784 p.
- Zeigarnik B. V. *Patopsikhologiya* [Pathopsychology]. 2nd ed., revis. and expand. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1986. 287 p.
- Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004. 541 p.
- Il'enko S. G. [Three aspects of compositional and stylistic analysis of a literary text as an integral education]. *Khudozhestvennyi tekst: aspekty sverkhfrazovoi organizatsii* [Artistic text: aspects of a super-educational organization]. St. Petersburg, Herzen Univ. Publ., 1997, pp. 5–19. (In Russ.)
- Onipenko N. K., Nikitina E. N. [Grammar of catch phrases]. *Russkaya slovesnost'*, 2006, no. 4, pp. 56–63. (In Russ.)

«Фреш или не фреш?» (Лингвистическое портретирование слова *фреш* в современном публицистическом дискурсе)

Марина Геннадьевна Соколова, Тольяттинский государственный университет
(Россия, Тольятти), msok71@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724010042

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются особенности функционирования лексемы *фреш* в современном публицистическом дискурсе в рамках языкового портрета. Выделены активные сферы функционирования слова *фреш* в соответствии с тематикой текстов. Уточнен семантический объем данной лексемы, включающий несколько значений: «свежевыжатый сок»; «свежие, натуральные продукты питания»; «свежий, натуральный, оригинальный, новый». Выявлено, что развитие семантики лексемы демонстрирует процесс расширения семантического объема за счет утраты гиперсем («сок», «продукты питания») и расширения лексической сочетаемости. Продемонстрирована морфологическая полифункциональность анализируемой лексемы, выступающей в качестве имени существительного или несклоняемого прилагательного в составе аналит-конструкций. Описаны факты экспрессивного употребления слова *фреш* в качестве имен собственных, а также включение в игровую трансформацию прецедентных феноменов. Установлено, что при сохранении вариативности в написании слова (*фреш* и *фрэш*) преобладающим по частотности становится вариант *фреш*; охарактеризованы различные способы в оформлении данного слова

в положении постпозиции в сочетаниях: *апельсиновый фреш* и *апельсиновый «фреш»*; *сок фреш* и *сок-фреш*; категория «*фреш*» и направление *фреш* и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексема *фреш*, лексикографический портрет, интегральное описание слова, аналитические конструкции

для цитирования: Соколова М. Г. «*Фреш* или не *фреш*?» (Лингвистическое портретирование слова *фреш* в современном публицистическом дискурсе) // Русская речь. 2024. № 1. С. 49–59. DOI: 10.31857/S0131611724010042.

Issues of Modern Russian Language

“*Fresh* or not *Fresh*?” (Linguistic Portraying of the Word *Фреш* (Fresh) in Modern Journalistic Discourse)

Marina G. Sokolova, Togliatti State University (Russia, Togliatti), msok71@mail.ru

АБСТРАКТ: The article examines the features of the functioning of the lexeme *фреш* (fresh) in modern journalistic discourse within the framework of the language portrait. The active spheres of functioning of the word *фреш* (fresh) in accordance with the subject of the texts are highlighted. The semantic volume of this lexeme has been clarified, which includes several meanings: “freshly squeezed juice”; “fresh, natural food”; “fresh, natural, original, new.” It has been established that the development of the semantics of the lexeme demonstrates the process of expanding the semantic volume due to the loss of hypersemes (“juice”, “food”) and the expansion of lexical compatibility. The morphological polyfunctionality of the analyzed lexeme, which acts as a noun or an indeclinable adjective as part of analytical constructions, is demonstrated. The facts of the expressive use of the word *фреш* (fresh) as proper names are described, as well as the

inclusion of precedent phenomena in the game transformation. It has been established that while maintaining variability in the spelling of the word, the variant *фреш* (fresh) becomes predominant in frequency; various ways in the design of this word in the position of postposition in combinations are characterized.

KEYWORDS: the lexeme *фреш* (fresh), lexicographic portrait, integral description of the word, analytical constructions

FOR CITATION: Sokolova M. G. "Fresh or not Fresh?" (Linguistic Portraying of the Word *Фреш* (Fresh) in Modern Journalistic Discourse). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 1. Pp. 49–59. DOI: 10.31857/S0131611724010042.

Введение

Современный публицистический дискурс наиболее интенсивно и динамично пополняется новой заимствованной лексикой, имеющей разную степень ассимиляции в русском языке. Проблема изучения языковых заимствований в составе тематических групп, текстов определенных жанров в настоящее время разрабатывается в нескольких аспектах: теоретико-методологическом [Крысин 1968, 2004; Сорокин 1965], историко-культурном [Литвинов 2004], словообразовательном, функционально-стилистическом, лингвоэкологическом [Попова, Рацибурская, Гугунава 2011; Сквородников 2016; Соколова 2007], в аспекте языковой разноуровневой ассимиляции [Габдреева, Агеева, Тимиргалеева 2014; Маринова 2013; Тимофеева 1992] и др.

В связи со сложностью и многоаспектностью данной проблемы требуется применение принципа интегральности в описании языковых единиц, который предполагает согласование семантико-прагматических, морфологических, синтаксических, сочетаемостных, стилистических свойств в рамках лексикографического портрета [Апресян 2006]. Несмотря на широкое распространение данного принципа в современных лингвистических исследованиях [Бычкова 2022; Долгова 2020; Косс 2023; Немич 2022; Паршина 2019; Шерстяных 2011], опыт языкового портретирования заимствованных неологизмов в современной публицистике недостаточен. Между тем реализация языкового портретирования позволит целостно, в совокупности всех свойств представить процесс вхождения нового слова в систему языка, решить проблему целесообразности заимствования, уточнить лексикографическое описание новой единицы.

Предметом рассмотрения в предлагаемом исследовании являются лексико-семантические, морфологические, сочетаемостные, стилистические, орфографические особенности лексемы *фреш* в современном публицистическом дискурсе.

Цель исследования — выявить особенности функционирования лексемы *фреш* в современном публицистическом дискурсе в рамках языкового портрета.

Материалом для исследования послужил корпус газетных текстов Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка]. Объем анализируемого материала составил 173 примера текстовых употреблений лексемы *фреш*.

Лингвистический портрет слова *фреш* в корпусе современных публицистических текстов

Перейдем к изложению полученных результатов исследования. На основе обобщения информации из словарей русского языка, в которых фиксируется данное слово [Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС»...; Шагалова 2011], был составлен лексико-морфологический лексикографический портрет: *фреш* — свежавыжатый сок; существительное, мужской род, неодушевленное. В словарях содержатся сочетания с данным словом: *сок фреш (сока фреш)* — свежавыжатый сок; *крем-фреш* — кисломолочный продукт.

Нормативное описание лексемы отличается вариативностью: в толковом словаре Е. Н. Шагаловой отмечены орфографические варианты — *фреш* и *фрэш*, а также склоняемость данного существительного (*фреша*, *фрэша*). Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» РАН предлагает один вариант написания и возможность употребления рассматриваемой лексемы и как склоняемого существительного, и как неизменяемого слова: *фреш*, -а и неизм. (ср. *фреша* и *сока фреш*).

Охарактеризуем лингвистический портрет слова *фреш* в корпусе современных публицистических текстов с использованием нового раздела «Портрет слова» Национального корпуса русского языка. Названный раздел демонстрирует наиболее частотные словосочетания с заданным словом, предоставляет примеры его употребления в текстах корпуса, распределяет примеры по годам, по типам и по тематике текстов, показывает семантические, морфологические свойства определенного слова.

Согласно данным раздела «Портрет слова» корпуса, лексема *фреш* используется преимущественно в нехудожественных (публицистических)

видах текстов с долей в процентах — 62,5 %. Примеры, содержащие рассматриваемое слово, относятся к периоду 2000–2020 гг.

Тематическое распределение текстов, осуществленное соответствующим сервисом в автоматическом режиме, позволяет выделить активные сферы функционирования слова: *фрэш* — частная жизнь (80 % текстов), здоровье и медицина — 20 %; *фреш* — бизнес, коммерция, экономика, финансы (37,5 %); администрация и управление — 25 %; производство — 12,5 %; здоровье и медицина — 12,5 %; легкая и пищевая промышленность — 12,5 %.

Представим объем значений, морфологические, сочетаемостные и стилистические признаки слова *фреш* в текстах корпуса.

1. Свежевыжатый сок; существительное, мужской род: -а (*фреша*), множественное число: *фреш/и*, *фреш/ей*, *фреш/ах* и др.; неодушевленное — 56 примеров, реализующих данное значение: *Все соки нельзя, кроме цитрусовых. Лучшие — фрэши, свежевыжатые* (Аргументы и факты. 2001); *Еще один способ заработать — на дорогах фрэшах* (Комсомольская правда. 2010); *А также бесчисленные комбинации «фрешей», среди которых встречаются совершенно уникальные миксы — вроде асаи и гуарана* (Коммерсант. 2012); *Там продавались арбузные фрешши, арбузные и томатные соки из фермерских продуктов* (Парламентская газета. 2018); *Можно брать за основу огуречный фреш, делать огуречное гаспачо* (Парламентская газета. 2020); *Можно приготовить сладкие десертные супы на основе любых фруктов, взбитых в блендере, или фреша* (Парламентская газета. 2020); *Среди напитков, от которых она отказалась, — молоко, газировка, кофе, алкоголь и фрешши* (РИА Новости. 2020) и др.

2. Свежие, натуральные продукты питания; существительное, мужской род: -а (*фреша*), только единственное число; неодушевленное — 12 примеров. В текстовых фрагментах актуализируется следующий компонент семантики данного слова: «идуший в пищу в своем натуральном виде, как правило, без приготовления»: *Фрэши — это овощи, фрукты, молочные, салаты, готовая еда* (Комсомольская правда. 2013); *В придомовых магазинах доля «фрэши» постоянно растет* (Комсомольская правда. 2013); *Я в придомовой рознице должен дать людям фрэши* (Комсомольская правда. 2013); *«Вкусвилл» имеет ассортимент фреша и фермерской продукции, что позволяет ему уйти от ценовой конкуренции с федералами* (Коммерсант. 2020) и др.

Отличительным признаком второго значения рассматриваемой лексемы является выражение собирательности как совокупности предметов и отсутствие форм множественного числа.

3. Компонент в составе аналит-конструкций — неизменяемое (аналитическое) прилагательное, выполняющее роль определителя именных

лексем в атрибутивных словосочетаниях с синтаксической связью по типу примыкания (38 примеров): *с одиннадцати часов перестали подавать чай и кофе, предлагая взамен соки-фреш* (Коммерсант. 2006); *Среди прочих фишек этого магазина отметим также фрэш-бар с мороженым и свежевыжатыми соками* («Комсомольская правда» в Беларуси. 2011); *Мы также стали более активно развивать направление фреш* (РБК Дейли. 2011); *дубляж выкладки напитков во фреш-категориях, куда люди идут целенаправленно за натуральным и природным* (РБК Дейли. 2013); *Около 50 % товаров относятся к сегменту «фреш»* (Коммерсант. 2013); *Компания купила производителя сока и уже открыла четыре фреш-бара* (РБК Дейли. 2013); *В супермаркете нового формата около 900 наименований товаров, включая категорию «фреш»* (Lenta.ru. 2020) и др.

4. Имя собственное (наименование предприятий, организаций, тарифов и др.), выраженное лексемой *фреш* и *фрэш*, а также сочетанием слов с данной лексемой (67 примеров): *Особой любовью у клиентов пользуется «Байкальский фреш» — взбитые ягоды клубники, перемешанные с соком лайма и спиртным* (Комсомольская правда. 2010); *О ребрендинге задумываются и нынешние владельцы «Острова»: магазины могут сменить вывески на «Фреш-сити»* (РБК Daily. 2010); *А вот любителям сэкономить стоит отправиться в сеть магазинов «Фрэш 25»* (Комсомольская правда. 2011); *Эксперимент с такой маркировкой уже проводит московский вегетарианский ресторан «Фреш»* (Известия. 2013); *Также в Крыму оперируют сети «Фушет», «Фреш», «Эко-маркет», которые пока планируют сохранить свои торговые точки* (РБК Дейли. 2014) и др.

При употреблении лексемы *фреш* и *фрэш* в функции имени собственного и компонента аналит-конструкций наблюдается расширение лексической сочетаемости и семантического объема и за счет утраты гиперсем («сок», «продукты питания»). В результате формируется новое значение с актуальными дифференциальными признаками «свежий», «натуральный», «оригинальный», «новый» (под влиянием семантики иноязычного слова *fresh* — «свежий», «только что полученный или появившийся», «новый» и др.): *группы «Фреш», «Данко» и «Плазма» были представлены радиостанцией «Европа плюс»* (Аргументы и факты. 2000); *косметические компании производят специальные линии «фрэш-загар»* (Комсомольская правда. 2007); *а в конце еще ложечка крем-фреш (это типа пресного сливочного сыра)* (Коммерсант. 2008); *Такая линия фестиваля, как «Театральный Фреш»* (Известия. 2013); *Нынешняя подборка сериалов на «Фреш-ТВ» несколько озадачила публику* (Известия. 2015); *Перед началом конкурса прошла зажигательная танцевальная разминка от шоу-балета «Фреш»* (Чебоксарские новости. 2019) и др.

По данным сервиса «Портрет слова» Национального корпуса русского языка, лексема *фреш* имеет нейтральную коннотацию — 100 %. Однако, по нашим наблюдениям, анализируемое слово может выступать в качестве экспрессивного наименования, ориентированного на привлечение внимания адресата и выполнение рекламной функции: *У «ВымпелКома» есть федеральный тариф с безлимитным Интернетом «Яблочный фреш»* (РБК Daily. 2009); *По депозиту «Летний фреш» на 90 дней здесь заплатят 11 % годовых в рублях* (Коммерсант. 2010).

Экспрессивное употребление лексемы *фреш* в газетном заголовке связано также с включением ее в состав прецедентного феномена — название известного монолога Гамлета из пьесы У. Шекспира: **Фреш или не фреш? Меня давно мучает вопрос: полезен ли чем-нибудь апельсиновый сок в пакетах, то есть несвежевыжатый?** (Фреш или не фреш? // Аргументы и факты. 2003).

В корпусе публицистических текстов сохраняется вариативное написание рассматриваемой лексемы, однако преобладающим становится вариант *фреш* — 149 примеров от общего количества (ср.: написание *фрэши* отмечается в 24 примерах).

Наибольшей нестабильностью характеризуется употребление слова *фреш* (и *фрэши*) в положении постпозиции в различных сочетаниях. Так, в постпозиции по отношению к определяемому слову отмечается тенденция к заключению в кавычки (например, *доля, категория, сегмент, товары «фреш»*): *Начинают увеличивать долю «фрэши»* (Комсомольская правда, 2013); *Доминирующие позиции местные производители, как правило, занимают в категории товаров «фреш» и «ультрафреш»* (Ведомости. 2013); *Около 50 % товаров относятся к сегменту «фреш»* (Коммерсант. 2013); *Спрос на продукцию по акциям вырос, а на категорию «фреш» — наоборот, упал* (Lenta.ru. 2020) и др. Варианты написания без кавычек используются гораздо реже: *Мы также стали более активно развивать направление фреш* (РБК Дейли. 2011).

В сочетаниях с согласуемым определением наблюдаются отдельные примеры заключения слова *фреш* в кавычки: *Вам пиво и кальян, а вашей Наташе — апельсиновый «фреш»* (Комсомольская правда. 2006).

Наряду с зафиксированным словарями сочетанием *сок фреш* отмечаются случаи дефисного написания компонентов: *с одиннадцати часов перестали подавать чай и кофе, предлагая взамен соки-фреш* (Коммерсант. 2006). В узуальном употреблении фиксируется использование сочетания *крем-фреш* как склоняемого существительного: *Это хрустящий золотистый фунтик из тончайшего теста, обжаренного в кипящем масле, с горячей душистой начинкой из четырех видов сыра — пармезана, шевра, фета и крем-фреша* (Коммерсант. 2002).

Выводы

Подведем итоги. В современном публицистическом дискурсе слово *фреш* является многозначным словом, часть его значений еще не нашла отражение в словарях: свежесжатый сок; свежие, натуральные продукты питания; свежий, натуральный, оригинальный, новый. Развитие семантики лексемы демонстрирует процесс расширения семантического объема за счет утраты гиперсем («сок», «продукты питания») и расширения лексической сочетаемости.

С морфологической точки зрения лексема *фреш* является полифункциональной, то есть способной в зависимости от контекста выполнять функцию имени существительного или несклоняемого прилагательного в составе аналит-конструкций.

Как показал проведенный анализ, процесс адаптации иноязычного слова *фреш* включает следующие этапы: вариативность в написании слова, оформление с кавычками или без них, колебания грамматической формы (склоняемость и несклоняемость); экспрессивное употребление в качестве заголовков и наименований и включение в игровую трансформацию прецедентных феноменов.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2023).

Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/search/word> (дата обращения: 21.04.2023).

Литература

Апресян Ю. Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–74.

Бычкова В. С. Номинации «провинциал» и «провинциалка» в лексикографическом освещении // Парадигма современной науки в условиях модернизации и инновационного развития научной мысли: теория и практика: Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателей Костанайского филиала «ЧелГУ» Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова, Костанай, 12–13 апреля 2022 года. Костанай: Костанайский филиал Челябинского государственного университета, 2022. С. 459–463.

- М. Г. Соколова.** «Фреш или не фреш?» (Лингвистическое портретирование слова *фреш* в современном... дискурсе)
M. G. Sokolova. "Fresh or not Fresh?" (Linguistic Portraying of the Word *Фреш* (Fresh) in Modern Journalistic Discourse)

- Габдреева Н. В., Агеева А. В., Тимиргалеева А. Р.* Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода: учебное пособие. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014. 328 с.
- Долгова Е. Ю.* Лексикографическое портретирование лексемы «погрязнуть» (X–XVII вв.) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 23–29.
- Косс Е. В.* Лексикографический портрет слова «дядя» во вторичной номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. С. 789–795.
- Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
- Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
- Литвинов С. В.* Англицизмы в русском языке XVI–XIX вв. (Историко-культурный аспект) // Русская речь. 2004. № 6. С. 99–102.
- Маринова Е. В.* Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2013. 292 с.
- Немич Н. Н.* Лексикографическое портретирование синонимичных конститuentов поля семантики невыразимого // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 34–46.
- Паршина О. Д.* Лексикографический портрет слова «провинция» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Т. 10. № 4. С. 47.
- Попова Т. В., Рацбургская Л. В., Гуцунава Д. В.* Неология и неография современного русского языка: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. 168 с.
- Сковородников А. П.* Экология русского языка: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
- Соколова М. Г.* Культурно-речевые проблемы употребления заимствованных слов в современной массовой коммуникации // Современное русское языкознание и лингводидактика. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского / Ред. Л. Ф. Копосов, И. В. Шамшин, В. В. Никульцева, Е. Г. Хромова. М.: Изд-во МГОУ, 2007. С. 151–157.
- Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Тимофеева Г. Г.* Некоторые особенности адаптации неологизмов с элементами рок- и шоу- в современном русском языке // Фонетика и письмо в их развитии: межвуз. сб. науч. тр. / Ред. Б. И. Осипов (отв. ред.), В. Ф. Иванова, В. В. Колесов. Омск: ОмГУ, 1992. С. 77–84.
- Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ: Астрель, 2011. 413 с.
- Шерстяных И. В.* Лексикографическое портретирование слова (на примере интегрального описания слова «жизнь») // Вестник ИГЛУ. 2011. № 2 (14). С. 62–68.

References

- Apresyan Yu. D. [Basic principles and concepts of system lexicography]. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and system lexicography]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2006, pp. 33–74. (In Russ.)
- Bychkova V. S. [Nominations “provincial” and “she-provincial” in lexicographic coverage]. *Paradigma sovremennoi nauki v usloviyakh modernizatsii i innovatsionnogo razvitiya nauchnoi mysli: teoriya i praktika: Sbornik materialov XVI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati osnovatelei Kostanaiskogo filiala CheLGU T. Zh. Atzhanova i A. M. Rodnova, Kostanai, 12–13 aprelya 2022 goda* [The paradigm of modern science in the conditions of modernization and innovative development of scientific thought: theory and practice: A collection of materials of the XVI International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of the founders of the Kostanay branch of ChelSU T. Zh. Arzhanov and A. M. Rodnov, Kostanay, April 12–13, 2022]. Kostanay, 2022, pp. 459–463. (In Russ.)
- Dolgova E. Yu. [Lexicographical portrait of the lexeme “pogryaznut” (X–XVII centuries)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 2020, no. 4 (39), pp. 23–29. (In Russ.)
- Koss E. V. [Lexicographic portrait of the word дядя (uncle) in secondary naming]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023, Volume 16, Issue 3, pp. 789–795. (In Russ.)
- Krysin L. P. *Inoyazychnye slova v sovremenном russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 208 p.
- Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issled. po sovrem. rus. yaz. i sotsiolingvistike* [The Russian word, one's own and someone else's: Studies in Modern Russian and sociolinguistics]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2004. 883 p.
- Litvinov S. V. [Anglicisms in the Russian language of the XVI–XIX centuries (Historical and cultural aspect)]. *Russkaya rech'*, 2004, no. 6, pp. 99–102. (In Russ.)
- Marinova E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Foreign language vocabulary of the modern Russian language: a textbook]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2013. 292 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 21.04.2023).
- Nemich N. N. [Lexicographic description of synonymous constituents in the field of inexpressible semantics]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2022, Volume 26, Issue 2, pp. 34–46. (In Russ.)
- Parshina O. D. [Lexicographical representation of the “province” concept]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, 2019, Volume 10, Issue 4, p. 47. (In Russ.)
- Popova T. V., Ratsiburskaya L. V., Gugunava D. V. *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Neology and neography of the modern Russian language: a textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 168 p.

М. Г. Соколова. «Фреш или не фреш?» (Лингвистическое портретирование слова *фреш* в современном... дискурсе)

M. G. Sokolova. "Fresh or not Fresh?" (Linguistic Portraying of the Word *Фреш* (Fresh) in Modern Journalistic Discourse)

- Shagalova E. N. *Samyi noveishii tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka: ok. 1500 slov* [The newest explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century: approx. 1500 words]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2011. 413 p.
- Sherstyanykh I. V. [On a lexicographic portraying of the word "life"]. *Vestnik IGLU*, 2011, no. 2 (14), pp. 62–68. (In Russ.)
- Skovorodnikov A. P. *Ehkologiya russkogo yazyka* [Ecology of the Russian language]. Krasnoyarsk, Sib. Feder. Univ. Publ., 2013. 388 p.
- Sokolova M. G. [Cultural and speech problems of the use of borrowed words in modern mass communication]. *Sovremennoe russkoi yazykoznanie i lingvodidaktika. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAO N. M. Shanskogo* [Modern Russian linguistics and linguodidactics. Collection of scientific papers dedicated to the 85th anniversary of the birth of Academician N. M. Shansky]. Moscow, 2007, pp. 151–157. (In Russ.)
- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90 gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. 30–90 years of the XIX century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565p.
- Timofeeva G. G. [Some features of the adaptation of neologisms with elements rock- and show- in modern Russian]. *Fonetika i pis'mo v ikh razviti: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Phonetics and writing in their development: inter-university collection of scientific truth]. Omsk, 1992, pp. 77–84. (In Russ.)

Из истории русского языка

Бишь: баять или быть? О происхождении одной частицы

Анастасия Сергеевна Глаголева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), glagoleva.anastasiia@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724010058

АННОТАЦИЯ: В статье предпринята попытка установить происхождение русской частицы *бишь*. Дискуссионность этого вопроса обусловлена расхождением мнений исследователей о производящей основе: данные этимологических словарей говорят о развитии этой частицы из формы 2-го лица единственного числа глагола *баять* (*баешь*), при этом отдельные исследования указывают на ее происхождение от одной из форм прошедшего времени глагола *быти* — 3-го лица множественного числа аориста *быша* или 3-го лица единственного числа имперфекта *баше*.

Для достижения указанной цели были исследованы условия возникновения аллегроформ в аспекте фонетических закономерностей степени ударности слов; проведено сравнение этимологических данных; оговорено различие глагольных форм прошедшего времени, в частности в рамках процесса разрушения системы прошедших времен. Материалом исследования стали данные Национального корпуса русского языка (панхронический корпус), а также сведения этимологических и диалектологических словарей.

В результате была предложена гипотеза формирования исследуемой частицы из особой формы, образовавшейся при смешении употреблений аориста и имперфекта, которое было характерно уже для XIV в. Возникновение собственно частицы относится к XVII в., о чем свидетельствуют лексикографические данные.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: частицы, этимология, аллегрформа, имперфект, аорист
для ЦИТИРОВАНИЯ: Глаголева А. С. Бишь: баять или быть? О происхожде-
нии одной частицы // Русская речь. 2024. № 1. С. 60–69. DOI: 10.31857/
S0131611724010058.

From the History of the Russian Language

Bish': Bayat' or Byt'?

About the Origin of One Particle

Anastasiya S. Glagoleva, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences (Russia, Moscow), glagoleva.anastasiia@mail.ru

АБСТРАКТ: The article attempts to establish the origin of a Russian particle *bish'*.

The debatable nature of this issue is due to the divergence of researchers' opinions about the generating basis: the data of etymological dictionaries refer to the development of this particle from the form of the 2nd person singular of the verb *баять* (*баешь*), while some studies indicate its origin from one of the preterites of the verb *быти* — the 3rd person plural aorist *баше* or the 3rd person singular imperfect.

To achieve its goal, the article investigates the issues of the conditions for the occurrence of allegrforms and allegrforms in the aspect of phonetic patterns of the degree of stress of words. The paper compares etymological data and specifies the difference of verb forms of the past tense, in particular, within the framework of the destruction of past tenses system. The research material was the data of the National Corpus of the Russian language (pan-chronical corpus) and information from etymological and dialectological dictionaries.

As a result, a hypothesis was proposed about the formation of the particle under study from a special form that appeared due to mixing the uses of aorist and imperfect, which was already characteristic of the 14th century. The appearance of the particle dates back to the 17th century, as evidenced by the data of dictionaries.

KEYWORDS: particles, etymology, allegroform, imperfect, aorist, present
FOR CITATION: Glagoleva A. S. Bish': Bayat' or Byt'? About the Origin of One Particle. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 1. Pp. 60–69. DOI: 10.31857/S0131611724010058.

Частица *бишь*, согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), была широко употребима в 1840-е гг. (а первая фиксация современного написания *бишь* среди текстов, содержащихся в корпусе, датируется 1799 г. — в тексте И. М. Долгорукова). Далее частота ее использования снижается; в настоящее время она употребляется значительно реже и в современных толковых словарях часто сопровождается пометой *устаревшее*.

Словари современного русского языка определяют *бишь* как частицу, употребляющуюся в речи 'при усилии вспомнить что-либо забытое' [Евгеньева (ред.) 1985: 92; Горбачевич (гл. ред.) 2004: 660–661; Ожегов, Шведова 2006: 49].

Значимых изменений в семантике рассматриваемой частицы на протяжении разных периодов развития языка не происходило, однако менялось ее орфографическое оформление, что отмечено в «Словаре русского языка XI–XVII веков» и в «Словаре русского языка XVIII века»: в текстах XVII–XVIII вв. встречаются формы *бешь*, *бъшь*, *биш*.

Вопрос об этимологии рассматриваемой частицы остается дискуссионным. С точки зрения «Русской грамматики» 1980 г. частица *бишь* является первообразной, так как не имеет живых словообразовательных связей со словами других классов [Шведова (гл. ред.) 1980: 722]. В «Грамматике русского языка» 1960 г. отмечено глагольное происхождение *бишь* [Виноградов и др. (ред.) 1960: 637].

Большинство исследователей-этимологов разделяют мнение о том, что *бишь* является аллеговой формой 2 л. ед. ч. презенса *баять* (например, [Аникин 2009: 220], [Фасмер 1986: 170], [Корецнꙋ 1980: 91], [Шанский 1971: 47]). А. Е. Аникин приводит следующую цепочку преобразований: *бáять* — *бáешь* — *бáишь* — *бишь*. Исследователь отмечает эквивалентность форм *бишь* и *бешь* (также в составе частиц *бешти* и *бешто*), аргументируя различия в орфографическом и фонетическом оформлении частиц обладанием в *бешь* гласного *e*.

С фонетической точки зрения эта теория не вполне убедительна: как известно, процесс образования аллегрформ возможен при различных условиях в разговорной речи (открытые и закрытые слоги, стечение гласных и согласных и др.), но в неударных слогах [Земская (отв. ред.) 1973: 177–179]. Условия предполагаемого процесса фонетического оформления частицы *бишь* (редукция ударного слога) в данном случае противоречат общим правилам образования аллегрформ.

Этимологические словари Н. М. Шанского и А. Е. Аникина указывают на аналогию процесса образования этой частицы с другими частицами, также обладающими семантикой говорения: «Возникло в разговорной речи из глагола *баешь* — “говоришь”, так же как обл. *грит* из *говорит*, *де-скать*» [Шанский 1971: 47]; «указывают аналогии в част. *де, мол*» [Аникин 2009: 200]. Однако в приведенных исследователями примерах ударные слоги производящей основы сохранены; а в случае формирования *бишь* из *баишь* (с акцентированием первого слога) корректной была бы аллегрформа *башь*, а не *бишь* (*бешь*).

Важно отметить, что форма *башь* также фиксируется этимологическими и диалектными словарями со значением и с синонимичными лексемами, аналогичными частице *бишь* — «употребляется при усилии вспомнить что-л. забытое <...> Синонимичная част. *баише́, ба́ише*» [Аникин 2008: 315–316; Филин (гл. ред.) 1966: 166]. Единственный контекст ее употребления, отображенный в [Филин (гл. ред.) 1966: 166] (*Как, башь, тебя зовут?*), аналогичен контекстам употребления частицы *бишь* (ср.: *Ведь мы не куда-нибудь в дурное место поедем, а именно в пустынь эту... как бишь ее зовут?* (А. В. Амфитеатров. Княжна. 1889–1895)¹.

В «Словаре русских народных говоров» находим также формы *бышь*, *быша* ‘бишь’ [Филин (гл. ред.) 1968: 358], фонетическое оформление которых близко к временным формам древнерусского глагола *быти* (и его форм *быша* и *быше*, о которых будет сказано далее).

В лингвистике представлено несколько версий происхождения рассматриваемой частицы от *быти*. Согласно одной из них, сформулированной А. А. Потемной и переданной М. Фасмером в его «Этимологическом словаре», *бишь* — результат преобразования 3 л. мн. ч. аориста *быша*. М. Фасмер также указывает на сопоставление *бишь* со старославянскими *бъшишь*, *бъшишь* А. И. Соболевского [Фасмер 1986: 170]. Е. А. Галинская в статье «Об одном реликте древнеславянского имперфекта» высказывает предположение о том, что *бишь* является результатом развития имперфектной формы 3 л. ед. ч. *баше*.

¹ Здесь и далее цитаты взяты из Национального корпуса русского языка (если не указано иное).

Отметим, что в случае образования частицы *бишь* от глагольных форм имперфекта или аориста фонетические закономерности не нарушаются: Е. А. Земская указывает на то, что глагол-связка *быть* почти обязательно безударна или слабоударна, а «в словах с ослабленным ударением слабоударный гласный способен несколько изменяться. <...> Слабоударные слова примыкают к рядом стоящим ударным словам, входя с ними в один такт» [Земская (отв. ред.) 1973: 42, 45–46], что характерно и для частиц.

Имперфект «передает длительные процессы и состояния, а также многократные и регулярно повторяющиеся действия, события» [Молдован (ред.) 2020: 573]. При этом контекстная реализация частицы *бишь* сопоставима не только со значением длительности:

- 1) *Кто, де **беш**<ь> у меня языку птичью горазд* [Бархударов (ред.) 1975: 190];
- 2) *А девушку-то изжени и с тем... как **бишь** его зовут?* (А. П. Сумароков. Вздорщица. 1770);
- 3) *Да о чем **бишь** я тебѣ хотель сказывать?* [Фонвизин 1829: 100];
- 4) — *Из какой **бишь** Аристотелевой книги читаете вы проповедь? — спросил он с насмешкою у Каллисфена* (Д. В. Фонвизин. Каллисфен. 1788);
- 5) *«Такъ стало онъ можетъ перелагать или разлагать — какъ **бишь** вы изволили сказать? — и рѣшеніе уголовныхъ напрімѣръ бы...» — «Какъ же!» отвѣчалъ нашъ повѣствователь* (Ф. Н. Глинка. Новая пробирная палатка. 1827);
- 6) *Да! какова **бишь** невеста собою, я и позабыл спросить* (М. П. Погодин. Черная немочь. 1829);
- 7) *В песне-то не то сказано, как **бишь** я ее наладил: Жизнь наша сон! всё песнь одна! Или ко сну, или со сна!* (А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом. 1823).

Как видно из приведенных примеров, *бишь* употребляется в контекстах, называющих длительное действие или состояние (см. примеры 1, 2, 6: *горазд, зовут, какова собою*), повторяющееся действие (пример 3: *хотел сказывать*), непродолжительное действие в прошлом или настоящем (примеры 4, 5, 7: *читаете проповедь, изволили сказать, наладил*).

Е. А. Галинская в качестве одного из аргументов в пользу *бишь* от формы имперфекта указывает на «вхождение *бишь* в состав союза *то бишь*, синонимичного с точностью до стилистической окрашенности союзу *то есть*, по поводу которого не возникает сомнений в том, что его вторая часть является формой 3 л. ед. ч. глагола *быть*» [Галинская 2006: 51]. Однако

частица *бишь* не ограничена употреблением исключительно в контекстах с формой единственного числа и имперфектным значением:

- 8) *Посколько, бишь, вы за всякий праздник своих долгов уплачиваете?* (Н. А. Львов. Письмо Г. Р. Державину. 1786–1799);
- 9) *Нет-с; еще что бишь они велели вам сказать?* (А. С. Грибоедов. Студент. 1817);
- 10) *У вас, Анна Федоровна, нервы расстроены, я вам пропишу немножко лавровишневой воды, на свет не ставьте — она портится, так принимайте... сколько, бишь, вам лет? — капель по двадцать* (А. И. Герцен. Доктор Крупов. 1846).

Аорист употреблялся для обозначения ограниченного во времени действия, «для изложения хронологически последовательных событий, имевших место в прошлом, и тем самым был основным временем нарратива. <...> Аористные формы от глаголов несовершенного вида обычно использовались в контексте с обстоятельствами времени, указывающими на продолжительность некоторого процесса или состояния» [Молдован (ред.) 2020: 572].

Кроме того, аорист использовался также в модальной функции в составе сослагательного наклонения (применительно к рассматриваемым формам — с утратой конечной гласной в *быша*; см. [Жолобов 2017: 41]). Так, уже в XII в. усеченная форма *быше* встречается в берестяной грамоте № 809: *пъвели нъкъмоу, ѿ оуцинять ... жемецюженъ окънъ быше стрълъкы*. По замечанию А. А. Зализняка и В. Л. Янина, «словоформа <бишь> должна интерпретироваться здесь как *быша* (3 мн.), которое уже утратило конечную гласную, — подобно *истерлаеш* из *истерлаеши* в этой же грамоте. Ср. *бишь* из *быша* (2 раза) в грамоте рижан ок. 1300 г. (Напьерский, № 49), также в Ипат. (*а бишь*, л. 172)» [Янин, Зализняк, Гиппиус 2004: 35–36].

Частица *бишь* (ввиду своей частеречной принадлежности и особенностей семантики) не сочетается с обстоятельствами времени; однако в остальном характер употребления данной частицы созвучен аористу. Согласно предположению А. А. Потевни, аорист, послуживший основой для формирования частицы *бишь*, находился в форме 3 л. мн. ч. Но, как следует из примеров, утверждать исключительно плюральную грамматическую функцию в контекстах с *бишь*-аористом невозможно, так же как и сингулярную в контекстах с *бишь*-имперфектом.

Такая несогласованность числовых форм может быть обусловлена процессом разрушения системы простых прошедших времен, начавшимся в XII в. и вошедшим в активную фазу в XIV в. А. А. Зализняк отмечает широкое распространение смешения в письменном языке «имперфекта и аориста (в частности, смешение окончания 3 лица единственного

числа имперфекта *-ше* и окончания 3 лица множественного числа аориста *-ша*). <...> Например, в Строевском списке Псковской 3-й летописи (XVI в.) словоформа *поехаше* может означать как ‘они поехали’ (т. е. выступать как вариант к аористу *поехаша*), так и ‘он поехал’ (и тогда это вариант к аористу *поеха*); между тем в древнем языке *поѣхаше* могло быть только имперфектом совершенного вида (со значением ‘он всякий раз ехал’)» [Зализняк 2008б: 101].

Таким образом, поливалентность частицы *бишь* в плане временного и числового соотношения позволяет предположить ее образование именно от такой смешанной аористно-имперфектной формы (которой могла быть *быше* — после утраты конечного гласного из *быша* — или *блше*). Такие формы имеют тенденцию превращения в энклитики ([Зализняк 2008а: 34]; см. также работу [Пожарицкая 2010]) — и в общем смысле частица *бишь* имеет характер энклитики, т. к. в просодическом отношении обычно примыкает к предшествующему слову фразы.

Наиболее ранние контексты употребления *бишь*, содержащиеся в исторических словарях русского языка, относятся к XVII в. Аргументом в пользу того, что переход глагольной формы в частицу произошел в этот период, являются сведения о завершении процесса утраты глагольных претеритов после утраты сверхсложного прошедшего в XVII–XVIII вв., в результате чего универсальной формой прошедшего времени стал бывший перфект.

Семантическое наполнение частицы *бишь* только в редких случаях может быть соотносено с общим значением говорения глагола *баять*; большинство контекстов употребления этой частицы могут быть проинтерпретированы в значении, близком к глаголам осуществления события (к которым, согласно [Бабенко (ред.) 1999: 466], относится *быть*): ‘некоторое осуществленное событие или имеющееся знание требует актуализации в данный момент речи’.

Наличие в лексиконе современного русского языка вариантных форм данной частицы также подтверждает ее развитие от глагола *быти*. Гласные, следовавшие за начальным согласным в разных временных формах *быти* — [ы], [’а], [’э], учитывая энклитический характер рассматриваемых языковых единиц и их слабую фразовую позицию, могли совпасть в одном звуке. Для парадигмы спряжения древнерусского глагола *быти* характерно также чередование согласных в начальном звуке основы [б] // [б’]. В результате контаминации форм аориста и имперфекта, вероятно, фонетические чередования в гласных и согласных звуках основы эксплицировались в вариантах орфографического оформления частицы *бишь* — *бешь* / *бышь* / *башь*, которые и отражены в этимологических и диалектологических словарях современного русского языка.

Литература

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. (б — бдынь). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008 336 с.; Вып. 3. (бе — болдыхать). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 344 с.
- Бабенко Л. Г. (ред.). Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
- Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А — Б). М.: Наука, 1975. 372 с.
- Виноградов В. В. и др. (ред.). Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1960. 719 с.
- Галинская Е. А. Об одном реликте древнеславянского имперфекта в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 6. С. 47–60.
- Горбачевич К. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1. А — Бишь. М.: Наука, 2004. 664 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. А–Й. 702 с.
- Жолобов О. Ф. Древнерусская грамматика: простые претериты и praesens historicum. Казань: Издательство Казанского университета, 2017. 190 с.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008а. 280 с.
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008б. 480 с.
- Земская Е. А. (отв. ред.). Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 239 с.
- Молдован А. М. (ред.). Русский язык: энциклопедия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.06.2022).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
- Пожарицкая С. К. Модальные слова производные от глаголов *быть*, *бывать* в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1. С. 103–131.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева / Под ред. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 1 (А — Д). 574 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. (ба — блазниться). М.—Л.: Наука, 1966. 315 с.; Вып. 3. (блязнишка — бяшутка). Л.: Наука, 1968. 360 с.
- Фонвизин Д. В. Бригадир. М., 1829. 120 с.
- Чиркина И. П. Грамматическая омонимия сравнительных союзов и частиц в современном русском языке // Вопросы морфологии, синтаксиса русского языка и методики его преподавания. Пермь: [б. и.], 1965. С. 43–53.

- Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / Под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980–1982. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др. М.: Наука, 1980. 788 с.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 288 с.
- Kopečný F. Etymologický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Sv. 2, Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia. Praha: Academia, 1980. 783 s.

References

- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'*. [Russian Etymological dictionary]. Iss. 2. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 336 p.; Iss. 3. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 344 p.
- Babenco L. G. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS Publ., 1999. 704 p.
- Barhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Vol. 1 (A – B) [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 372 p.
- Chirkina I. P. [Grammatical homonymy of comparative conjunctions and particles in modern Russian]. *Voprosy morfologii, sintaksisa russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya*. Perm, 1965, pp. 43–53. (In Russ.)
- Evgenieva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Vol. 1. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 702 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Russ. ed.: O. N. Trubachev. 2th ed. Moscow, Progress Publ., 1986. 574 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects.]. Iss. 2. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 315 p.; Iss. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 360 p.
- Galinskaya E. A. [About one relic of the Old Slavic imperfect in the Russian language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, ser. 9. Filology, 2006, no. 6, pp. 47–60. (In Russ.)
- Gorbachevich K. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2004. 664 p.
- Kopečný F. *Etymologický slovník slovanských jazyků: Slova gramatická a zájmena. Sv. 2, Spojky, částice, zájmena a zájmenná adverbia*. [Etymological dictionary of Slavic languages. Grammatical words and pronouns. Part 2. Pronouns, particles, interjections]. Prague, Academia Publ., 1980. 783 p.

- Moldovan A. M. (ed.). *Russkii yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. 3rd ed. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020. 904 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 03.06.2022)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow, A-Temp Publ., 2006. 944 p.
- Pozharitskaya S. K. [Modal words derived from the verbs byt', byvat' in the Northern Russian dialect rechi]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, no. 1, pp. 103–131. (In Russ.)
- Shanskii N. M. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Posobie dlya uchitelya* [A short etymological dictionary of the Russian language. Teacher's Manual]. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p.
- Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar Phonetics. In 2 volumes. Vol. 1. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 788 p.
- Vinogradov V. V. (ed.). *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 790 p.
- Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1997–2000)* [Novgorod letters on birch bark]. Vol. XI. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 2004. 288 p.
- Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008a. 280 p.
- Zaliznyak A. A. «Slovo o polku Igoreve»: *vzglyad lingvista* [“The tail of Igor's campaign”: a linguist's view]. 3rd ed. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008b. 480 p.
- Zemskaya E. A. (resp. ed.). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 239 p.
- Zholobov O. F. *Drevnerusskaya grammatika: prostye preterity i praesens historicum* [Old Russian grammar: simple preterites and praesens historicum]. Kazan, Kazan University Publ., 2017. 190 p.

Из истории русского языка

Первый этап формирования русской научной терминологии: предшественники М. В. Ломоносова

Наталья Владимировна Николенкова, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва), natanik2004@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724010063

АННОТАЦИЯ: Описание русской научной терминологии традиционно связывается с началом XVIII в., а оформление ее как системы с определенными принципами организации — с именем М. В. Ломоносова. В статье будет показано, что основные принципы формирования географической/астрономической терминологии начинают складываться в русском литературном языке раньше — в середине XVII в., когда Епифаний Славинецкий вместе с группой киевских книжников переводит с латинского языка текст Атласа Блау. В начальном разделе (Вводении в Космографию, сохранившемся в большом количестве списков) можно увидеть, как книжники XVII в. используют, во-первых, грецизмы, ранее не употребляемые в русском книжном языке, а во-вторых, предлагают варианты для перевода этих лексем. Практически все термины, введенные в рассматриваемый перевод в середине XVII в., сохранились в русском литературном языке. Это доказывает, что научная терминология и способы ее введения в русский литературный язык начинают формироваться еще в 50-х гг. XVII в., а книжники XVIII в. фактически продолжают сложившуюся традицию; окончательное оформление принципов формирования научной терминологии происходит в середине XVIII в., когда М. В. Ломоносов распространяет их на все сферы своей научной деятельности и применяет к новым наукам.

Н. В. Николенкова. Первый этап формирования русской научной терминологии: предшественники М. В. Ломоносова
N. V. Nikolenkova. The First Stage of Russian Scientific Terminology Formation: The Predecessors of M. V. Lomonosov

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история русского литературного языка, история терминологии, принципы организации терминосистемы
для цитирования: Николенкова Н. В. Первый этап формирования русской научной терминологии: предшественники М. В. Ломоносова // Русская речь. 2024. № 1. С. 70–81. DOI: 10.31857/S0131611724010063.

From the History of the Russian Language

The First Stage of Russian Scientific Terminology Formation: The Predecessors of M. V. Lomonosov

Natalia V. Nikolenkova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow),
natanik2004@mail.ru

ABSTRACT: The description of Russian scientific terminology is traditionally associated with the beginning of the 18th century, and its design as a system — with certain principles of organization is associated with M. V. Lomonosov. The article shows that the basic principles of the formation of geographical/astronomical terminology begin to take shape in the Russian literary language earlier — in the middle of the 17th century, when Epiphanius Slavinetsky, together with a group of Kiev scribes, translates the text of Blau's Atlas from Latin. In the initial section (Introduction to Cosmography, preserved in a large number of lists), you can see how the scribes of the 17th century use, firstly, Greek phrases that were not previously used in the Russian book language, and secondly, they offer options for translating these lexemes. Almost all the terms introduced into the translation in question in the middle of the 17th century have been preserved in the Russian literary language. This proves that scientific terminology and ways of its introduction into the Russian literary language began to form back in the 1650s, and the scribes of the 18th century actually continue the

established tradition. Final formalization of the principles of forming scientific terminology are completely established in the middle of the 18th century, when M. V. Lomonosov extends them to all spheres of his scientific activity and applies them to new sciences.

KEYWORDS: history of the Russian literary language, history of terminology, principles of organization of the term system

FOR CITATION: Nikolenkova N. V. The First Stage of Russian Scientific Terminology Formation: The Predecessors of M. V. Lomonosov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 1. Pp. 70–81. DOI: 10.31857/S0131611724010063.

Традиция относит формирование научной терминологии в русском языке к первым трем десятилетиям XVIII в. и к деятельности М. В. Ломоносова. Именно с именем ученого связывают принципы создания термина: перевод в случаях, когда это возможно (*воздушный насос, зажигательное стекло, земная ось*), калькирование (*кислород, водород*), заимствование (*горизонтальный, диаметр, квадрат, сферический*) [Камчатнов 2005: 349].

Исследования последних лет позволяют скорректировать эти представления. В 50-х гг. XVII в. группа приехавших в Москву киевских книжников под руководством Епифания Славинецкого переводит самый современный на тот момент географический атлас мира — изданный в Амстердаме отцом и сыном Блау на латинском языке *Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum* [Blaeu 1645] (далее — Атлас Блау). Первые два тома переведены самим Епифанием и его соратником Арсением Сатановским, до начала работы над Атласом ими были созданы Латино-славянский и Славяно-латинский лексиконы [Німчук 1973]. Но именно в переводе Атласа Блау впервые нами обнаружены многие термины, до настоящего времени использующиеся в русском языке.

К примеру, лексема «ось» зафиксирована в Словаре русского языка XI–XVII вв. только в значении ‘ось, стержень, на котором вращается колесо’ [Шмелев (гл. ред.) 1987: 173]. В Атласе Блау лексема отмечается в значении ‘земная ось’: *Primo attribuitur sphaerae Axis transiens per centrum globi terreni & utrinque usque ad caelum stellarum fixarum extensus, circa quem totum caelum intra 24 horas motu primi mobilis circumvolvitur* ((*Introd. ad cosm.*) → *Первѣе причитаетсѧ великомѧ Крѣгѧ Осьъ проніцающаѧ сквозѣ*

средѣ кръга земнаго, и обоима концѣма даже до небѣ звѣздъ недвижимыхъ протажѣнна, окрестъ неаже все небо в кд частѣхъ движениемъ перваго двѣжимаго обращаетса (ГИМ Син. 19, 2¹). В данном случае реализован принцип перевода термина, ниже мы увидим использование и заимствования, и перевода.

Зона. В словаре XI–XVII вв. слово не зафиксировано. Словарь XVIII в. отмечает первое употребление в сочинении «Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии; Чрез Ягана Гибнера собраное» — переводе 1719 г., сделанном с немецкого языка: «И оныя называются зоны. Ибо они аки бы широкия поясы или связки около глобуса были обвязаны», используется лексема в Географии генеральной: «Зона торрида, пояс горячий, или зноинный» [Сорокин (гл. ред.) 1995²].

Глава 5 Вводения в Космографию — начального раздела Атласа Блау — носит название *W zónaxъ* или *Polasaxъ*, и *w različnyxъ* именованъхъ жителен земныхъ (Син. 19, 40б) ← *De Zonis & variis incolarum terrestrium nominibus* (Introd. ad cosm.). Уточнение «пояс» введено переводчиками. В значении ‘большой круг небесной сферы, по которому совершается видимое годичное движение солнца’ известно церковнославянскому языку по переводам Шестоднегов: «имже слнце тогда по сѣверному поясу ходить» [Богатова (гл. ред.) 1992: 92]. Далее в Атласе Блау термин использован уже без уточнения: *Дрѣвнїи странопїсцы кръгъ земный раздѣлахъ на зоны*, клими, и *Параллели* (Син. 19, 40б) ← *Veteres Geographi Globum Terræ distribuerunt in Zonas, Climata, & Parallelos* (Introd. ad cosm.).

В той же главе Славинецким и Сатановским предлагается авторский вариант грецизма: *такъже Кръгъ земный тѣмже Кръги Небнымъ подложёнными, и всачески равноподбными, раздѣлиша на ѣ частиць, таже Зоны, сирѣчь, Превязки*, или *Поясы*, нарекши (Син. 19, 40б) ← *ita Globum Terræ per eosdem circulos, coelestibus subjectos, & omni ex parte analagos, diviserunt in quinque segmenta, quæ ζώνες, id est, fascias aut cingula nominarunt* (Introd. ad cosm.). В основе образования *превязки* может лежать предложенный Славинецким и Сатановским в Латино-славянском лексиконе перевод следующей группы слов: «cingo, is, xi, поясаю, препоясаю, окружаю; cinctus, a, u(m), препояса(н), окруже(н)» [Німчук 1973: 122]. Нельзя не отметить, что словоформы «связи» и «обвязаны» встречаются и в географических переводах начала XVIII в.

¹ Перевод сохранился в 4 черновых и 3 беловых рукописях, все они находятся в ГИМ (Синодальное собрание); цитаты даются по рукописи Син. 19, белой экземпляр первого тома с максимально точной передачей орфографии. Латинский текст [Blaeu 1645] лишен последовательной фолиации, раздел «Вводение в космографию» ее не имеет вообще.

² Мы пользуемся электронным ресурсом: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>.

Отмечается «зона» (с пояснением «пояс») и в других частях Атласа, например:

Въ окръженіи землей, ея долготѣ и широтѣ чрезъ пѣть зѣмль, или полсѣвъ раздѣленіемъ, ничтоже глѣти належитъ (Син. 19, 27об) ← De Terræ ambitu, ejus longitudine, ac latitudine, per *Zonas* quinq; distinction nihil attinet dicere (Orbis terrarium 1d);

но чаще переводчики используют уже известное славянское слово:

Пространѣншію онагв брѣга Норвегінскагв странѣ, вполсѣ хланѣ, да же до Русіи предѣль правитъ (Син. 19, 10об) ← Amplissimum illius littoris Norwegici tractum in *Zona* frigida usque ad Russiæ sines gubernat (Norwegia 8c).

Параллель. Словарь XI–XVII вв. лексему не фиксирует, а словарь XVIII в. первым употреблением считает начало века, когда издаются Арифметика Магницкого и разные географические сочинения: «Которые в том же земли параллель живут, тии вся дни и нощи года равны имѣют» (Предисловие к Географии генеральной); «Параллели же суть колеса меньшая экватору равноразстоящая, и от поль мира чрез начала, середины и концы климат описуются» (Арифметика) [Петрова (гл. ред.) 2011]. Особенностью вхождения слова в книжный язык стала широкая орфографическая и грамматическая вариативность (словарь XVIII в. приводит все отмеченные способы оформления: «параллель 1703 (пор- 1709, -але- 1771), паралеля 1701, и, параллела 1703, ы, ж. и параллель 1728 (пора- 1718, -ралель 1716), я, параллел (перв. треть XVIII в.)» [Петрова (гл. ред.) 2011]). В основном тексте Атласа Блау орфография слова всегда соответствует латинскому варианту, однако в сохранившихся списках с рукописи Син. 19 варианты написания присутствуют — проблема возникает с местом расположения удвоенного «л»: паралелли (рукопись РГБ ф. 722 № 315, л. 11об).

В лексиконе латинском для передачи «paralle[ll]us» авторы дают словосочетание «равно ω(т)стоящи(й)» [Німчук 1973: 300]. Но при переводе Атласа использование словосочетания оказывается неудобным, поэтому они транслитерируют лексему:

Пѣть ѿнонѣхъ кругѣвъ нарицаются пѣки прѣмин, или *Параллели* (Син. 19, 2об) ← *Quinque ex iis circulis dicuntur rursus recti seu paralleli* (Introd. ad cosm.);

Перієки сѣтъ, иже ωбитаютъ подѣлже *Параллелю* и Полѣденнымъ, нѣ наразныхъ Полѣденнагв полкругахъ (Син. 19, 5) ← *Periæci sunt, qui nabitant sub eodem Parallelo & Meridiano, sed in diversis Meridiani semicirculis* (Introd. ad cosm.);

В Кліматахъ, и Параллелахъ (Син. 19, 5об) ← *De Climatibus & Parallelis* (Introd. ad cosm.);

Параллели же глѣють, междѹ нимиже дѣнь должаніишій растѣтъ четвѣртию часа: пакъ всакоє Кліма два всеѣѣ содержитъ Параллели (Син. 19, 5об) ← *Parallelos dicunt, intra quos dies longissima augetur quadrante horæ: ut ita quodlibet Clima duos in se comprehendat Parallelos (Introd. ad cosm.).*

Заметим, что лексему «Meridianus» ни разу не транслитерируют, в Атласе Блау встречается только перевод «Полѹденный».

Тропикъ. Словарь XI–XVII вв. лексему не фиксирует. В XVIII в. отмечается в уже названных выше переводах географических сочинений. В Латинско-славянском лексиконе читаем: «*tropicus*, неприи(с)крни(й), вобразни(й); *tropici circuli*, кола нѣсная, кругъ нѣсни(й)» [Німчук 1973: 404]. Термин «тропик» появляется непосредственно в переводе Атласа:

Всѣодѹ всевѣ взаимъ встоаѣтъ, пакъже сѣтъ, Полнощный, два тропика, идва иже сѣтъ окрестъ Полювъ³ (Син. 19, 2об) ← *æqualiter undique a2 se mutuo dissant, ut sunt Æquinoctialis, duo Tropici, & duo Polares (Introd. ad cosm.);*

Тропики сѣтъ два крѣзи параллели, и равнѣ по обѣен странѣ встоащн вравнителѣ, иже єдинъ кѣѣверѹ [намъ влізкин] нарицаетса тропикъ Раковъ, дрѣгнже кюѹ, тропикъ Козерѹжцевъ, занѣ вращеніємъ нѣсе ѿ тѹчекъ Зодіачныхъ ѿ равнителѣ сѣлѣ встоащныхъ [вначалѣ сѣрѣчь, Рака и Козерѹжца] вписѹтса (Син. 19, 4) ← *Tropici sunt duo circuli paralleli & æqualiter utrinque distantes ab Æquatore, quorum unus ad Boream, (nobis proximus) dicitur Tropicus Cancri, alter ad Austrum, Tropicus Capricorni, quia conversion cœli à punctis Zodiaci ab Æquatore maximè distantibus (initio nempe Cancri & Capricorni) describuntur (Introd. ad cosm.)⁴;*

Тропикъ Раковъ, иже и лѣтний глѣтса, єсть всѣхъ Крѣговъ, иже слнѣ вращеніємъ нѣа дневнымъ вписѣетъ (Син. 19, 4) ← *Tropicus Cancri, qui & Æstivus dicitur, est omnium circulorum, quos Sol conversion cœli diurnal describit (Introd. ad cosm.).*

Сфера. Словарь XI–XVII вв. лексему не фиксирует, в XVIII в. слово встречается в переводах географических сочинений, уже названных выше.

³ В Атласе Блау использована форма *Поль*. Такая форма будет использована во многих переводах в том числе начала XVIII в. Так, в переводе «Метаморфоз» отмечаются оба варианта — *поль* и *полѣсь* — в надписях на изображении небесных сфер: РНБ, Q.XVIII.4 *поль сѣверный* и *поль южный* (л. 8), но *полѣсь сѣверный* и *полѣсь южный* (л. 8об) — POLVS ARCTICVS, POLVS ANTARCTICVS (л. 3–4). [Кузьмина, Пентковская 2016: 227]. Вариант *полюсь* отмечен на л. 10об рукописи РГБ ОР ф. 722 № 315 наряду с более частотной формой *поль* (этот список относят к рубежу XVII–XVIII вв.).

⁴ В данном примере использовано прилагательное *parallelos, on*, однако переводчики используют в тексте только существительное.

Славинецкий и Сатановский вводят лексему в перевод Атласа не сразу, сначала используя синоним:

Ввеликомъ *Кръзѣ* Пѣсноу и егѡ раздѣленіи (Син. 19, 2) ← *De Sphaera Coelesti ejusque distributione* (Introd. ad cosm.).

Но этот вариант использован уже в Вводении для перевода других лексем, в первую очередь «*circulus, i*» (*Zodiacus circulus, unus è maximis, inclinator ad utrumque Mundi Polum, unde & circulus obliquus dicitur* (Introd. ad cosm.) → Зодіа́чний *крѣтъ*, єдинъ єсть ѿ бѡлшихъ, накланѣетса кообоемъ свѣта полю, ѡноуѡже *крѣтъ* косый нарицѣетса (Син. 19, 3); в результате в дальнейшем тексте выбирается грецизм, хотя и не регулярно:

Движими глѣютса, иже несодержѣтъ тогѡжде положеніа в *Сфере*, или *крѣтѣ* великомъ. Но разлічнѡ премѣнѣютса, также мѣсто премѣнѣет налицѣ земли, и тогорѡди внѣ *крѣженіи* и *великіи крѣтѡвѣ* зрѡтса (Син. 19, 2об) ← *Mobiles vocantur, qui non retinent eundem situm in sphaera, sed varie permutantur, prout locum variamus in supersicie Terræ; ideoque extra globos & sphaeras concipiuntur.* (Introd. ad cosm.);

Раздѣлѡи *Сферѡ* или *Крѣтъ* великіи на двѣ части рѡвныи (Син. 19, 3) ← *dividens sphaeram in duas partes æquales* (Introd. ad cosm.);

Возможно, что сомнения переводчиков были связаны еще и с необычностью фонетико-орфографического облика грецизма. Лексем с начальным «сф» в СлРЯ XI–XVII зафиксировано только две: «сфекло» ‘окно из слюды’ в Синайском патерике XI в. и «сфунгато» ‘омлет’ в апрельском сборнике Великих Четвх Миней («да принесу въ црѣвь ти сфунгато добро») [Крысько (гл. ред.) 2011: 91].

Диаметръ. СлРЯ XI–XVII фиксирует лексему в форме ж. р.: «диаметра, именуется доля или мѣра вышины или ширины» (Устав ратных дел, 1607 г.) [Бархударов (гл. ред.) 1977: 243]. Словарь XVIII в. приписывает первое употребление в форме м. р. «Геометрии» 1703 г.: «Диаметр или поперечник сферы есть прямая черта чрез центр веденая» [Сорокин (гл. ред.) 1991]. НКРЯ отмечает в старорусском подкорпусе 6 абсолютно идентичных контекстов «Печать красного воска/у ... вершка в диаметре» [НКРЯ], что не дает возможности восстановить начальную форму. В Лексиконе латинском находим следующую словарную статью: «*diameter, чръта*» [Німчук 1973: 163].

В Атласе мы отметили употребление в форме м. р., с уточняющим авторским пояснением:

Аще оубѡ посемѡ преѡнаписанію земли и навсѡкъ гѡдѣ окрестѣ Сѡлнца подвижалабыса въ *Кръзѣ*, еѡже *Диаметръ* или прѡмаѡа черта былабы двѣ тмѣ миль неметскихъ. И *Крѣтъ* недвижныи толику видимѣ былѣ бы, какъ

діаметръ круга земнаго окрестъ Сѣнца, ко ономъ чувствѣномъ немѣти сравненіа {подоборавенства} (Син. 19, 2) ← Et quamvis juxta hanc hypothesin Terra se annuatim circa solem moveret in circulo, cujus *diameter* foret 2000000 milliarium Germanicorum. & sphaera fixarum in tantum pareret, ut diameter orbis terrae circa Solem ad illam sensibilem non haberet proportionem (Introd. ad cosm.).

В предложении есть также маргинальная глосса к существительному «proportio, onis f» как 'пропорция, соотношение, соразмерность' [Дворецкий 2003: 628]. В латинском лексиконе авторы перевели лексему однокорневым «подобие» [Німчук 1973: 334], но при работе над Атласом стремятся повторить морфемную структуру латинизма, в результате создается авторский композит **подоборавенство** (по модели, известной церковно-славянскому языку: «подобовидный» в переводе Дионисия Ареопажита XV в., включенном в текст Великих Четых Миней XVI в.; «подобогласный» в грамматическом сочинении Максима Грека [Богатова (гл. ред.) 1990: 23]). Наконец, в издании перевода «Гражданство обычаев детских» читается «не у всѣхъ народовъ подоборавны суть приличности» [Буш 1918: 42]⁵.

Слово «диаметр» не было известно большинству книжников. В трех рукописях, включающих списки предисловия к Атласу Блау (ГПБ Q.XVII.31, Q.XVII.6 и Соф. 1510), приведенная выше фраза читается иначе: **подвизалася вкругѣ ея же циркуль или прамма черта была бы** (листы соответственно 2об, 5об, 34об). Можно предположить, что при переписывании неверно была соотнесена глосса, поэтому два не очень понятных пока слова (*диаметр* и *цикуль*) оказались перепутаны. Однако в [Сорокин (гл. ред.) 1995] читаем такой пример: «Усмотря экватор, *оба тропика, оба циркуля* полярныя, и оба полюса примѣтити имѣет оныя мѣста, которыя суть между оными *циркулями* на глобусѣ» (в переводе сочинения И. Гюбнера 1719 г.). Транслитерация *circulus* («цикуль»), вероятно, первоначально использовалась как синоним терминов «диаметр» и «тропик», могла воспринимались как гипероним.

Приведем еще один любопытный пример из Атласа Блау:

И такъ, ема разстояніе наличіа земли ѿ своа среды, сирѣчь, **поддіаметеръ** земли нѣсть толікъ, дабы кониъ образомъ запалъ еже ѿ наличіа земнаго [ѿложеннымъ всѣмъ препонамъ сѣцимъ, такъже горъ, холмівъ, деревесъ и проча] немощи зрѣтиса самон средѣ нѣнон [но ипаче и горы сматрали, болен видитъ нежели полчѣсти нѣа] ѿкѣдѣ видимын

⁵ В рукописных источниках XVII в. композита может и не быть, например: не у всѣхъ народивъ подобив нравы сѣтъ приличности (рукопись РГБ МДА № 108, л. 91).

сей Крѡтъ еметса за Горизѡнь, и крѡзньствѣ маѣ-иматицкаго, полагається Горизѡнь естественный (Син. 19, 2) ← Et interim, quia distantia superficiei terræ à suo centro, hoc est, *semidiametrus* Terræ non est tanta, ut ullo pacto obsit, quo minus è superficie Terræ (remotis omnibus impedimentis, ut montium, collium, arborum & c.) conspiciatur ipsissima cœli medieta, (immo vero² qui è monte prospicit, plus videt quam dimidiam partem cœli) hinc visibilis iste circulus fumitur pro Horizonte, & in discrimen Mathematici, vocatur Horizon Naturalis (Intro. ad cosm.).

Образования типа пол + сущ. частотны в русских деловых текстах; наиболее распространена модель «пол + существительное в род. п.»: *полбани, полбарана, полбобра, полведра, полверсты* и т. д.; возможны эти образования и в книжном языке: «дасться до врѣмене и врѣмену и польь врѣмене» в Поучении Кирилла Иерусалимского в переводе XII–XIII вв., в том числе в языке юго-западной Руси: «иппокентаврѣ, полььчеловѣка и полььконя» (Лексикон Памвы Берынды) [Богатова (гл. ред.) 1990: 197–199, 223]. В приведенном выше предложении латинскому «*dimidiam partem*» соответствует *полѣисти*. Словоформа *полдіаметерѣ* представляет сочетание «пол + существительное в им. п.», что встречается намного реже, почти точечно: «дано мещанину в казну четыре рясы сермяжных да рясу кирилловского сукна до *полрясок*⁶ стамѣдной» (Кн. расх. Ивер. м., 1664) [Богатова (гл. ред.) 1990: 253]; а также *полдень, полночь* в значениях ‘середина дня/ночи’. Таким образом, Славинецкий и Сатановский ориентируются на менее распространенную словообразовательную модель, вероятно, пытаясь более точно передать значение своего окказионализма как ‘расстояние, равное половине размера диаметра земли’.

Нельзя не обратить внимание на использование в предложении еще одного термина — *маѣ-иматицкіи*. СлРЯ XI–XVII включает словарные статьи «мате/иматикъ; мат/фематика; мат/фематицкий; математический» [Филин (гл. ред.) 1982: 41], иллюстративный материал относится в основном к середине — второй половине XVII в.: перевод Космографии 1670, сочинение Спафария 1672 г. и документы времени Петра I. Единственный более ранний пример — Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского по рукописи XV в. Также среди примеров есть лексикон Славинецкого и Сатановского: *Mathematic(us), математикъ* [Німчук 1973: 264]. То есть вторая половина XVII в. — как раз время начала активного вхождения термина в русский литературный язык⁷.

⁶ В значении ‘короткая ряса’; можно предположить, что им. п. используется для более точной передачи значения слова.

⁷ В НКРЯ есть 2 примера использования слова, они относятся к 1699 г.

Этот грецизм и образованные от него прилагательные Славинецкий и Сатановский используют в Атласе несколько раз, приведем один пример:

прежде лѣтъ вѣзъ стѣ в Мїръ паки произведе Николѣи Коперникъ, и ннѣ
изгачнѣиши всѣ *математики* подражають (Син. 19, 1об) ← ante annos
circiter 100 in scenam denuo produxit Nicolaus Copernicus, & hodie quoque
præstantissimi quiq, *Mathematicorum* sequuntur (Introductio ad cosm.).

Активное использование лексемы показывает, что именно во второй половине XVII в. появляется необходимость создания принципов научной терминологии. Именно к середине XVII в. относится и первое использование термина «география» — и в этом случае впервые мы его находим именно в Атласе Блау [Николенкова 2015].

Приведем последний пример, доказывающий, что именно на описываемый нами период (а во многом — и с опорой на исследуемый текст) приходится первый этап формирования русской научной терминологии. В Атласе нами отмечено единичное употребление прилагательного **оптицкій**:

Смѣлѣе округло есть землѣ [пачеже наплѣснихъ мѣстахъ] и морѣ
наличіе; такъ на нѣгѣ воздвиженіи, неваще мѣста можетъ вослѣднѣи,
паче елико лѣчи зрительнаѣ прикосновенію крѣга ѿ очей исходѣннѣ,
ѿсѣкають. такъже вѣдоми есть кискѣшеннѣ всѣмъ во ѹченіихъ *оптицкихъ*
{сирѣчь, еже *трубною зрительною* на землѣ и вѣмори зрѣти}, аще и мѣла
вѣченнѣмъ (Син. 19, 4) ← Quia enim rotunda est Terræ (in planis scilicet
locis) marisque superficies; oculus super eam elevatus, non plus spatii
potest comprehendere, quàm rectæ quæ ad contactum globi unique ex
oculo egrediuntur, abscindunt: prout notum est & exploratum omnibus in
disciplinis Opticis vel leviter modò exercitatis (Introductio ad cosm.).

Словари фиксируют первое употребление «оптический» в Географии генеральной (1718 г.): «Субтелнѣишая есть науки оптическая часть, яже о преломлении свѣта действует». К XVIII в. относится и соотношение прилагательных «оптический/зрительный» [Петрова (гл. ред.) 2007]. Мы не могли не привести пример, потому что само сочетание «зрительная труба», данное в маргинальной глоссе как объяснение непонятному термину, фиксируется впервые у М. В. Ломоносова. По данным НКРЯ, это словосочетание впервые встретилось в труде «Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная» (1745 г.): «Чтобы сие исследовать, навел он поутру рано зрительную трубу на башню [фиг. 44], на полмили отстоящую, так чтобы сквозь оную видна была часть башни D»; «Астрономическая зрительная труба, состоящая из двух выпуклтыхъ стекол, вещи увеличивает и ближе

представляет, однако наизворот»; «Земная зрительная труба, сложенная из трех или четырех стекол, представляет вещи в прямом положении и очень близко к глазу» [НКРЯ]. Употребление в Атласе Блау этого словосочетания старше на 90 лет.

Очевидно, что необходимо пересмотреть представления о развитии языка русской науки и признать начальным этапом его формирования 50-е гг. XVII в., связав с деятельностью филологов этого времени и в первую очередь с именем Епифания Славинецкого.

Источники

Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918. 119 с.

Theatrum orbis terrarium, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

Литература

Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 404 с.

Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 295 с.; Вып. 18. М.: Наука, 1992. 288 с.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2003. 845 с.

Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Academia, 2005. 682 с.

Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: Наука, 2011. 478 с.

Кузьминова Е. А., Пентковская Т. В. Пути формирования русского научного дискурса в XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 221–229.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.09.2023).

Николенкова Н. В. О слове «география» и его первом употреблении в истории русской письменности // Мир русского слова. 2015. № 1. С. 14–18.

Німчук В. В. «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського. Київ, 1973. 540 с.

Петрова З. М. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Вып. 17. СПб.: Наука, 2007. 254 с.; Вып. 18. СПб.: Наука, 2011. 261 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 16.09.2023).

Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. 256 с.; Вып. 8. СПб.: Наука, 1995. 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 16.09.2023).

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 357 с.
Шмелев Д. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М.: Наука, 1987. 316 с.

References

- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 4. Moscow, Nauka Publ., 1977. 404 p.
- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 16. Moscow, Nauka Publ., 1990. 295 p.; Iss. 18. Moscow, Nauka Publ., 1992. 288 p.
- Dvoretiskii I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow, Russkii Yazyk – Media Publ., 2003. 845 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 9. Moscow, Nauka Publ., 1982. 357 p.
- Kamchatnov A. M. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: XI – pervaya polovina XIX veka* [History of the Russian literary language: 11th – first half of the 19th century]. Moscow, Academia Publ., 2005. 682 p.
- Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 29. Moscow, Nauka Publ., 2011. 478 p.
- Kuz'minova E. A., Pentkovskaya T. V. [Ways of formation of Russian scientific discourse in the 17th century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2016, no. 4 (59), pp. 221–229. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 16.09.2023).
- Nikolenkova N. V. [About the word “geography” and its first use in the history of Russian writing]. *Mir russkogo slova*, 2015, no. 1, pp. 14–18. (In Russ.)
- Nimchuk V. V. “*Leksikon latinskii*” E. Slavinets'kogo. “*Leksikon sloveno-latinskii*” E. Slavinets'kogo ta A. Korets'kogo. *Satanovs'kogo*. [“Latin Lexicon” E. Slavinetsky. “Slovenian-Latin Lexicon” E. Slavinetsky and A. Koretsky. Satanovsky]. Kii'v, 1973. 540 p.
- Petrova Z. M. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 17. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 254 p.; Iss. 18. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 261 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (accessed 16.09.2023).
- Shmelev D. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 13. Moscow, Nauka Publ., 1987. 316 p.
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 6. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 256 p.; Iss. 8. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995. 256 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (accessed 16.09.2023).

Лексико-семантическая репрезентация образа Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова

Ирина Александровна Киселева¹, Ксения Алексеевна Поташова²,
Алена Сергеевна Ермакова³, Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения» (Россия, Москва),
ia.kiseleva@mgou.ru¹, ka.potashova@mgou.ru², as.ermakova@mgou.ru³

DOI: 10.31857/S0131611724010076

АННОТАЦИЯ: Целью исследования является выявление типологии смысловых обозначений Кавказа в творчестве Лермонтова. Установлено, что «кавказский текст» Лермонтова детально воспроизводит местный колорит, представляет срез кавказской жизни эпохи военной кампании 1820-х — начала 1840-х годов. Утверждается, что Кавказ в художественном мире Лермонтова отличается топографической точностью, его словесной репрезентации присущ очерковый характер, выражающийся в использовании особой топонимики, многообразии именований населяющих его народов, в передаче их характеров и взаимоотношений. В статье систематизированы лексико-семантические средства передачи социокультурного, исторического, географического образа Кавказа, рассмотрена семантика топонимов, этнонимов и этнографизмов в лирике, прозе, эпистолярии Лермонтова. Выявлено, что одним из ведущих принципов поэтики Лермонтова при создании образа Кавказа является раскрытие в тексте произведений этимологии и значения названий поселений, рек, гор. Сопоставление топонимических единиц, характерных для Лермонтова, с именованиями кавказских земель на военно-исторических картах первой половины XIX в. показало, что поэт активно использует адаптированную лексику, принадлежащую словарному составу действующей русской армии, тем самым представляет взгляд русского кавказца. Проводится сравнение «кавказского

текста» Лермонтова с мемуарной и очерковой литературой первой трети XIX в., что позволяет реконструировать представление о Кавказе в русском обществе 1820–1840-х гг. В результате проведенного исследования доказано, что, детально раскрывая язык и культуру горцев, Лермонтов изображает Кавказ и в его онтологии, связанной с пониманием сущности восточного мира, и в его конкретно-исторической этнографически яркой явленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кавказ, Восток, языковая картина мира, М. Ю. Лермонтов, топонимика, этнографизм

для цитирования: Киселева И. А., Поташова К. А., Ермакова А. С. Лексико-семантическая репрезентация образа Кавказа в творчестве М. Ю. Лермонтова // Русская речь. 2024. № 1. С. 82–97. DOI: 10.31857/S0131611724010076.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00025.

The Language of Fiction

Lexic-semantic Representation of the Image of the Caucasus in the Works of M. Yu. Lermontov

Irina A. Kiseleva¹, Ksenia A. Potashova², Alyona S. Ermakova³, State University of Education (Moscow, Russia), ia.kiseleva@mgou.ru¹, ka.potashova@mgou.ru², as.ermakova@mgou.ru³

ABSTRACT: The purpose of the study is to identify the typology of semantic designations of the Caucasus in Lermontov's work. It is established that Lermontov's "Caucasian text" reproduces the local flavor in detail, presents a cross-section of Caucasian life during the military campaign of the 1820s – early 1840s. It is argued that the Caucasus in Lermontov's artistic world is distinguished by topographic accuracy, its verbal representation is specified by an essay character, expressed in the use of special toponymy, the variety of names of the peoples inhabiting it, in the transmission of their characters and

relationships. The article systematizes lexical and semantic means of transmitting a socio-cultural, historical and geographical image of the Caucasus, examines the semantics of toponyms, ethnonyms and ethnographisms in Lermontov's lyrics, prose and epistolary. It is revealed that one of the leading principles of Lermontov's poetics when creating the image of the Caucasus is the disclosure of etymology and meaning of the names of settlements, rivers and mountains in the text of the works. The article presents a comparison of a "Caucasian text" with the memoir and essay literature of the first third of the 19th century, which allows us to reconstruct the idea of the Caucasus in Russian society in the 1820s–1840s. As a result of the conducted research, it is proved that, revealing the language and culture of the highlanders in detail, Lermontov depicts the Caucasus both in its ontology, connected with the understanding of the essence of the Eastern world, and in its concrete historical ethnographically vivid manifestation.

KEYWORDS: Caucasus, East, language picture of the world M. Y. Lermontov, toponymy, ethnographism

FOR CITATION: Kiseleva I. A., Potashova K. A., Ermakova A. S. Lexic-semantic representation of the image of the Caucasus in the works of M. Yu. Lermontov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 1. Pp. 82–97. DOI: 10.31857/S0131611724010076.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 22-28-00025.

После присоединения в 1801 г. к Российской империи Восточной Грузии под влиянием первых впечатлений от картин первозданной природы и свободолюбия горцев оформился романтический образ Кавказа как пространства «широкой раздольной воли» [Белинский 1900–1948: XII, 16]. В течение 1820–1830-х гг. образ Кавказа постоянно обогащался и пополнялся за счет обрастания новыми личностными коннотациями, чему способствовали как глубокое проникновение в кавказскую культуру, быт, познание нравов кавказцев через столкновение с ними, так и реалистический вектор развития литературы. Романтический образ Кавказа постепенно дополнялся военными и социальными реалиями, приобретающими знаковый характер. Отсутствие полноценного этнографического и географического освещения кавказских земель в первой трети XIX в. восполнялось путевым, эпистолярным и собственно художественным материалом побывавших там писателей и военных. Именно они формировали

устойчивое представление о нем и служили «источником для пополнения русского языка восточной лексикой» [Добродомов 1967: 374].

Интерес Лермонтова к нравам, культурно-бытовым особенностям, устно-поэтической традиции неоднократно отмечался в лермонтоведении и становился предметом специального научного изучения [Ахмадова 2018, Багратион-Мухранели 2019, Захаров 2014, Лотман 1985, Маркелов 2008, Семенов 1939, Ходанен 2015]. Не оставалась без внимания исследователей и лексическая репрезентация образа Кавказа [Бородина 2018, Дионк 2011, Джубаева 2008, Шипулина 2016]. Однако целостного исследования репрезентативных средств организации «кавказского текста», отражающего эпоху Кавказской войны, не проводилось, в то же время обращение к смысловым обозначениям кавказского пространства позволяет уточнить смысловую наполненность топоса Кавказа в художественном мире Лермонтова.

Для передачи социокультурного, исторического, географического образа Кавказа поэт активно использует три лексических пласта. Это топонимические единицы, обобщенный функционал которых связан с передачей пространственной локализации событий; этнонимами, служащими средством изображения этнокультурных сообществ; этнографизмами, воссоздающие элементы национальной культуры. Наиболее значимую роль в этом спектре лексических единиц занимают различные топонимические единицы, призванные создавать этническое и/или историческое пространство, в котором развиваются события. Ведущим обозначением образа Кавказа является соответствующий топоним — *Кавказ*, выступающий как обобщенная номинация территории: «В теснине *Кавказа* я знаю скалу» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 215]; «*Кавказ!* далекая страна! // Жилище вольности простой!» [Лермонтов 1954–1958, т. 1: 107].

Помимо именованной территории привычным топонимом *Кавказ*, Лермонтов использует обобщенное образное именование *Восток*. Традиционно обозначающий сторону света («Яснеет уж *восток*, // Черкес проснулся» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 173]), восток в литературе лермонтовского времени приобретает дополнительную коннотацию — это пространство, окруженное ореолом таинственности, приобретающее «характер романтической ирреальности» [Киселева 2019: 95]. Примечательны в этой связи случаи написания слова *Восток* Лермонтовым с прописной буквы в ее «выделительной функции» [Шмелев 2017: 699] как географической территории: «Златой *Восток*, страна чудес» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 132], «Люблю тебя, страна *Востока!*» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 133]. Называя кавказские земли Востоком, поэт эмоционально маркирует это пространство романтическими представлениями о Кавказе как о гармоничной вселенной; территория при этом не только включает в себя собственно Кавказ, но и распространяется на Иран («Дремлет Тегеран» [Лермонтов

1954–1958, т. 2: 194]), Иерусалим («Вот — у ног Ерусалима» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 194]), Египет («Моег желтый Нил // Раскаленные ступени» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 194]), бытие которых связано с древними цивилизациями. И сам Кавказ у Лермонтова связан с представлением о допотопных временах: «Над допотопными лесами // Мелькали маяки кругом» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]. Использование по отношению к Кавказу определения «допотопный», предполагающего временную характеристику, отнесенность к чрезвычайно древним временам, обусловлено его давней историей, топоним является одним из наиболее древних названий в Евразии.

Однако поэт не только включает топоним Кавказа в более широкий топоним Востока, расширяя таким образом ассоциативное поле Кавказа, но и конкретизирует его. В связи с художественной репрезентацией Кавказа как исторического пространства Лермонтов значительно увеличивает активный состав топонимических единиц русского языка. Поэт активно использует не только топоним Кавказ, но и множество частных географических названий, которые поддаются следующей систематизации:

- именование городов и координат, составляющих городское пространство: Кизляр («Он тотчас же отправил нарочного в *Кизляр*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 221]), Кисловодск («Приезжай через неделю в *Кисловодск*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 221]), Пятигорск («Вчера я приехал в *Пятигорск*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 260]), Ставрополь («Вы, верно, едете в *Ставрополь*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 204]), Тифлис («Я ехал на перекладных из *Тифлиса*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 203]), источники («Пойду к *Елизаветинскому источнику*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 261]), постройки («построен павильон, называемый *Эоловой Арфой*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 262]);
- именование аулов, станиц, крепостей: Коби («Нам должно было спуститься <...>, чтоб достигнуть станции *Коби*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 226]), Джемат («Велик, богат аул *Джемат*» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 267]), Бастунджи («Скажи, // Не знаешь ли аула *Бастунджи?*» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 245]), Грозная («Пишу тебе из крепости *Грозной*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 456]), Черкасск («я заезжал в *Черкасск* к генералу» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 455]);
- именование рек: Арагва и Кура («Внизу *Арагва* и *Кура*» [Лермонтов 1954–1958, т. 4: 167]), Аргуна («Шумит *Аргуна* мутною волной» [Лермонтов 1954–1958, т. 4: 178]), Валерик («Он отвечал мне: *Валерик*» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 172]), Терек («Лишь *Терек* в теснине *Дарьяла* // Гремя нарушал тишину» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 202]), Подкумок («Через струи *Подкумка* голубые» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 248]);

- именование гор и ландшафтов с ними связанных: Казбек («Под ним Казбек, как грань алмаза» [Лермонтов 1954–1958, т. 4: 184]), Машук и Бештау («Где за Машуком день встает, // А за крутым Бешту садится» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 156]), Гуд-гора («Гуд-Гора курилась» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 206]), Эльбрус («оканчиваясь двуглавым Эльборусом») и его кавказское именование Шат-гора («Шат подымется за ними» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 164]); Койшаурская гора («под нами лежала Койшаурская Долина» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 224]); гора Крестовая («Вот и Крестовая» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 226]); Дарьяльское ущелье («В глубокой теснине Дарьяла» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 202]).

Обращение к представленным в творчестве поэта именованиям исторических областей Кавказа показывает, что географические координаты этого пространства у Лермонтова обширны и соответствуют имперским границам 1830-х годов. Территорию Кавказа составляет Грузия («здесь когда-то была граница Грузии» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 225]); Кабарда («лошадь его славилась в целой Кабарде» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 211]); Авария и Чечня («В Чечню, в Аварю, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]); Дагестан («О светлом небе Дагестана?» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 274]). В письме к С. А. Раевскому от октября-ноября 1837 г. Лермонтов сообщает: «Изъездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 440]. Включенные в этот перечень географические объекты, приведенные в той последовательности, как пролегал путь Лермонтова по Кавказу, очерчивают его широкую территорию — охватывают Дагестан, Азербайджан и Грузию. Поэт называет как известные топонимы (Кизляр, Тамань, Кахетия), так и связанные с делами его военной службы, а именно участием Нижегородского полка в подавлении вспыхнувшего в Азербайджане восстания («Для ликвидации восстания из Кахетии (из местечка Карагач) были отправлены в Кубу два эскадрона Нижегородского драгунского полка» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 733]). В связи с отсутствием дополнений историко-литературного характера, которые бы конкретизировали время пребывания Лермонтова в этих местах, важно сделанное А. А. Бестужев-Марлинским в очерке «Путь до города Кубы» примечание, что полк Лермонтова располагался «в так называемой Новой Кубе, в двенадцати верстах от Старой <...>. Месторасположение — прелесть, плодовые леса шумят кругом» [Бестужев-Марлинский 2010: 137].

Наиболее примечательны обозначения кавказских территорий в стихотворении «Валерик». Придавая отсылкам к военным походам генерала А. П. Ермолова большую достоверность и подчеркивая опытность воинов,

Лермонтов оперирует конкретными топонимами, которые проецируются на реальную карту кавказских военных походов: «Как при Ермолове ходили // В Чечню, в Аварию, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]. Топонимы *Чечня* и *Авария* включены в контекст событий героического прошлого не случайно, именно посредством их поэт дает отсылку к кульминационным событиям военной кампании А. П. Ермолова. Результатом чеченской экспедиции стало строительство в 1818 г. крепости, которая, как вспоминает сам генерал, «стоя на удобнейшей дороге к Кавказской линии и недалеко от входа чрез урочище Хан-Кале, названа Грозною» [Ермолов 1868: 49]. Сам Лермонтов, будучи в этой крепости в июле-августе 1840 г., пишет свой «Валерик». Аналогичны коннотации топонима *Авария*. Успешное взятие Аварского ханства в 1819 г., о чем также вспоминает Ермолов («Возвышения были взяты на штыках. <...> Аварский хан пытался было предпринять поход с целью изгнать русских из своих владений, но предприятие это закончилось полной неудачей, и он вынужден был покориться» [Ермолов 1868: 79]), тоже напоминает о героическом прошлом. В черновом варианте стихотворения поэт употребляет топонимы Чечня и Дагестан («в Чечню, к аварцам, в Дагестан» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 288]), а в беловике — Дагестан заменяется Аварией («в Чечню, в Аварию, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]). Отказ от топонима *Дагестан* может быть обусловлен и стремлением Лермонтова подчеркнуть славу ермоловских военных походов, одним из значимых результатов которых стало взятие Аварского ханства, и собственно географическая конкретизация походов: Авария — это конкретная местность в обширном Дагестане.

Значимы в этом контексте и выбранные Лермонтовым предлоги, служащие средством выражения пространственных отношений: «В Чечню, в Аварию, к горам» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]. Используемые в сочетании с топонимами пространственные предлоги, ведущими среди которых являются предлоги «в» и «на», имеют некоторую смысловую дифференциацию, которую точно улавливает Лермонтов. Для языковой картины мира поэта характерно использование предлога «на» по отношению к пространственным территориям («С тех пор, как я на Кавказе» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 455]; «Спеша на север издалека» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 103]; «Чтоб путь на север заградить» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 116]), тогда как посредством предлога «в» поэт сообщает точные координаты («Завтра я еду <...> в Чечню брать пророка Шамиля» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 455]; «я тебе писал из действующего отряда в Чечне» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 456]). Использование того или иного предлога позволяет уловить смысловые оттенки текста. Употребление «в Чечню», а не «на Чечню», «в Аварию», а не «на Аварское ханство», что было бы логичнее в случае описания военных походов, подразумевает конкретную

направленность движения и его характер — это движение предполагает не собственно освоение территорий, но нахождение внутри их границ. Конечным в этом перечислении военных локаций является пространственное указание «к горам» — вот цель движения. Предлог «к» несколько выбивает именование этой локации из типовых конструкций топонимов с пространственным предлогом «в», но тем самым сообщается то конкретное место, в сторону которого направлены поступательные действия-движения; древние горы — это некий конечный пункт, которого нужно достигнуть и который стоит в своем роде вне политики. Поэт в беловике делает акцент именно на территорию («в Аварии»), заменяя черновое «к аварцам». Для него важен именно аспект достижения результата в пространственном отношении.

Одним из ведущих принципов поэтики Лермонтова при создании образа Кавказа является раскрытие в тексте произведений этимологии и значения названий поселений, рек, гор. При этом поэт в зависимости от контекста приводит и объяснения топонимов, бытовавшие среди горцев, и предания, ходившие в кругах русского воинства. Так, название речки Валерик поэт разъясняет от лица кавказцев, что оказывается смыслообразующим для стихотворения: «Он отвечал мне: Валерик, // А перевести на ваш язык, // Так будет речка смерти» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 172]. В романе «Герой нашего времени» Лермонтов приводит историческое предание о горе Крестовой, могучем горном хребте, ставшем своеобразной опорой Российской империи, заслуга в этом принадлежит генералу Ермолову: «Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил император Петр 1-й, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано крупными буквами, что он поставлен по приказанию г. Ермолова, а именно в 1824 году» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 226].

Значительное количество топонимов Лермонтов адаптирует к русской речи. Показательным своей обрусевшей кавказской топонимикой является стихотворение «Валерик». Будучи «знакомым со словоупотреблениями, характерными для речи кавказского населения» [Киселева, Поташова, Сеченых 2019: 269], что следует уже из знания им кавказских именованных гор (например, кавказское «Шат-гора» вместо общеупотребимого названия «Эльбрус»), Лермонтов в «Валерике» употребляет топонимы, используемые в русской армии, акцентируя тем самым точку зрения русской стороны, поэт представляет взгляд русского кавказца. И это наиболее заметно именно благодаря топонимам. Чеченское название реки Гихи (ГихтIа) в стихотворении адаптируется под русскую речь и вместе с наречием времени «раз» создает стилизованное под разговорное повествование о героических подвигах: «Раз — это было под *Гихами*» [Лермонтов 1954–1958,

т. 2: 169]. Аналогичный процесс наблюдается и в связи с названием реки Валерик, которая в чеченском языке звучит как Валарта, Валериг, Валерг, Вайрик. Подобными адаптированными к русской речи топонимами пользовались в военной среде, в такой адаптации топонимы помещены на карту военных крепостей Российской империи [Фелицын 188?]. Лермонтов четко различает именованья земель Кавказа — Чечня, Авария, Ичкерия. Употребление последнего топонима особенно примечательно. Именованье *Ичкерия* («Из гор *Ичкерии* далекой // Уже в Чечню на братний зов // Толпы стекались удалцов» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 169]) не встречалось в известных письменных и фольклорных источниках народов Кавказа; естественно предположить, что оно было в употреблении русской армии. В среде самих чеченцев юго-восточная территория, названная Ичкерией, именуется как Нохчи-мохк (в буквальном переводе «Чеченская земля» [Кушева 1963: 74]). Эта этимология породила частое ошибочное распространение названия на всю территорию Чечни, тогда как топоним Ичкерия, возможно, образованный от названия реки Искерк, использовался для обобщенного обозначения юго-восточных сел в русских военных документах. В частности, это название в виде топонима *Ичкери* присутствует на военно-исторической карте Северного Кавказа, обозначающей местонахождение оборонительных сооружений. Именованье *ичкеринцы* присутствует и в воспоминаниях генерала Ермолова: «Тогда же дали знать лазутчики, что пришли чеченцы, по Мичику живущие, часть ичкеринцев и несколько лезгин» [Ермолов 1868: 182].

Как следует из воспоминаний генерала Ермолова, в военной среде четко различались этнонимы, обозначающие многонациональное население Кавказа. Лермонтов также использует множество названий этнических общностей, посредством которых создает цельный национальный портрет Кавказа, опровергая при этом бытовавшую в путевых наблюдениях 1830-х гг. одностороннюю оценку этой территории как «средоточия опасного для русских мусульманского народа» [Шишков 1835: 57]. В «Перечне писем из Грузии» (1835) А. А. Шишков категорично заключает: «Народ очень дикий, необузданный, только лишь имеющий веру, но никаких при этом высоких нравов» [Шишков 1835: 57]. Лермонтов, узнавая культуру Кавказа, отказывается от столь категоричных суждений. В качестве обобщенного именованья кавказских народов Лермонтов использует этноним *татарин*, посредством сочетания с ним определения *мирной*, т. е. не воюющий с русскими, поэт стирает привычные для фольклора и древнерусской словесности отрицательные коннотации этой лексемы: «Мирной татарин свой намаз // Творит, не подымая глаз» [Лермонтов 1954–1958, т. 2: 207].

Помимо обобщенного именованья горских народов, Лермонтов включает в свое повествование целый спектр этнонимов, отражающий основное

население Кавказа: кабардинец («наши *кабардинцы* или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 207]; «в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие *кабардинцы*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 281]); грузин, грузинка («Тут толпилось шумно десятка два *грузин* и горцев» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 204]; «это совсем не то, что *грузинки*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 221]); лезгинец, лезгинка («*Лезгинец*, слыша голос брани, // Готовит стрелы и кинжал» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 168]; «Пусть, подождая, *лезгинку* он узнает: // В ее чертах земная жизнь играет» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 169]); чеченец («Свободный, как *чеченец* удалой» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 76]; «Сидел *чечен* однажды предо мною» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 156]); осетин («порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно *осетины!*» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 207]); черкес, черкешенка («*Черкесы* храбрые не спят» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 20]; «*Черкесов* тучные стада» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 18]; «Меж тем *черкешенки* молодые // Взбегают на горы крутые» [Лермонтов 1954–1958, т. 3: 17]). Обобщая данные к этнонимам определения-характеристики в национальный портрет кавказского жителя, можно заключить, что на первый план в этом портрете выходят смелость, общность, свободолюбие. При этом принципиальных различий между представителями различных этносов Лермонтов не проводит, выделяет только осетин, ведущих мирную жизнь и исповедующих христианство, на чем поэт не делает акцент, отмечая лишь их миролюбивость как свойство характера. В случае же с представительницами кавказских этносов поэт акцентирует их молодость и красоту. Обращение к личным именам в кавказском тексте Лермонтова позволяет сказать, что поэт был сведущ в культуре многих кавказских этносов и включал в повествование аварские (Куршуд-бек), кабардино-черкесские (Азамат, Бей-Булат, Казбич), ингушские (Акбулат, Бэла), чеченские (Ахмат-Булат), лезгинские (Ахмет, Ашик-Кериб), кумыкские (Гарун, Гирей), табасаранские (Гюльнара), абхазские (Зара, Ибрагим, Измаил-бей, Селим) антропонимы [Намиткова, 2012].

Еще одним лексическим средством воссоздания национального колорита Кавказа являются этнографизмы. Знатоком бытовых реалий Кавказа у Лермонтова становится кавказец — герой одноименного очерка, «тип русского офицера, сформированного кавказской войной» [Юхнова 215]. В сравнении с предшествующими путевыми очерками у Лермонтова образы, обозначающиеся бытовой и военной лексикой, не остаются одиночно упомянутыми, они слагаются в цельные этнографические зарисовки, что позволяет говорить о сочетании в «Кавказце» признаков как физиологического очерка, так и путевого. Сочетающийся с художественным изображением публицистико-документальный принцип создания кавказского

пространства в очерке Лермонтова позволяет рассматривать «Кавказца» в одном ряду с передающими в реалистическом ключе кавказскую атмосферу путевыми заметками А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина, представляющими Кавказ в «земной плоскости» [Поташова 2020: 260].

Показательно в этом отношении использование лексемы «бурка», которая встречается и у Пушкина, и у Грибоедова, и у Лермонтова, но именно у последнего бурка приобретает характер знакового для своего времени явления, использование этого слова позволяет оценить степень взаимопроникновения элементов языка и культуры русских и кавказцев. В поэме «Кавказский пленник» Пушкин в портрете черкеса приводит бурку как характерную деталь горского облачения: «В косматой шапке, в бурке черной, // К луке склоняюсь, на стремяна // Ногою стройной опираясь, // Летал по воле скакуна» [Пушкин 1937–1959, т. 4: 99]. В своих этнографических зарисовках и Грибоедов, и Пушкин ограничиваются упоминанием этого вида верхней одежды, ее назначение, связанное с удобством в дороге, понятно из контекста: «Щедро обсыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принимал участия ни в чем» [Грибоедов 1959: 411]; «Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости» [Пушкин 1937–1959, т. 8: 463]. Поэтам не нужно давать пояснений к бурке, с пребыванием русских на Кавказе она уже стала типичным элементом портрета не только горца, но и русского воина. Лермонтов же в «Кавказце», стремясь к цельному представлению образа армейского офицера, создает широкое культурно-смысловое поле слова *бурка*, включающее обстоятельное объяснение ее назначения («бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего!»; «он спит на ней и покрывает ею лошадь» [Лермонтов 1954–1958 т. 6: 350]); сообщение о ней как о своеобразном знаковом явлении эпохи, окруженном героическим ореолом («прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350]); описание ее внешних особенностей («бел^{ая} с черной каймой внизу» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350]). Обращает на себя внимание и включенное в описание бурки указание на наличие неких требований к ней, важность приобретения именно лучшего ее образца: «Он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую Андийскую бурку» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350]. Этнониму *андийский* в данном контексте соответствует ассоциация с подлинностью, качеством. Белые и черные андийские бурки изготовлялись коренным народом Дагестана и ценились как самые красивые на Кавказе и за его пределами, андийская бурка была и у самого Лермонтова (поэт в такой бурке изображен на автопортрете в форме Нижегородского драгунского полка, 1837). Причина указанной поэтом сложности в приобретении

такой бурки объясняется «Предписанием генерала Ермолова грузинскому губернатору о запрещении горцам Дагестана прибывать в Грузию по торговым делам» (1821), которое ограничивало возможность горцев продавать бурки: «Чтобы бурки, выделяемые андийцами и другими горцами, отнюдь не были впускаемы для продажи; в случае же тайного привоза оных, конфисковать их и доносить мне в то же время, как об именах тех, кому оные принадлежат» [Ермолов 1821]. Создавая реалистический образ, поэт с доброй иронией включает в характеристику кавказца «разные хитрости и пронырства» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 350].

У «настоящего кавказца», портрет которого создает Лермонтов в очерке, должны быть не только «настоящая» бурка, но и «настоящее» оружие и конь. Как и в случае с буркой, этим составляющим образа кавказца даются самые превосходные характеристики: «настоящая», «отличная», «чистая» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 349]. Если Грибоедов в своих путевых заметках не уделяет внимания оружию вовсе, Пушкин ограничивается только номинацией оружия и его общими характеристиками («кинжал и шашка суть члены их тела» [Пушкин 1937–1959, т. 8: 449]), то Лермонтов значительно расширяет перечень оружия. Поэт впервые включает в кавказский текст этнографизмы, связанные с чеченскими обозначениями оружия, этот перечень сопровождает комментариями, позволяющими оценить приведенные предметы как истинные произведения кавказских мастеровых: «У него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал — старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 349]. Представленный перечень составляет не только привычное для русского языка слово *шашка*, посредством которого именуется уставной тип холодного оружия, вошедшего в обиход русской армии в первой трети XIX в., но и этнографизмы *гурда* и *базалай*. Значимо, что Лермонтов, создавая портрет офицера, пребывающего на Кавказе, изображает его как ценителя и знатока оружия, он подчеркнуто владеет лучшим оружием. В «Герое нашего времени» Лермонтов указывал на необходимость лучшего оружия для горца: «Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 211]. Аналогично и у русского офицера оружие составляет предмет его гордости. И шашка, и кинжал, и пистолет кавказца сопровождаются уточняющими разъяснениями, качественно выделяющими это оружие. У кавказца не типовая шашка, а чеченское оружие с характерным клеймом на клинке — гурда, которая, как отмечает военный историк В. А. Потто, «не уступала старым европейским клинкам, но даже превосходила их» [Потто 1887–1889]. У него не простой кинжал, а базалай — в качестве номинации оружия используется клеймо «Базалай», сообщающее о принадлежности клинков известным мастерам из

рода кумыкских булатников. Ценность этого кинжала Лермонтов также нисколько не преувеличивает, редкость его подчеркивает В. А. Потто: «Настоящие из них так редки, что немногим удавалось даже видеть их, и большинству они известны только понаслышке» [Потто 1887–1889]. Образ офицера с двумя шашками в руках типичен для рисунков Лермонтова кавказского периода. Лучший у кавказца и конь («Лошадь — чистый Шаллох»), что подчеркнуто в этнографизме, обозначающем породу лошади, названную по именованию конного завода; достоинством этой породы была «особая выносливость» [Казиев, Карпеев 2003: 86].

Кавказ в художественном мире Лермонтова отличается топографической точностью. Многочисленные топонимы, обозначающие как широкие территории, так и более узкие, конкретные локации, встречаются и в поэмах Лермонтова, составляющих своеобразный кавказский цикл, и в лирике, и в прозе, и в письмах, поэтому «кавказскому тексту» поэта, детально воспроизводящему местный колорит, присущ очерковый характер. Кавказский текст Лермонтова привлекает внимание представленным срезом кавказской жизни эпохи военной кампании 1820-х — начала 1840-х гг. Поэт, усвоив «вполне нравы и обычаи горцев» [Лермонтов 1954–1958, т. 6: 349], в деталях представляет язык и культуру кавказского народа, слагающиеся в единый кавказский мир. Лермонтов представляет Кавказ и в его онтологии, связанной с пониманием сущности восточного мира и его связи с древностью, и в его конкретно историческом воплощении, явленном в яркой этнографичности, особой топонимике, многообразии именовании населяющих его народов, в передаче их характеров и взаимоотношений.

Источники

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 12 томах. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900–1948. Т. XII. 1926. 586 с.

Бестужев-Марлинский А. А. Путь до города Кубы / Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 133–144.

Грибоедов А. С. Сочинения. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 782 с.

Ермолов А. П. Предписание генерала Ермолова грузинскому губернатору о запрещении горцам Дагестана прибывать в Грузию по торговым делам. 1821. URL: <https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Dvizenie/1-20/18.php> (дата обращения: 20.04.2023).

Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова: В 2-х ч. Ч. II (1816–1827). М.: Университетская типография, 1868. 727 с.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.: Кн. склад В. А. Березовского, 1887–1889. URL: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1800-1820/Potto_V_A/Kavk_vojna_4/text44.php (дата обращения: 18.04.2023).

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 4. Поэмы, 1817–1824. 1937. 483 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8. Романы и повести. Путешествия. Кн. 1. — 1948. 496 с.

Фелицын Е. Д. Военно-историческая карта Северо-западного Кавказа с обозначением местонахождения не существующих ныне крепостей, укреплений, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 года до окончания Кавказской войны [Карты]. Тифлис, 188?. 2 л.

Шишков А. А. Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова: В 4 ч. СПб.: В тип. Императорской Российской Академии, 1835. Ч. 3. 143 с.

Литература

- Ахмадова Т.Х.* Кавказ и кавказцы в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Современный ученый. 2018. № 1. С. 57–61.
- Багратион-Мухранели И. Л.* Концепт кавказского пленника в русской литературе XIX в. // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 178–201. DOI 10.23683/2500-3224-2019-3-178-201.
- Бородин Н. А.* Экзотическая лексика в кавказских поэмах М. Ю. Лермонтова // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 83–87. DOI 10.24411/1811-1629-2018-13083.
- Дионк К. М.* Лексическое воплощение образа Кавказа в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 85–88.
- Джаубаева Ф. И.* Этнокультурные явления — способ взаимодействия языков на Кавказе (на примере произведений М. Ю. Лермонтова) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 114–123.
- Добродомов И. Г.* Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. М.: М-во просвещения РСФСР, 1967. С. 364–374.
- Захаров В. А.* «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. С. 26–81.
- Казиев Ш. М., Карпеев И. В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2003. 451 с.

- Киселева И. А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 91–106. DOI 10.15393/j9.art.2019.6422.
- Киселева И. А., Поташова К. А., Сеченых Е. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте // Научный диалог. 2019. № 10. С. 264–279. DOI 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: АН СССР, 1963. 371 с.
- Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 5–22.
- Маркелов Н. В. Лермонтов и Северный Кавказ. Пятигорск: Снег, 2008. 384 с.
- Намиткова Р. Ю. Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа. М.: ФЛИНТА, 2012. 584 с.
- Поташова К. А. Поэтика визуального образа в «кавказском тексте» А. С. Грибоедова // Научный диалог. 2020. № 3. С. 250–264. DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-250-264.
- Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск: Орджоникидзевское краев. изд-во, 1939. 224 с.
- Ходанен Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 47–57. DOI 10.17223/18137083/53/6.
- Шипулина Г. И. Этимологически восточная лексика в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (по материалам двухтомного «Словаря языка Лермонтова») // Метеор-Сити. 2016. № 6. С. 22–37.
- Шмелев А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2017. № 7–8. С. 698–734.
- Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1 [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118> (дата обращения: 24.04.2023).

References

- Akhmadova T. Kh. [The Caucasus and the Caucasians in M. Y. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. *Sovremennyyi uchenyi*, 2018, no. 1, pp. 57–61. (In Russ.)
- Bagration-Mukhraneli I. L. [The concept of the Caucasian prisoner in the Russian literature of the 19th century]. *Novoye prashloye*, 2019, no. 3, pp. 178–201. (In Russ.)
- Borodina N. A. [Exotic vocabulary in the Caucasian poems of M. Yu. Lermontov]. *Mir russkogo slova*, 2018, no. 3, pp. 83–87. (In Russ.)
- Dionk K. M. [Lexical embodiment of the image of the Caucasus in M. Yu. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2011, no 1, pp. 85–88. (In Russ.)
- Dzhaubayeva F. I. [Lexical embodiment of the image of the Caucasus in M. Y. Lermontov's novel "The Hero of Our Time"]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2008, no. 59, pp. 114–123. (In Russ.)

- Dobrodomov I. G. [Some questions of studying Turkisms in the Russian language]. *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo yazyka*. Moscow, Ministry of Education of the RSFSR Publ., 1967, pp. 364–374. (In Russ.)
- Zakharov V. A. [“Orientalism” by Edward Said and the perception of the North Caucasus as the East in the works of M. Yu. Lermontov]. *Lermontov v istoricheskoy sud’be narodov Kavkaza*. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2014, pp. 26–81. (In Russ.)
- Kaziyeu Sh. M., Karpuyev I. V. *Povsednevnyaya zhizn’ gortsev Severnogo Kavkaza v XIX veke* [Everyday life of the highlanders of the North Caucasus in the 19th century]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2003, 451 p.
- Kiseleva I. A. [On the semantic integrity of the definitive text of M. Yu. Lermontov’s poem “The Demon” (1839)]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 91–106. (In Russ.)
- Kiseleva I. A., Potashova K. A., Sechenykh E. A. [The creative history of M. Yu. Lermontov’s poem “Dispute” (1841) in a cultural and historical context]. *Nauchnyi dialog*, 2019, no. 10, pp. 264–279. (In Russ.)
- Kusheva E. N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiyei* [The peoples of the North Caucasus and their relations with Russia]. Moscow, Acad. of Sciences of the USSR Publ., 1963, 371 p.
- Lotman Yu. M. [The Problem of East and West in the work of the late Lermontov]. *Lermontovskii sbornik* [The Lermontov Collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 5–22. (In Russ.)
- Markelov N. V. *Lermontov i Severnyi Kavkaz* [Lermontov and the North Caucasus]. Pyatigorsk, Sneg Publ., 2008, 384 p.
- Namitkova R. Yu. *Svodnyi slovar’ lichnykh imen narodov Severnogo Kavkaza* [Consolidated dictionary of personal names of the peoples of the North Caucasus]. Moscow, FLINTA Publ., 2012, 584 p.
- Potashova K. A. [The poetics of the visual image in the “Caucasian text” by A. S. Griboyedov]. *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 3, pp. 250–264. (In Russ.)
- Khodanin L. A. [The cultural concept “Caucasus” and its text-forming role in the works of A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 47–57. (In Russ.)
- Shipulina G. I. [Etymologically Eastern Lexis in the Lermontov’s Novel “Hero of Our Time” (on materials of the two-volume “Dictionary of Lermontov’s Language”)]. *Meteor-Siti*, 2016, no. 6, pp. 22–37. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Capital letters in secular and ecclesiastical printing]. *Sretenskii sbornik. Nauchnye trudy prepodavatelei SDS* [Sretensky Collection. Scientific works of teachers of Sretensky Theological Seminary], 2017, no. 7–8, pp. 698–734. (In Russ.)
- Yukhnova I. S. [The essay “The Caucasian” in the context of the work of M. Yu. Lermontov]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1–1. (In Russ.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118> (accessed 24.04.2023).

Метафоры звука в романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов»

Екатерина Вячеславовна Шарапова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), katyasharapik@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611724010085

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются метафоры звука в романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» (2022). Термин «метафора» в статье употребляется расширительно: под «метафорой звука» понимаются компаративные тропы разных видов (метафоры и сравнения), в которых образами сравнения являются звуки. Анализ показывает, что для романа «Сезон отравленных плодов» характерно разнообразие звуков как образов сравнения (собственно обозначения звуков; звуки, которые издают предметы, насекомые и животные; речь человека; музыка и эхо; а также образы тишины и молчания, которые предполагают отсутствие звуков), так и разнообразие объектов звуковых метафор (эмоциональные состояния героев, чаще всего негативные; ментальные состояния и процессы; природа и погодные явления; предметы быта; абстрактные образы и идеи). Звуки могут быть не только образами сравнения, но и объектами сравнения в компаративных тропах. Звуковые метафоры включаются в сложные сочетания метафор, взаимодействуют с реалиями текста, важны на уровне композиции, метафоры звука порождают сквозные образы и лейтмотивы текста. Таким образом, метафоры звука — это важный элемент образной системы романа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компаративный троп, метафора звука, сравнение, образ сравнения, современная русская проза, Вера Богданова

для цитирования: Шарапова Е. В. Метафоры звука в романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» // Русская речь. 2024. № 1. С. 98–106. DOI: 10.31857/S0131611724010085.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе»).

The Language of Fiction

Sound Metaphors in Vera Bogdanova's novel *The Season of Poisoned Fruit*

Ekaterina V. Sharapova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), katyasharapik@gmail.com

ABSTRACT: The paper considers sound metaphors in the novel of Vera Bogdanova *The Season of Poisoned Fruit* (2022). The term *sound metaphor* extensively refers to comparative tropes of various types (metaphors and similes) that have sounds as source domain. The novel *The Season of Poisoned Fruit* presents a variety of sounds as source domain (names of different types of sounds, sounds produced by objects, insects and animals, human speech, music and echo, as well as images of silence, which are the absence of sound). Moreover, it contains a variety of objects as target domain (emotional states, most often negative ones, mental states and processes, natural and weather phenomena, household items, abstract images and ideas). In the novel, sounds can be not only images of comparison, but also objects of comparison in comparative tropes. Sound metaphors appear in complex combinations of metaphors, interact with objective world of the text generating key images and leitmotifs of the text. Sound images are important at different text levels: at the level of composition, in figurative language and style. Thus, sound metaphors are an important element in the imagery of the novel.

KEYWORDS: comparative trope, sound metaphor, simile, source domain, modern Russian prose, Vera Bogdanova

FOR CITATION: Sharapova E. V. Sound Metaphors in Vera Bogdanova's novel *The Season of Poisoned Fruit*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 1. Pp. 98–106. DOI: 10.31857/S0131611724010085.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article is published with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 23-28-00060 “Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose”).

Термин «метафора» в названии этой статьи употреблен не в точном значении, он понимается расширительно. Метафора — это перенос наименования с одного объекта (явления) на другой на основе их сходства, например «мот чихает, кряхтит»¹ — в отличие от метонимии, где перенос происходит на основе смежности объектов или явлений. В статье речь пойдет не только о метафорах, но о компаративных тропах вообще — метафорах и сравнениях, а также о соотношении тропов с реалиями художественного текста. Мы будем исходить из того, что метафора и сравнение — это варианты компаративного тропа, по-разному структурно оформленные. В сравнении идея сопоставления двух объектов выражена при помощи союза, в метафоре-сравнении обозначены как объект сравнения, так и образ сравнения, в метафоре-загадке объект сравнения скрыт и т. д. [Левин 1998; Николина, Петрова, Фатеева 2021; Петрова 2011]. При обозначении элементов компаративного тропа мы пользуемся терминологией из работ Н. А. Кожевниковой; в этих работах в компаративном тропе выделяются объект сравнения, признак сравнения и образ сравнения [Кожевникова 2009а, 2009б, 2009в]. Например, в предложении *Голос у него шершавый, как дубовая кора, — тоже совсем не тот, что помнится <...> «шершавый голос»* — это метафора, в которой «голос» — объект сравнения, «шершавость» — образ сравнения, а признак сравнения — особый тембр голоса, который делает его как будто шершавым в восприятии говорящего. Одновременно «голос шершавый, как дубовая кора» — это сравнение, в котором голос — это объект сравнения, дубовая кора — образ сравнения, а «шершавость» — признак сравнения. Когнитивная теория метафоры предлагает другие термины, которыми

¹ «Мот» — мотоцикл. Здесь и далее роман Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» цитируется по изданию [Богданова 2022].

также можно пользоваться при анализе: область цели, область источника, метафорические следствия, метафорическая проекция, см., например, [Баранов 2003]. Метафоры звука объединены тем, что образом сравнения, или, по другой терминологии, источником метафорической проекции, в них является звук, т. е. звуки переосмысляются для обозначения других явлений. В статье речь пойдет о том, какую роль играют метафоры звука и другие звуковые образы в построении образной системы романа Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» (2022).

Образами сравнения в романе могут быть звуки самые разные. Это могут быть обозначения звуков так таковых: мир **трещит**, делается *смазанным и медленным*; *Снаружи деревья в белой корке льда <...> Кажется, вот-вот **зазвенят** на ветру; это отвлекло от электрического **гула** в голове; Воздух за дверью материной квартиры едва ощутимо **гудел**, как трансформаторная будка.*

Это могут быть звуки:

- (а) которые в прототипической ситуации издают предметы: *В стене **тикает** древооточец, как забытые часы, отсчитывает собственное время дома; Поле **шкварчит** под этим светом, воздух над ним дрожит и преломляется, и в это преломление уходят стройные ряды картошки;*
- (б) которые издает человек, т. е. разнообразные глаголы речи (*звать, кричать, бурчать, верещать, шептать, выть*): *Диван не скрипит — он **верещит**, **зовет** на помощь; Из-за стволов и кустов пульсирует неживым зеленым, **шепчут** тени, **шепчут** огоньки в траве, следуют за Дашей; Над ухом **басит** шмель.*
- (в) которые издают животные и насекомые: *Столько всего **жужжит** в голове, не унимается; **воет** сушка для рук; Иногда Женю одолевает сумрачная тягостная тревога, она нарастает, как **вой** сирены, как детский крик.*

В некоторых случаях деление на группы условно. Например, вой — это в прототипической ситуации крик, который издают животные, но глагол «выть», как языковая стертая метафора, обозначает плач человека [Евгеньева (ред.)]: *От несправедливости того, как все сложилось, хочется завывать, и **Илья воет** — сдавленно и в кулак; У гроба **завывает** вдова, вой бьет в лицо, мечется под кронами сосен, и Жене хочется поскорей уйти.* Также жужжать могут как насекомые (жуки), так и вещи (например, дрель) [Апресян (ред.), т. 3: 411] или, как в романе, телефон: *Телефон **жужжит** опять, Даша снова жмет отбой; Мобильный **жужжит** — мать звонит по ватсапу; Она смотрит в потолок, слушает, как стучит сердце, как **жужжит** телефон, на миг подсветив тумбочку и др.*

Образы сравнения в метафорах звука могут быть выражены глаголами, которые обозначают действие, сопровождающееся специфическим звуком, например: *Этот смешок выскакивает откуда-то из ее межгрудья и шлепается на пол, не в силах взлететь; в груди на стыке ребер ноет и скребется, и воздуха как будто не хватает.*

Метафорически переосмысляются и сложные звуковые явления — музыка, эхо: *Она сама была той музыкой, неустанным движением, которого никто не должен видеть; Маша отправила содержимое ведра в трубу, бахнув дверцей клапана, обернулась — и оказалась странным воспоминанием, отраженным эхом.*

Объектами сравнения звуковых метафор в романе могут быть:

- (а) эмоциональные состояния (негативные эмоции, страх, ощущение опасности, эмоциональное напряжение), например: *Женя почти слышит тиканье, начавшийся неотвратимый отсчет до взрыва;*
- (б) ментальные состояния и процессы (мысли, воспоминания, убеждения), например: *столько всего жужжит в голове, не унимается;*
- (в) природа и погода (деревья, тени деревьев, древооточек, сверчки, жара, поле): *Воздух звенит, пахнет сосной, жареной хвоей;*
- (г) предметы быта (диван, сушка для рук): *воет сушка для рук; Диван <...> верещит, зовет на помощь.*

Кроме того, объектами сравнения могут быть абстрактные идеи и образы, например образ границы, рубежа (временного или пространственного) в контекстах:

Вспоминается сонная, нагретая дыханием тишина их детской спальни, оставшаяся где-то за далеким, как протянувшийся вой электрички, рубежом. Здесь метафора звука включается в сложный образ из нескольких метафор: воспоминания, давно прошедшие события как далекий рубеж (т. е. время как расстояние); далекий рубеж как протянувшийся вой электрички, т. е. как резкий звук; и, наконец, сигнал поезда сравнивается с плачем человека (или криком животного, см. выше);

По телевизору все время говорят о падении какого-то самолета, но это далеко, где-то за потрескивающим статическим электричеством, выпуклым экраном телика, за границей лета, леса и жары. В этом контексте граница между миром дачи и опасным внешним миром представляется как потрескивающее электричество.

Через метафоры звука в романе оформляются сквозные образы и детали. Например, электрический гул — это сквозная метафора для изображения предельного эмоционального напряжения: *Мама обычно говорит*

*так — раньше говорила, — а потом уже и предупредить стало не нужно: Женя научилась слышать раздражение, как собака слышит ультразвук. **Нарастающую электрическую близость скандала** — сейчас рванет или чуть позже?; И даже было хорошо лежать под капельницей и голодать, это отвлекало от **электрического гула в голове**; Воздух за дверью материнной квартиры едва ощутимо гудел, как **трансформаторная будка**.*

Более сложный случай — это образ структуры. В первый раз в романе «структура» появляется как обозначение убеждения Жени в существовании некоторых особых причинно-следственных связей в мире, т. е. слово «структура» употребляется в словарном значении («устройство, организация» [Евгеньева (ред.)]): *постепенно ей стало ясно, всё вокруг сложилось в странную, одной ей понятную логическую связь, в структуру, в центре которой была она с Ильей; их с Ильей наказывают за нарушение порядка, думает она; за грехи наши, за прелюбодеяние, за нарушение структуры мира.* По мере развития сюжета «структура» становится самостоятельным образом, который приобретает дополнительные характеристики. Женя ощущает как структуру стыд, вину, отсутствие свободы выбора и свободы действий. «Структура мира» — это своего рода ловушка для Жени из чужих желаний и ожиданий, «сетка» из манипуляций. При этом структура сама становится объектом сравнения: она может пружинить, как сетка, напрягаться и звенеть, гудеть и потрескивать, как электричество, структура имеет струны и может звучать как музыкальный инструмент: *Структура едва заметно звенела, напрягаясь, напоминая о себе; Обвинения, слова любви и отговорки — словесная каша льется и льется на Женю из телефона, запутывая, побуждая спорить, опять **гудит структура**, набирает силу, пружинит упругой сеткой...; Это закончится, Женя знает, чувствует теменем, как **сжимается структура**, как звучно **потрескивает воздух**; И Женя ходила по палате, **слушала структуру**, водила пальцами по струнам. Теперь она **звучала мелодично**, теперь, когда все встало на места.*

Звуковые образы присутствуют в художественном мире романа и как реалии текста, т. е. как реальные звуки, которые слышат герои в изображаемой ситуации. Некоторые звуковые образы превращаются в тексте в психологические или композиционно значимые детали. Для оформления такой детали важен лексический повтор — в одном предложении или в разных частях текста. Например, глагол «грохала» повторяется в одном предложении: *Мать с остервенением отбивала кусок свинины, **грохала** молотком, свинина истончалась, становилась полупрозрачной, деревянная доска подпрыгивала, тоже **грохала**.* В разных частях текста повторяется деталь «басит шмель». Женя слышит, как «басит шмель» в самом начале романа, где Жене шестнадцать и на даче у бабушки она ждет приезда тети

Милы, Ильи и Даши. «Басит шмель» в воспоминаниях уже почти тридцатилетнего Ильи о Жене, когда он размышляет о своей жизни. Когда уже взрослые Женя с Илей приезжают на заросшую бабушкину дачу, они вновь слышат, как «басит шмель». Эта звуковая деталь, таким образом, становится элементом кольцевой композиции.

Метафоры звука могут взаимодействовать с реалиями текста так, что в одном случае речь идет о реальном звуке, а в другом — о звуке как источнике метафоры, например:

*Дверь оглушительно **трещит** (реалия), и мир **трещит**, делается смазанным и медленным, будто погруженный в масло (метафора)*

или

Гудит шмель (реалия); провода гудят (реалия); снаружи гудит ЛЭП (реалия); [Женя] слышит гудение структуры (метафора); воздух гудел, как трансформаторная будка (о скандале, который вот-вот случится, метафора и сравнение).

Звуки в романе могут быть разными элементами компаративных тропов — не только образами сравнения, но и объектами сравнения. Звук может действовать как живое существо, например: *Во тьме **скакал хохот** или В первую же ночь, когда Даша остается дома, она просыпается от того, что кто-то шерудит в замке. **Как будто металлическая мышь скребется, грызет дырку из подъезда.** Даша <...> слушает, как **эта мышь шуришит, сопит, точит зубы.*** Звуки предметов могут передавать свойственные человеку речь и эмоции, таким образом через метафору звука происходит персонификация природы и предметного мира: *дверь, которая издает **несерьезный жестяной хлопок**; [телеканалы] **угрожающе шуриша**, еле пробивались сквозь серую рябь [экрана телевизора]; Сосны за домом **шумят, соглашаясь.***

Образом сравнения в романе могут быть не только звуки, но и их отсутствие, в этом случае мы имеем дело с метафорой тишины и молчания. Объект сравнения в этом случае — эмоциональное состояние главной героини. Через образы тишины описан эмоциональный ступор, в который Женя попадает каждый раз в отношениях с Амином: *С другой стороны, она как будто ждет, когда же это все случится. Когда она глотнет еще немного боли и вновь **провалится в тишину — зыбучую, утешающе знакомую.** Приятную отчасти. Повод отвлечься, пожалеть себя. Повод поплакаться в переписке. Через образ молчания описана реакция Жени на разговор с родителями и мысли о несостоявшемся материнстве: *Она долго стоит у окна, не включая свет. **Кухня обнимает ее за плечи стенами, молчит, потому что некому нарушить тишину, а Женя делать этого не хочет.****

Таким образом, для романа «Сезон отравленных плодов» звуковые образы важны на всех уровнях текста — в сюжете, в композиции, в деталях художественной ситуации, в описании переживаний героев, в языковой образности. Метафоры звука порождают в романе сквозные образы и лейтмотивы, они взаимодействуют с реалиями текста и другими метафорами, включаются вместе с ними в единую образную систему текста и создают оригинальный стиль романа.

Источники

Богданова В. О. Сезон отравленных плодов: роман. М.: Издательство АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2022. 348 с.

Литература

Апресян Ю. Д. (ред.) Активный словарь русского языка. Т. 3. Д–З / В. Ю. Апресян, И. В. Галлактионова, Б. Л. Иомдин; под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 768 с.

Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.

Евгеньева А. П. (ред.) Словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.08.2023).

Кожевникова Н. А. Об обратимости тропов // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009а. С. 439–447.

Кожевникова Н. А. О повторе тропов в художественных текстах // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009б. С. 449–454.

Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009в. С. 473–498.

Левин Ю. И. Структура русской метафоры // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 457–463.

Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Взаимодействие компаративных конструкций и их элементов в современной русской прозе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 3. С. 109–124.

Петрова З. Ю. Затекустовые знания о мире как основа взаимодействия компаративных тропов в тексте // Текст и подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного: Материалы международной научной конференции (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 20–22 мая 2010 г.). М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. С. 66–71.

References

- Apresyan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. Vol. 3. V. Yu. Apresyan, I. V. Galaktionova, B. L. Iomdin (ed.); under the general direction of Yu. D. Apresyan. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.
- Baranov A. N. [On the types of combinability of metaphorical models]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2003, no. 2, pp. 73–94. (In Russ.)
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Vol. 1–4. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 12.08.2023).
- Kozhevnikova N. A. [On the invertibility of tropes]. Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected papers on the language of fiction]. Moscow, Znak Publ., 2009a, pp. 439–447. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A. [On the repeating tropes in fictional texts]. Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected papers on the language of fiction]. Moscow, Znak Publ., 2009b, pp. 449–454. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A. *O sootnoshenii tropa i realii v khudozhestvennom tekste* [On the interrelation of tropes and realities in fictional texts]. Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected papers on the language of fiction]. Moscow, Znak Publ., 2009c, pp. 473–498. (In Russ.)
- Levin Yu. I. [Structure of Russian metaphor]. Levin Yu. I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1998, pp. 457–463. (In Russ.)
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. [Interaction of comparative structures and their elements in modern Russian prose]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent]. 2021, vol. 12, no. 3, pp. 109–124. (In Russ.)
- Petrova Z. Yu. [Outtextual knowledge about the world as the base of interaction of comparative tropes in the text]. *Tekst i podtekst: Poetika eksplitsitnogo i implitsitnogo. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Text and Subtext: the Poetics of the Explicit and Implicit. Proc. of the international scientific conference]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011, pp. 66–71. (In Russ.)

Период в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»

Мстислав Исаакович Шутан, Нижегородский институт развития образования
(Россия, Нижний Новгород), mshutan@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724010095

АННОТАЦИЯ: В статье представлена группировка периодов, входящих в текст романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». При этом за основу классификации берется характер логико-смысловых отношений между двумя основными элементами конкретного периода. Это 1) обобщение на основе приведенных фактов (с детализацией интерьера или портрета литературного героя); 2) причинно-следственные отношения между двумя компонентами периода (воспоминания, влияющие на нравственно-психологическое состояние героя; влияние окружающего мира на психологическое состояние героя; последовательность действий и психологических реакций героя, следствием которой является определенное душевное состояние; фиксация факторов, влияющих на действия героя, о которых говорится во втором компоненте периода); 3) уступительные отношения (решение, принимаемое героем вопреки собственным размышлениям; реальность, противопоставленная интерпретации событий; несоответствие между реальностью и тем, что должно было случиться); 4) вторая часть периода, синтезирующая информацию, представленную в первой части. При этом в статье подчеркивается, что в романе-эпопее «Война и мир» период является одним из приемов акцентирования внимания читателя на художественной информации, приобретающей в произведении особую значимость (образы Андрея Болконского, Пьера Безухова, Николая Ростова, Наполеона, капитана Тушина, полкового командира, авторские отступления).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: период, логико-смысловые отношения, обобщение, причина и следствие, уступка, художественная функция, синтаксическая структура

для цитирования: Шутан М. И. Период в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Русская речь. 2024. № 1. С. 107–123. DOI: 10.31857/S0131611724010095.

The Language of Fiction

Period in L. N. Tolstoy's Novel “War and Peace”

Mstislav I. Shutan, Nizhny Novgorod Institute of Education Development (Russia, Nizhny Novgorod),
mshutan@mail.ru

ABSTRACT: The article presents a grouping of periods included in the text of the epic novel by Leo Tolstoy “War and Peace”. It must be noted that the classification is based on the nature of the logical-semantic relations between the two main elements of a particular period. This is 1) a generalization based on the above facts (with details of an interior or a portrait of the character); 2) cause-and-effect relations between the two components of the period (memories that affect moral and psychological state of the hero; the influence of the surrounding world on the psychological state of the character; the sequence of actions and psychological reactions of the character, the consequence of which is a certain state of mind; fixation of factors affecting the actions of the character, which are mentioned in the second component of the period); 3) concessionary relations (a decision made by a character contrary to his own reflections; reality opposed to the interpretation events; discrepancy between reality and what should have happened); 4) the second part of the period synthesizing the information presented in the first part. At the same time, the article emphasizes that in the epic novel “War and Peace”, the period is one of the ways to focus the reader’s attention on artistic information that acquires special significance in the novel (images of Andrei Bolkonsky, Pierre Bezukhov, Nikolai Rostov, Napoleon, Captain Tushin, regimental commander, author’s remarks).

KEYWORDS: period, logical-semantic relations, generalization, cause and effect, assignment, artistic function, syntactic structure

FOR CITATION: Shutan M. I. Period in L. N. Tolstoy's Novel "War and Peace". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 1. Pp. 107–123. DOI: 10.31857/S0131611724010095.

Что собой представляет период? Период — «это небольшой связанный текст, уместающийся в одном предложении». Следовательно, он может представлять собой описание, повествование, рассуждение [Филин (гл. ред.) 1979: 202]. Обычно это сложноподчиненные предложения с однородными придаточными или простые предложения с однородными членами. При этом однородные компоненты предшествуют основной части, то есть период характеризуется интонационным членением на две части: «Первая часть произносится с повышением тона и убыстрением темпа, вторая после глубокой паузы — с понижением тона и замедлением темпа <...> Встречаются периоды, компоненты которых представлены предложениями, связанными бессоюзно или при помощи сочинительных союзов» [Лекант (ред.) 1982: 385]. Вторая часть нередко распадается на ряд произносимых с однородной интонацией один за другим членов [Гвоздев 1952: 321]. По содержанию «период представляет одно целое, развивает одну тему, раскрывая ее с известной полнотой и разносторонностью» [Голуб 2003: 430].

Отметим, что поэтический синтаксис Л. Н. Толстого серьезно исследовал В. В. Виноградов [Виноградов 1982: 443], подчеркивая в нем охват «явления во всей его комплексной полноте» и в то же время отмечая «принцип разложения сложного, составного понятия» [Виноградов 2010].

В лингвистике, исходя из характера грамматических и логических отношений между двумя компонентами, выделяют следующие виды периодов: заключительный (в понижении указывается на следствие из сказанного в повышении; это может быть конструкция с придаточным следствия или с придаточным степени с дополнительным значением следствия), определительный (обычно с соотношением союзных средств *кто... тот*), предикативный (в повышении подлежащее, в понижении — сказуемое), причинный, противительный, соединительный (в понижении содержится добавочная информация), сопоставительный (обычно с соотношением союзных средств *чем... тем*), сравнительный (пояснение через сравнение, обычно с соотношением союзных средств *как... так*), условный, уступительный [Розенталь, Теленкова 1976: 279–283]. Приведенная выше

типология в основном скоординирована с типологией придаточных предложений, но к ней не сводится.

В статье за основу группировки периодов мы возьмем **характер логико-смысловых отношений между их двумя основными компонентами**, хотя предметами осмысления будут и синтаксическая структура первого компонента, и художественная функция периода, в том числе его место в тексте произведения.

1. Обобщение на основе приведенных фактов. Имеется в виду раскрытие сущности человека на основе детализации его действий, поступков или реалий предметного мира. В этом случае на основе содержания первой части периода, информационно насыщенной, во второй части делается вывод нравственно-психологического характера.

А. В первой части периода может быть представлен детализированный интерьер, выступающий средством характеристики персонажа.

«Большой стол, на котором лежали книги и планы, высокие стеклянные шкафы библиотеки с ключами в дверцах, высокий стол для писания в стоячем положении, на котором лежала открытая тетрадь, токарный станок, с разложенными инструментами и с рассыпанными кругом стружками, — все выказывало постоянную, разнообразную и порядочную деятельность» [Толстой 2008, т. I–II: 114].

Перед нами объективированное описание пространства через его детализацию (*книги, планы, шкафы, стол с тетрадью, токарный станок с инструментами и стружками*). В первой части периода нагнетаются однородные подлежащие, распространенные придаточным определительным и обособленными несогласованными определениями. Определительное местоимение «все» выполняет функцию обобщающего слова при однородных членах. Противоречия между двумя смысловыми блоками периода нет, о чем свидетельствуют такие эпитеты при имени существительном «деятельность», как «постоянная», «разнообразная», «порядочная». Период представляет собой описание интерьера как средства характеристики внутреннего мира Николая Андреевича Болконского, отличающегося склонностью к интеллектуальной деятельности и любовью к физическому труду.

Б. Первая часть периода — детализированный портрет, раскрывающий внутренний мир персонажа.

«По тому, как полковой командир салютовал главнокомандующему, впиваясь в него глазами, вытягиваясь и подбираясь, как, наклоненный вперед, ходил за генералами по рядам, едва удерживая подрагивающее

движение, как подсказывал при каждом слове и движении главнокомандующего, — видно было, что он исполнял свои обязанности подчиненного еще с большим наслаждением, чем обязанности начальника» [Толстой 2008, т. I–II: 149].

На основе трех детализированных характеристик действий полкового командира, выраженных однородными местоименно-определятельными придаточными, повествователем делается вывод нравственно-психологической направленности. При этом следует особо указать на глаголы (*салютовал, ходил, подсказывал*), деепричастия (*впиваясь, вытягиваясь, подбираясь, удерживая*) и причастия (*наклоненный, подрагивающее*), которые подчеркивают подобострастность толстовского персонажа, подавая это его качество при помощи словосочетания «с большим наслаждением» в ироническом ключе. Причем придаточные предложения разрывают главное (*по тому... видно было...*), наполняя указательное местоимение предельно конкретным содержанием. Такое изображение полкового командира в полной мере соответствует следующим его характеристикам: «Полковой командир каждый раз при этом забегал вперед, боясь упустить слово главнокомандующего касательно полка», «Полковой командир испугался, не виноват ли он в этом, и ничего не ответил».

II. Причинно-следственные отношения между двумя компонентами.

Отметим, что причина и следствие — философские категории, которые фиксируют генетическую связь между явлениями.

А. Воспоминания, о которых говорится в первой части периода, предопределяют нравственно-психологическое состояние героя.

«Он вспоминал свои хлопоты, искательства, историю своего проекта военного устава, который был принят к сведению и о котором старались умолчать единственно потому, что другая работа, очень дурная, была уже сделана и представлена государю; вспомнил о заседаниях комитета, членом которого был Берг; вспомнил, как в этих заседаниях старательно и продолжительно обсуживалось все касающееся формы и процесса заседания комитета и как старательно и кратко обходилось все, что касалось сущности дела. Он вспомнил о своей законодательной работе, о том, как он озабоченно переводил на русский язык статьи римского и французского свода, и ему стало совестно за себя» [Толстой 2008, т. I–II: 595].

Опорными следует назвать глаголы «вспоминал» и «вспомнил» (последний глагол употребляется три раза). При этом первая часть периода осложняется однородными сказуемыми, дополнениями и определениями,

придаточным причины с разрывом составного союза, однородными изъяснительными и определительными придаточными. Но нельзя пройти мимо того, что глагол «вспоминал», употребляемый в третий раз, входит в синтаксическую конструкцию, оформленную как самостоятельное сложное предложение с сочинительной и подчинительной связью. Налицо прием парцелляции (употребление части предложения как отдельного предложения), который по смыслу и интонационно выделяет информацию, содержащуюся в этой конструкции.

Таким способом Л. Н. Толстой показывает целый комплекс поступков самого Андрея Болконского и тех людей, которые работали в комиссиях Сперанского. При этом в представленных автором характеристиках присутствует негативная оценка этой деятельности (дурная работа, игнорирование сущности дела, бесполезные переводы текстов с латинского и французского языков на русский язык). И самое главное: воспоминания пробуждают совесть, о которой говорится в заключительном компоненте периода.

Сам период предваряет фраза, содержание которой далее конкретизируется («Вернувшись домой, князь Андрей стал вспоминать свою петербургскую жизнь за эти четыре месяца, как будто что-то новое»). А после периода автор употребляет предложение, в котором вся «многоплановая» деятельность Болконского в Петербурге рассматривается в контексте обыденной, реальной жизни, знаки которой — Богучарово, деревня, Рязань, мужики, Дрон-староста. Следствием этого является удивление, «как он мог так долго заниматься такой праздной работой».

«Когда он перебирал в воображении всю эту странную русскую кампанию, в которой не было выиграно ни одного сраженья, в которой в два месяца не взято ни знамен, ни пушек, ни корпусов войск, когда глядел на скрытно печальные лица окружающих и слушал донесения о том, что русские все стоят, — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в сновидениях, охватывало его, и ему приходили в голову все несчастные случайности, могущие погубить его» [Толстой 2008, т. III–IV: 261].

Структуру первого компонента периода определяют два однородных придаточных времени, но он осложнен и двумя однородными определительными придаточными, что в ритмическом плане делает художественную речь более организованной. В связи с этим нельзя не упомянуть о союзе «когда» и относительном местоимении с непроизводным предлогом «в которую», выполняющими анафорическую функцию. Между двумя компонентами периода действует причинно-следственная связь: мысли о странной русской кампании, «скрытно печальные

лица окружающих» и донесения, свидетельствующие об упорстве русских, предопределяют «страшное чувство», подводящее Наполеона к мысли о гибели, катастрофе.

Период раскрывает психологическое состояние Наполеона во время Бородинского сражения, передавая прежде всего содержание его размышлений, вызванных и картинами памяти, и восприятием внешности и речи окружающих его людей. Далее конкретизируется мысль об опасности русских, способных «напасть на его левое крыло», «разорвать его середину», кроме того, «шальное ядро могло убить его самого». То есть определяющим является мотив случайности, встречающийся в периоде.

Но следует обратить внимание и на мотив сна («страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в сновидениях»): «Да, это было, как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей, и человек во сне размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, *бессильная и мягкая*, падает, как тряпка, и ужас *неотразимой* гибели обхватывает *беспомощного* человека» [Толстой 2008, т. III–IV: 261–262]. Курсивом мы выделили эпитеты и сравнение, которые по своему смыслу соотносятся со словосочетанием «страшное чувство», употребленным в заключительной части периода.

Б. Период нередко показывает влияние окружающего мира на психологическое состояние персонажа.

«Из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятеля, из-за вида вспотевшей, раскрасневшейся, торопящейся около орудий прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида дымков неприятеля на той стороне (после которых всякий раз прилетало ядро и било в землю, в человека, в орудие или в лошадь), — из-за вида всех этих предметов у него в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту» [Толстой 2008, т. I–II: 245].

Между двумя компонентами — причинно-следственные отношения, реализуемые при помощи однородных обстоятельств причины с непроизводным предлогом «из-за». При этом в заключительной части также употребляется обстоятельство причины, приобретая обобщающее значение: *из-за звуков, из-за свиста и ударов, из-за вида прислуги, из-за вида дымков* (конструкция распространена вставным придаточным определительным) > *из-за вида всех этих предметов*.

Отметим, что в центре внимания — восприятие окружающего мира капитаном Тушиным, выстраивавшим на его основе и на основе новых впечатлений совершенно особый, чуть ли не сказочный мир, детали

которого позднее раскрывает писатель: Матвеевной представлялась ему старинного литья пушка, муравьями — французы около своих орудий, дядей — первый номер второго орудия, красавец и пьяница; звук ружейной перестрелки, то замиравший, то усиливающийся, казался ему чьим-то дыханием, а себя он воспринимал как богатыря, обеими руками швыряющего французам ядра. То есть период подготавливает ту картину, которая возникает в сознании толстовского персонажа, мыслящего яркими образами. Психологический ракурс в подаче события является здесь определяющим, несмотря на выразительные детали, имеющие отношение к Шенграбенскому сражению.

«Когда он [Ростов] увидал первого гусара в расстегнутом мундире своего полка, когда он узнал рыжего Дементьева, увидал коновязи рыжих лошадей, когда Лаврушка радостно закричал своему барину: “Граф приехал!” — и лохматый Денисов, спавший на постели, выбежал из землянки, обнял его и офицеры сошлись к приезжому, — Ростов испытывал такое же чувство, как когда его обнимала мать, отец и сестры, и слезы радости, подступившие ему к горлу, помешали ему говорить» [Толстой 2008, т. I–II: 505–506].

В первой части периода употребляются три однородных придаточных времени¹, называющих ситуации (их участники — гусар, Дементьев, рыжие лошади, Лаврушка, обнявший Николая Денисов, подошедшие к приезжому офицеры), которые повлияли на психологическое состояние Ростова, ассоциирующего родной полк с домом и в силу молодости склонного к сентиментальным реакциям на окружающий мир. Отметим, что во второй части периода присутствуют причинно-следственные отношения: чувство, знакомое Николаю по объездам матери, отца, сестер, как бы провоцирует слезы радости. Но эти же смысловые отношения существуют и между двумя компонентами периода, несмотря на то что автор активно употребляет придаточные времена.

Далее сформулированная в конце периода тема получает свое развитие: «Вступив снова в эти определенные условия полковой жизни, Ростов испытал радость и успокоение, подобные тем, которые чувствует усталый человек, ложась на отдых». При этом это психологическое состояние предопределяет чрезвычайно важное намерение толстовского персонажа, проигравшего огромную сумму Долохову в Москве, — «загладить свою вину, служить хорошо и быть вполне отличным товарищем и офицером, то есть прекрасным человеком, что представлялось трудным *в миру*,

¹ «Сложноподчиненные предложения с придаточными времени играют значительную роль в целостной текстовой организации и в создании образов романа» [Поспелова 2011: 117].

а в полку столь возможным». И самое главное — за пять лет заплатить долг родителям. Иначе говоря, речь идет о попытке нравственного очищения человека. А ранее охарактеризованное психологическое состояние Ростова предвдвуряет и обусловливает начало этого процесса.

«Когда он в первый день, встав рано утром, вышел на заре из балагана и увидел сначала темные купола, кресты Новодевичьего монастыря, увидел морозную росу на пыльной траве, увидел холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекою и скрывающийся в лиловой дали лесистый берег, когда ощутил прикосновение свежего воздуха и услышал звуки летевших из Москвы через поле галок и когда потом вдруг брызнуло светом с востока и торжественно выплыл край солнца из-за тучи, и купола, и кресты, и роса, и даль, и река, все заиграло в радостном свете, — Пьер почувствовал новое, не испытанное им чувство радости и крепости жизни» [Толстой 2008, т. III–IV: 526–527].

В первый компонент периода входит пять однородных придаточных времени, связанных со вторым компонентом причинно-следственной связью. Причем в первых трех случаях употребляется подчинительный союз «когда», а далее он опускается. Нельзя не отметить, что в первом придаточном предложении три раза употребляется глагол-сказуемое «увидал», являющийся опорным при перечислении объектов восприятия, то есть темных куполов, крестов Новодевичьего монастыря, морозной росы, холмов Воробьевых гор, лесистого берега, который характеризуется при помощи однородных согласованных определений, выраженных причастными оборотами. Участвуют в создании панорамной картины, возникающей в сознании Пьера Безухова, и усиливают ритмическую организацию периода однородные подлежащие с повторяющимся соединительным союзом («купола, и кресты, и роса, и даль, и река»), после которых стоит обобщающее слово «все».

В изображении природы присутствует динамика: стоило брызнуть светом с востока и выплыть краю солнца из-за тучи, как «все заиграло в радостном свете». Роль глаголов-сказуемых совершенного вида, фиксирующих чуть ли не мгновенные изменения в мире природы, является определяющей: «брызнуло» > «выплыл» > «заиграло». В последнем случае при помощи приставки «за-» указывается лишь на начало процесса, предельная граница которого не устанавливается.

Восприятие панорамной картины влияет на психологическое состояние Пьера Безухова, о чем свидетельствует употребление однокоренных слов в разных компонентах периода: «в радостном свете» — «чувство радости и крепости жизни». Далее само это чувство показывается в развитии: «И чувство это не только не покидало его во все время плена, но,

напротив, возрастало в нем по мере того, как увеличивались трудности его положения». В следующей фразе это чувство подается в этическом ракурсе: «Чувство это готовности на все, нравственной подобранности еще более поддерживалось в Пьере тем высоким мнением, которое вскоре по его вступлении в балаган установилось о нем между его товарищами». При этом подчеркивается значение людей, окружающих человека в трудные минуты жизни.

Как мы видим, период фиксирует перелом во внутреннем мире персонажа, определяющий новый этап в его жизни.

В. Период может передавать последовательность действий и психологических реакций героя, следствием которой является его определенное душевное состояние.

«Явившись к полковому командиру, получив назначение в прежний эскадрон, сходявши на дежурство и на фуражировку, войдя во все маленькие интересы полка и почувствовав себя лишенным свободы и закованным в одну узкую неизменную рамку, Ростов испытал то же успокоение, ту же опору и то же сознание того, что он здесь дома, на своем месте, которые он чувствовал и под родительским кровом» [Толстой 2008, т. I–II: 506].

Причинно-следственные отношения между двумя компонентами периода и здесь являются определяющими: при помощи пяти обособленных однородных обстоятельств причины, выраженных деепричастными оборотами, автор называет действия Николая Ростова и знакомит нас с его психологической реакцией на то, что он видит, появившись в своем полку. И далее целый комплекс впечатлений и чувств, ими вызванных, обуславливает успокоение и ассоциацию с тем душевным состоянием, которое ему знакомо тогда, когда он находится «под родительским кровом».

Нельзя не отметить, что по смыслу как бы «рифмуются» образы «узкая неизменная рамка» и «дом», «родительский кров». Но возвращение Николая Ростова в Павлоградский полк означает и возвращение в своеобразный монастырь, освобождающий человека от «безурядицы вольного света», где, по мнению Ростова, все вздор и пустота, от жизни *в миру* [Бочаров 1985: 233].

Г. Фиксация факторов, влияющих на действия героя, о которых говорится во втором компоненте периода.

«В Совет платилось около восьмидесяти тысяч по всем имениям; около тридцати тысяч стоило содержание подмосковной, московского дома и княжон; около пятнадцати тысяч выходило на пенсии, столько же на богоугодные заведения; графине на прожитье посылалось сто

пятьдесят тысяч; процентов платилось за долги около семидесяти тысяч; постройка начатой церкви стоила эти два года около десяти тысяч; остальное, около ста тысяч, расходилось — он сам не знал как, и почти каждый год он принужден был занимать» [Толстой 2008, т. I–II: 84].

Период наполняет конкретным смыслом предшествующую фразу: «В общих чертах он смутно чувствовал следующий бюджет». Первый компонент представляет собой бессоюзное сложное предложение², состоящее из восьми частей, которые перечисляют «статьи» расходов Пьера Безухова, занимающегося практической деятельностью после получения гигантского наследства от отца. Второй же компонент непосредственно связан по смыслу с предыдущей предикативной частью («расходилось — он сам не знал как») и со всем первым компонентом («и почти каждый год он принужден был занимать»). Кода развернутого высказывания не может не восприниматься как вывод и в то же время как фиксация следствия того, о чем говорится в первых восьми предикативных частях.

За рамки рассмотренного периода выходит следующая фраза, которая содержит дополнительную информацию: «Кроме того, каждый год главноуправляющий писал то о пожарах, то о неурожаях, то о необходимости перестроек фабрик и заводов».

III. Уступительные отношения. Первый компонент периода называет комплекс причин, вопреки которому формируется ситуация, характеризующаяся во втором компоненте.

А. В первой части периода передается содержание размышлений героя, вопреки которым он принимает решение.

«Как ни трудно и странно было ему [Ростову] думать, что он уедет и не узнает из штаба того, что особенно интересно было ему, произведен ли он будет в ротмистры, или получит Анну за последние маневры; как ни странно было думать, что он так и уедет, не продав графу Голуховскому тройку саврасых, которых польский граф торговал у него и которых Ростов на пари бил, что продаст за две тысячи; как ни непонятно казалось, что без него будет тот бал, который гусары должны были дать панне Пшаздецкой в пику уланам, дававшим бал своей панне Боржозовской, — он знал, что надо ехать из этого ясного, хорошего мира куда-то туда, где все было вздор и путаница» [Толстой 2008, т. I–II: 626].

² Периоды с бессоюзными сложными предложениями — нечастое явление. Такая синтаксическая структура встречается, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Мне вас не жаль, года весны моей...» [Бабайцева, Максимов 1981: 260].

В первый компонент периода автор включил три однородных придаточных уступительных с сочетанием относительного наречия «как» и частицы «ни». При этом к первому придаточному присоединяются три придаточных изъяснительных на основе последовательного подчинения; ко второму — два придаточных изъяснительных с последовательным подчинением и два однородных придаточных определительных; к третьему — придаточные изъяснительное и определительное при последовательном подчинении. При этом анафорическую позицию занимают следующие вариативные структуры, выполняющие опорную функцию: «как ни трудно и странно было ему думать, что», «как ни странно было думать, что», «как ни непонятно казалось, что».

Глаголам «думал» и «казалось» резко противопоставит глагол из второго компонента периода «знал», сигнализирующий читателям о результате мыслительного процесса Николая Ростова. Это результат, отрицающий те искушения, которым он должен был бы поддаться: узнать о воинском звании или награде, продать графу тройку саврасых, развлекаться на предстоящем балу. В своеобразном «монастыре» (а это полк) все ясно и хорошо, а «в миру», куда должен на некоторое время Николай вернуться, «все было вздор и путаница».

Решение Николая Ростова не может не восприниматься как следствие письма его матери, в котором говорится о том, «что ежели Николай не приедет и не возьмется за дело, то все имение пойдет с молотка и все пойдут по миру». Период, рассмотренный выше, доказывает, что письмо подействовало на Николая: «У него был тот здравый смысл посредственности, который показывал ему, что было *должно*».

Б. Вариантам интерпретации событий противопоставляется сама реальность.

«Как ни странны исторические описания того, как какой-нибудь король или император, поссорившись с другим императором или королем, собрал войско, сразился с войском врага, одержал победу, убил три, пять, десять тысяч человек и вследствие того покорил государство и целый народ в несколько миллионов; как ни непонятно, почему поражение одной армии, одной сотой всех сил народа, заставило покориться народ, — все факты истории (насколько она нам известна) подтверждают справедливость того, что большие или меньшие успехи войска одного народа против войска другого народа суть причины или по крайней мере существенные признаки увеличения или уменьшения силы народа» [Толстой 2008, т. III–IV: 548].

Философское рассуждение автора об увеличении или уменьшении силы народа в результате больших или меньших успехов войска в военных

действиях строится на основе противопоставления содержания второго компонента периоду первому, представляющего собой два однородных придаточных уступки, к каждому из которых присоединяется по придаточному изъяснительному: «как ни странно исторические описания того, как...», «как ни непонятно, почему...» > «все факты истории подтверждают справедливость того, что...». Придаточное изъяснительное входит в структуру и второго компонента периода, который отражает содержание первого компонента: «большие или меньшие успехи», «увеличение или уменьшение сил народа» — «как ни странно...» (речь идет о победе армии) и «как ни непонятны...» (говорится о ее поражении).

В состав первой синтаксической структуры, начинающейся придаточным уступительным, входит целый комплекс однородных сказуемых (*собрал, сразился, одержал, убил и покорил*), фиксирующих последовательность действий короля или императора-агрессора, и однородных прямых дополнений с именами числительными (*три, пять, десять тысяч человек*), расположенными в соответствии с принципом градации. Причем явно преобладает бессоюзие, делающее речь в интонационном плане более жесткой, резкой, что в полной мере соответствует содержанию высказывания. Во второй конструкции с придаточным уступительным встречается обособленное согласованное распространенное приложение, выполняющее уточняющую функцию («одной сотой всех сил народа») и по своему смыслу соотносящееся со словом «непонятно».

Какое место занимает этот период в тексте авторского отступления? Рассмотренное выше рассуждение предшествует следующему утверждению, подкрепляемому примерами из военной истории: «Так было (по истории) с древнейших времен и до настоящего времени. Все войны Наполеона служат подтверждением этого правила. По степени поражения австрийских войск — Австрия лишается своих прав, и увеличиваются права и силы Франции. Победа французов под Иеной и Ауерштетом уничтожает самостоятельное существование Пруссии».

В. *Несоответствие между тем, что должно было случиться, и реальностью.*

«Несмотря на то, что войска были раздеты, изнурены, на одну треть ослаблены отсталыми, ранеными, убитыми и больными; несмотря на то, что на той стороне Дуная были оставлены больные и раненые с письмом Кутузова, поручавшим их человеколюбию неприятеля; несмотря на то, что большие госпитали и дома в Кремсе, обращенные в лазареты, не могли уже вмещать в себе всех больных и раненых, — несмотря на все это, остановка при Кремсе и победа над Мортье значительно подняли дух войска» [Толстой 2008, т. I–II: 191].

Три однородных придаточных уступки в первой части называют обстояательства, вопреки которым поднялся дух русского войска. Иначе говоря, налицо перечисление различных факторов, не сыгравших своей, казалось бы, очевидной роли.

Отметим следующие синтаксические особенности периода: составной союз во всех трех случаях разрывается (следствие этого разрыва: придаточное уступки присоединяется при помощи союза к сочетанию производного предлога с указательным местоимением, наполняя последнее конкретным содержанием); во второй части периода употребляется конструкция с производным предлогом с обобщающим значением (*несмотря на все это*); внутри придаточных частей употребляются однородные составные именные сказуемые (*раздеты, изнурены, ослаблены*), подлежащие (*больные и раненые*), дополнения (*отсталыми, ранеными, убитыми и больными; больных и раненых*); в двух случаях употребляются обособленные согласованные определения, которые выражены причастными оборотами, фиксирующими цель письма Кутузова и судьбу домов в Кремсе. Указанные выше синтаксические особенности положительно влияют не только на содержание периода (ощутимо стремление повествователя к полноте передаваемой исторической информации), но и на ритмическую организацию фразы.

IV. Вторая часть периода, синтезирующая информацию (комплекс воспоминаний), которая представлена в первой части.

«И Аустерлиц с высоким небом, и мертвое укоризненное лицо жены, и Пьер на пароме, и девочка, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна — и все это вдруг вспомнилось ему» [Толстой 2008, т. I–II: 540].

Перед нами простое предложение с шестью однородными подлежащими, соединенными повторяющимся соединительным союзом, и обобщающим словом. При этом в первых четырех случаях подчеркиваются детали (см. курсив), при помощи которых в сознании Андрея Болконского оживают воспоминания.

Если рассматривать период в контексте главы, в которую он включается автором, то необходимо отметить следующее: 1) чуть ранее минуты жизни, о которых вспомнил Андрей, названы лучшими; 2) воспоминания вызваны созерцанием преображенного дуба с сочными, молодыми листьями; 3) воспоминания подводят толстовского героя к решению, названному окончательным и беспеременным: «Нет, жизнь не кончена в тридцать один год <...> но надо, чтобы и все знали это...». Налицо перелом во внутреннем мире Болконского, свидетельствующий о выходе из духовного и душевного кризиса.

Неизбежен следующий **вывод**: первые компоненты периодов, употребляемых Л. Н. Толстым в романе «Война и мир», отличаются **синтаксическим разнообразием**. Это 1) однородные члены предложения, в том числе и обособленные, выраженные деепричастными оборотами; 2) однородные придаточные времени; 3) однородные придаточные уступки с разрывом составного союза и с сочетанием относительного наречия с частицей; 4) однородные придаточные местоименно-определятельные; 5) бессоюзное сложное предложение с предикативными частями, выражающими перечислительные отношения.

Соотнесем **логику периода с художественной логикой** романа «Война и мир».

Дело в том, что «Война и мир» — не просто роман, а роман-эпопея, претендующий, в силу своих жанровых особенностей, на создание целостной картины мира, бытия, в связи с чем вспомним об одном из символических образов, встречающемся в четвертом томе произведения. Имеется в виду шар, в центре которого Бог, а его окружают капли, стремящиеся в наибольшей степени его отразить. Период также представляет собой целостную структуру, некую модель персонажа, ситуации, явления и т. п. Но роман-эпопея немислим без развернутой детализации жизни и предметного мира, и живой интерес к деталям, фактам и факторам проявляется в первом компоненте периода, а за этим стоит сложность, многообразие мира и самой жизни. Ритмическая же организация этого компонента, основанная в большинстве случаев на сочинительной связи, то есть однородных конструкциях, и усиленная анафорами, отражает по-своему упорядоченный ритм самой реальности.

Таким образом, период может рассматриваться как **способ акцентирования** внимания читателя на художественной информации, приобретающей в произведении особую значимость. Это жизненная активность Николая Андреевича Болконского; психологический мир Николая Ростова, в сознании которого сближаются понятия «дом» и «полк», хотя толстовский герой и представляет жизнь в полку как жизнь в монастыре, но ни в коем случае не в миру; перелом во внутреннем мире Андрея Болконского, обуславливающий содержание нового этапа его жизни под воздействием Наташи (ночь в Отрадном, танец с Наташей); отсутствие практицизма у Пьера и перелом в его сознании и душе во время плена под воздействием Платона Каратаева; переживания Наполеона во время Бородинского сражения; негативная характеристика полкового командира, близкая к сатирической, и поэтическая натура капитана Тушина, представляющего мир «простоты, добра и правды»; авторские мысли о духе русского войска и о факторах увеличения или уменьшения «силы народа».

Источники

Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Эксмо, 2008. Т. I–II. 768 с.; Т. III–IV. 800 с.

Литература

- Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация: Учебное пособие для студентов. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
- Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.
- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков: Учебник. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
- Виноградов В. В. О языке Толстого (50–60-е годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/vinogradov-o-yazyke-tolstogo/glava-vtoraya.htm> (дата обращения: 25.03.2023).
- Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Издательство АПН РСФСР, 1952. 356 с.
- Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 4-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003. 448 с.
- Лекант П. А. (ред.). Современный русский литературный язык: Учебник. М.: Высшая школа, 1982. 399 с.
- Поспелова Ю. О. Композиционно-синтаксическая специфика изображения времени в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Филология, 2011. С. 113–118.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
- Чичерин А. В. О языке и стиле романа-эпопеи «Война и мир». Львов: Издательство Львовского университета, 1956. 73 с.
-

References

- Babaytseva V. V., Maksimov L. Yu. *Sovremennyi russkii yazyk v 3 chastyakh. Chast 3. Sintaksis. Puntuatsiya: Uchebnoe posobie dlya studentov* [Modern Russian in 3 parts. Part 3. Syntax. Punctuation: A textbook for students]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1981. 271 p.
- Bocharov S. G. *O khudozhestvennykh mirakh* [About the artistic worlds]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1985. 296 p.
- Chicherin A. V. *O yazyke i stile romana-epopei «Voina i mir»* [About the language and style of the epic novel “War and Peace”]. Lvov, Lvov Univ. Publ., 1956. 73 p.

- Filin F. P. (ch. ed.). *Russkii yazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1979. 432 p.
- Golub I. B. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. 4th ed. Moscow, Airispress Publ., 2003. 448 p.
- Gvozdev A. N. *Ocherki po stilistike russkogo yazika* [Essays on the stylistics of the Russian language]. Moscow, Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1952. 356 p.
- Lekant P. A. (ed.). *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk: Uchebnik* [Modern Russian literary language: Textbook]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1982. 399 p.
- Pospelova Yu. O. [Compositional and syntactic specificity of the image of time in L. N. Tolstoy's novel "War and Peace"]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*, 2011, pp. 113–118. (In Russ.)
- Rosenthal D. E., Telenkova M. A. *Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov: Posobie dlya uchitelya* [Dictionary-handbook of linguistic terms: A teacher's manual. 2nd edition, revised and supplemented]. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 543 p.
- Vinogradov V. V. *O yazyke Tolstogo (50–60-e gody)* [About Tolstoy's language (50–60s)]. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/vinogradov-o-yazyke-tolstogo/glava-vtoraya.htm> (accessed 25.03.2023).
- Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov: Uchebnik*. [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th – 19th centuries: Textbook]. 3rd ed. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1982. 528 p.

Наука в лицах

Памяти Александра Анатольевича Соколянского

Science and Persons

In memory of Alexander Anatolyevich Sokolyansky

26 декабря 2023 года на 67-м году жизни скончался Александр Анатольевич Соколянский, член редколлегии журнала «Русская речь», доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного государственного университета, где он долгие годы заведовал кафедрой русского языка.

Главная сфера его научных интересов связана с историей русского языка, фонетикой, фонологией и анализом поэтической речи. Ученик Владимира Константиновича Журавлева и Михаила Викторовича Панова, он продолжал развивать идеи Московской фонологической школы, в частности идеи, высказанные в «Русской фонетике» (1967). Выстраивая модель многоуровневой фонологии русского языка (эту модель он представил в докторской диссертации, защищенной в 2011 году в МПГУ), он начинал ее с выявления общей аксиоматики лингвистики, которая предполагает разграничение *речевого потока, языка и речи*. Это разделение,

Александр Анатольевич Соколянский | Alexander Anatolyevich Sokolyansky

восходящее к классификации Ф. Сосюра, подразумевает выявление в фонологической системе языка единиц на каждом уровне: *слога* как минимальной единицы речевого потока, *звука речи первого рода*, *звука речи второго рода* в качестве единицы речи, *звука языка* как единицы языка, обеспечивающей связь языка и речи; наконец, единиц, работающих на разных уровнях языка, — дифференциатора, синтагмо-фонемы, парадигмо-фонемы и морфонемы. А. А. Соколянский дал определение понятия *позиции* при описании всех уровней языка.

Впрочем, как замечал А. А. Соколянский, «главное в предлагаемой модели многоуровневой фонологии

состоит не в количестве выделяемых уровней, а в стремлении дать единые основания для фонетики и фонологии». С его точки зрения, «фонема существует во всем ряде выделяемых единиц», «все это вместе — фонема на разных уровнях ее реализации»¹ [Соколянский 2010: 4].

Такой подход позволил обнаружить новые объекты исследования в фонетике русского языка, по-новому поставить вопросы фонологического статуса [ц], описания сладкоязычия и др.

Собственно, эта попытка создания «непротиворечивой фонологической теории» была рождена желанием найти общий знаменатель для теорий трех фонологических школ: Ленинградской, Пражской, Московской. Несколько огрубляя, можно заметить, что эта задача сродни той, что пытались решить создатели квантовой теории, пытаясь примирить в начале XX века волновую и корпускулярную теории света. В случае фонологии речь идет не только о «примирении» фонетических характеристик и смысловозначительных функций фонемы, но и о ее месте в иерархической системе языка.

Эти размышления способствовали углублению, с одной стороны, в историю лингвистической науки, с другой — в историю языка. И язык, его развитие, и наука о нем оказывались единым живым объектом размышлений. Отсюда, возможно, дерзкий тезис А. А. Соколянского в его

¹ Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка. Автореф. дисс. на соиск. ... доктора филол. наук. М., 2010. С. 4.

докторской диссертации о том, что «противопоставление синхронии и диахронии, сыгравшее важную роль в становлении лингвистики XX века, сегодня становится препятствием на пути к принятию фонологически обоснованных решений»² [Соколянский 2010: 3].

Для самого А. А. Соколянского первым связующим звеном между диахронией и синхронией, похоже, оказалось изучение говоров Северо-Востока России. Во всяком случае, его первая научная работа — «Фонетическая система старожильческого говора села Ямска Магаданской области (фонологический анализ)» (1980), которую он защищал как дипломную в Магаданском государственном педагогическом институте, — опиралась на полевые исследования. Гораздо позже, уже в 2010 году, он отредактирует труд своего первого учителя Г. В. Зотова «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» и поспособствует его изданию.

Этот «региональный» поворот (который сегодня все более видится актуальным в разных науках, от экономики до культурологии) в работах А. А. Соколянского отзовется, например, в сделанном им описании истории сладкоязычия в русских говорах.

Вот это умение видеть факты современного языка через призму истории языка, местных говоров и истории людей — одна из отличительных черт подхода А. А. Соколянского как ученого. Выстраивание этой оптики — отдельное искусство. Но главное, что в этой оптике и построенных им моделях не исчезал человек.

Язык для него был не только «материалом исследования» или «моделью», но «живым как жизнь», изменчивым, развивающимся, восхитительным «субъектом». В таком понимании языка он, конечно, был истинным учеником М. В. Панова.

С учителем его объединяет еще одно — ощущение преемственности того поиска истины, который начат не нами и продолжится после нас. В этом смысле очень характерен эпиграф, который он берет у М. В. Панова, предваряя свою статью «Фонема как восхождение: основные положения многоуровневой фонологии»³. Вот этот эпиграф из работы М. В. Панова: «На самом деле у меня теория некрасивая, в смысле том, что она громоздкая. Я жду: придет кто-то, кто сделает какой-то следующий шаг, что-то извлечет из нее, то, что будет плодотворным. Приди, незнакомец! А может, я и сам сделаю шаг, пока я еще не умер»⁴. Наука здесь понимается не как вариант карьеры, а как миссия — поиск истины.

² Соколянский А. А. Указ. соч. С. 3.

³ Соколянский А. А. Фонема как восхождение: основные положения многоуровневой фонологии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2018. № 3. С. 194–217.

⁴ Панов М. В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. С. 114.

Миссия поиска знания и передачи «огня» для Александра Анатольевича были, конечно, неразрывно связаны. И преподавательская работа в университете, и выступления на Рождественских и Кирилло-Мефодиевских чтениях (именно он был их инициатором в Магадане в 1998 году) в родном городе, адресованных более широкой аудитории, были для него радостью, желанием воспитать единомышленников, продолжателей дела. Его дар объяснять сложнейшие вещи просто, ярко, запоминающе знают не только студенты.

И еще — он щедро делился роскошью человеческого общения. Его юмор, деликатность, готовность прийти на помощь знают все, кто с ним общался. Он обладал редким даром объединять людей. Он притягивал их теплотой, умом, умением выстраивать стратегию развития. Кто-то вслед за древними считает, что управлять — это разделять и властвовать. Для А. А. Соколянского управлять, ровно наоборот, значило объединять людей, ценить уникальность каждого, ставить общие задачи и давать каждому в коллективе возможность роста, перспективы, самореализации.

Свою статью о Михаиле Викторовиче Панове в «Русской речи» в 2020 году А. А. Соколянский назвал «Мой Панов»⁵. У всех, кто был знаком с Александром Анатольевичем, есть «свой Соколянский». Драгоценный человек, яркий ученый, сильная личность, деликатный, тонкий собеседник. Этого «своего Соколянского» мы будем хранить в сердце, благодаря Бога за дар встречи с ним.

Жанна Васильева

⁵ Соколянский А. А. Мой Панов: к 100-летию со дня рождения // Русская речь. 2020. № 4. С. 111–123.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

16+

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14
20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1